

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5

Выпуск (860)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

5

Issue (860)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 5(860)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 5 (860)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Поэтика повседневности (на материале стихотворений швейцарского писателя и поэта Б. Брехбюля)

ГУСЕЙНОВА И. А. 9

Функционирование процесса усечения слов и сокращений
(в статьях французских ежедневных газет)

ИБРАГИМ У. З. 16

Синтаксические особенности английского поэтического дискурса XIX–XX вв.

КЕРОВА А. В. 24

Языковые средства экспрессивности жанра «Letter to the Editor»

КЛЕПАЦКАЯ А. М. 30

Особенности синергии мультимодальных эвиденциальных смыслов
в пространстве массмедийного новостного дискурса

КОЗЛОВСКИЙ Д. В. 37

Гендерная «необъективность» при восприятии речевого доминирования

КОМАЛОВА Л. Р., БОРЦАЙКИНА А. С. 46

Методика семиотического анализа этнокультурного бренда (на материале наименований
популярных японских брендов)

ЛЕВШИЦ А. Д. 55

Проблема понимания метафор

МАМЕДЛИ Г. Р. 61

Особенности провербиальных фразеологизмов на примере разных языковых групп

НАСИРОВ А. А. 68

Тема переселения в русских пословицах и поговорках и контексты лексемы «миграция» в дискурсе
российских СМИ: источники формирования концепта «миграция»

ОПАРИНА Е. О. 79

Жестовое поведение при описании негативных событий в гендерном аспекте

РАШИНА А. А., ТОМСКАЯ М. В. 85

Способы эксплицитной вербализации пространства в современных немецких детективах

РЫБАКОВА М. Б. 93

Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в гибридном тексте
(на материале современного немецкоязычного фельетона)

СЕВЕРИНА Е. А. 99

Гендерная корректность в немецкоязычной коммуникации

ТРОШИНА Н. Н. 105

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвостилистическое оформление текстов туристической рекламы (на материале немецкоязычных туристических буклетов)	
ЯКОВЛЕВА Э. Б.	112

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О толковании в эпоху Чинквеченто аристотелевского учения о хороших характерах	
ЛОЗИНСКАЯ Е. В.	120
Городской ландшафт в романе Г. Служителя «Дни Савелия»: социальные аспекты	
РАРЕНКО М. Б.	127
Зима наступает: образы зимы и весны в немецкоязычной поэзии прошлого и настоящего	
СОКОЛОВА Е. В.	133

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Прецедентные тексты в философской системе Живой Этики: культурологические аспекты	
ЛАВРЕНОВА О. А.	140
Французское общество в XXI веке: контуры культурно-ценностного раскола	
ЛАПИНА Н. Ю.	147

LINGUISTICS

Poetics of Everyday Life (based on poems by Swiss writer and poet B. Brechbühl) GUSEYNOVA I. A.	9
Functioning of the Process of Turning Words and Abbreviations (in articles of French daily newspapers) IBRAHIM U. Z.	16
Syntactic Peculiarities of English Poetry in the 19 th –20 th Centuries KEROVA A. V.	24
Linguistic Means of Expressiveness of the Genre “Letter to the Editor” KLEPATSKAYA A. M.	30
Specifics of Synergy of Multimodal Evidential Meanings in the Space of Mass Media News Discourse KOZLOVSKY D. V.	37
Gender Bias while Perceiving Speech Dominance KOMALOVA L. R., BORTSAIKINA A. S.	46
Methods of Semiotic Analysis in Ethnocultural Branding (based on popular Japanese brandnames) LEVSHITS A. D.	55
The Problem of Understanding Metaphors MAMMADLI G. R.	61
Peculiarities of Proverbial Phraseological Units on the Example of Different Language Groups NASIROV A. A.	68
The Theme of Resettlement in Russian Proverbs and the Contexts of the Noun “Migration” in Russian Mass-Media Discourse: the Sources of the Concept “Migration” OPARINA E. O.	79
Gesture Behavior in the Description of Negative Events: Gender Aspect RASHINA A. A., TOMSKAYA M. V.	85
Ways of Explicit Verbalizing Space in Modern German Detective Stories RYBAKOVA M. B.	93
Feminitives as a Tool of Gender Differentiation in the Media (based on the modern German-language feuillets) SEVERINA E. A.	99
Gender Correctness in German Speaking Communication TROSHINA N. N.	105

CONTENTS

Linguistic and Stylistic Design of Tourist Advertising Texts (based on the texts of tourist booklets)	
YAKOVLEVA E. B.	112

LITERARY STUDIES

On the Interpretation of the Aristotelian Doctrine of Good Character in the Cinquecento	
LOZINSKAYA E. V.	120
The Urban Landscape in the Novel by G. Sluzhitel' "The Days of Savelij": Social Aspects	
RARENKO M. B.	127
Winter's Advance: Images of Winter and Spring in German-language Poetry	
SOKOLOVA E. V.	133

CULTUROLOGY

Precedent Texts in the Philosophical System Living Ethics: the Cultural Studies Aspects	
LAVRENOVA O. A.	140
French Society in the XXI Century: Contours of the Cultural and Value Split	
LAPINA N. YU.	147

Поэтика повседневности (на материале стихотворений швейцарского писателя и поэта Б. Брехбюля)

И. А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ginnap@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть в междисциплинарном русле особенности поэтики повседневности, реализуемой в немецкоязычном художественном дискурсе. Особое внимание уделяется социолингвистическому аспекту, специфике бытовой коммуникации, представленной в художественном нарративе и современной немецкоязычной поэзии. Описываются лингвокогнитивные основы поэтики повседневности, анализ и интерпретация которой возможны только благодаря совместному интеллектуальному участию автора и читателя. Выделяются стилистические приемы, оказывающие комплексное (интеллектуальное, чувственное, духовное) воздействие на читателя. Анализ конкретных поэтических произведений проводится с учетом особенностей когнитивной системы человека на парных оппозициях рациональное / эмоциональное, динамическое / стабильное, национально-культурное / универсальное. Делается вывод: поэтика повседневности требует взаимодействия когнитивных систем автора и читателя, поэтизация повседневности осуществляется за счет стилистической обработки ограниченного набора общеупотребительной лексики, стимулирующей интеллектуальные усилия читателя через процедуры когнитивного анализа и интерпретации. Поэтизация повседневности достигается также за счет языковых средств, присущих немецкоязычному художественному нарративу.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, поэтика повседневности, язык повседневности, бытовая коммуникация, художественный нарратив, лингвокогнитивный

Для цитирования: Гусейнова И. А. Поэтика повседневности (на материале стихотворений швейцарского писателя и поэта Б. Брехбюля) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_9

Original article

Poetics of Everyday Life (based on poems by Swiss writer and poet B. Brechtbühl)

Innara A. Guseynova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ginnap@mail.ru

Abstract. The article attempts to take an interdisciplinary approach to considering features of the poetics of everyday life produced in German artistic discourse. Special attention is given to the sociolinguistic aspect, the specificities of everyday communication in fiction narrative and contemporary German poetry. The paper describes linguistic and cognitive foundations behind the poetics of everyday life, whose analysis and interpretation are made possible thanks to the author-reader joint intellectual participation. Stylistic means that have a complex (intellectual, sensual, and spiritual) impact on the reader are brought into focus. Analysis of certain poetic works is carried out taking into account the peculiarities of human cognitive system based on the binary oppositions of rational vs. emotional, dynamic vs. stable, national-cultural vs. universal. The article makes a conclusion that the poetics of everyday life requires interaction of author-reader cognitive systems, and the poeticization of everyday life is implemented through stylistic processing of a limited set of common vocabulary that stimulates the reader's intellectual efforts by means of cognitive analysis and interpretation. The poeticization of everyday life is also achieved through linguistic means inherent in German fiction narrative.

Keywords: cognitive poetics, poetics of everyday life, language of everyday life, everyday communication, fiction narrative, linguo-cognitive

For citation: Guseynova, I. A. (2022). Poetics of everyday life (based on poems by Swiss writer and poet B. Brechtbühl). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5 (860), 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_9

ВВЕДЕНИЕ

Стимулом к написанию данной статьи послужили научные изыскания, проводимые отечественными и зарубежными исследователями в области социолингвистики, в области когнитивной поэтики, в области художественного нарратива и др. [Schalley, Eisenclas, 2020; Богданов, Марусенко, Марусенко, 2020; Исакова, 2022; Тарасова, 2020]. В трудах вышеперечисленных ученых подчеркивается необходимость изучения современного языка, используемого в различных типах среды, при этом особое внимание следует уделить тем формам его существования, которые используются в институциональной, профессиональной и бытовой сферах.

Повседневный язык претерпевает изменения, находясь под влиянием различных коммуникационных каналов передачи и распространения информации, под влиянием культуры, моды, совокупности различных потребностей у целевых аудиторий, вкусовых предпочтений, а также иных факторов. Мы не стремимся дать определение языку повседневности, однако, отмечаем, что его употребление во многом обусловлено прагматическими обстоятельствами. По этой причине, неточное употребление языковых средств, непродуманное применение ресурсов языка в отличие от институциональной или профессиональной коммуникации не препятствуют взаимодействию с бытовой сферой, а также выражению эмоций, оценок и отношения к объектам окружающей действительности и социальной реальности. По профессиональному убеждению многих современных ученых, язык повседневности следует рассматривать как семиотическую систему, в которой существенная роль отводится самым разнообразным семиотическим знакам, включая знаки, которые создаются посредством окружающих человека вещей, предметов быта и т. п. [Махлина, 2009]. Интерпретация знаков осуществляется, безусловно, в разных культурах в соответствии с системой принятых в этносоциуме ценностных ориентаций, однако, в основе языка повседневности лежит необходимость решения определенных бытовых задач, что стимулирует помимо применения вербального языка также применение языка жестов, усиленного использования паралингвистических средств. Принято считать, что повседневный язык следует изучать в русле различных наук. Однако в целях фиксации его особенностей, уточнения сфер его употребления и институционального статуса необходимо привлекать лингвистический инструментарий. При этом особое внимание следует обратить на терминологическое употребление таких понятий, как повседневная коммуникация и язык

общения – *everyday communication* и *language use*, соответственно. Применительно к бытовой сфере данные понятия выступают нередко в роли синонимов, однако, одновременно возникает вопрос об особенностях функционирования языка бытового общения в художественном нарративе и поэтическом дискурсе.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Анализ современных работ по социолингвистике, а также анализ эмпирических данных демонстрирует устойчивые тенденции в использовании языка повседневной коммуникации. Остановимся ниже на языковых тенденциях, особо значимых для художественного дискурса.

Традиционно в бытовой сфере, а также в кругу семьи употребляется тот язык, который наиболее полно отвечает семейным ценностям и традициям. При этом речь может идти об использовании эритажных языков (языков наследования), миноритарных языков, языков национальных меньшинств, диалектов, говоров и т. п. Однако нередко наблюдаются случаи использования языка титульной нации в кругу семьи, что обусловлено стремлением к интеграции и ассимиляции, с одной стороны, и желанием, преодолеть межкультурные различия по оси *свой–чужой* – с другой. Подчеркнем, что в ходе анализа языковых переписей и мониторингов многие авторитетные ученые подтверждают наличие в современном контексте четырех языковых ситуаций, обусловленных диглоссией: социальное двуязычие, которое характеризуется тем, что в одном сообществе используются два языка; использование индивидуумами в рамках сообщества по их выбору диалекта или стандартного языка; использование диалекта или стандартного языка, когда выбор обусловлен не идентичностью носителей, а самой ситуацией; дилалия, которая является частным случаем диглоссии, когда большинство отдает предпочтение стандартному языку, приводя тем самым к миноризации диалекта [Богданов, Марусенко, Марусенко, 2020]. На примере Швейцарии следует упомянуть случаи «институционального двуязычия» [там же, с. 106], заключающегося в праве самостоятельного выбора гражданами языка общения, например, немецкого или французского, употребляемых во всех институциональных сферах.

В литературном дискурсе мы отмечаем случаи употребления лексем, характерных для бытовой

коммуникации, в стилистических целях. Применительно к Австрии следует отметить специфику употребления и функционирования диалектов Австрии в художественном дискурсе. Сегодня коммуникативно-дискурсивное пространство литературного текста, независимо от типа среды, пронизано двумя противоположными тенденциями – стремлением к глобализации, с одной стороны, и к глокализации, с другой. Вторая тенденция приобретает в немецкоязычном пространстве художественного текста особое значение. В медиадискурсе, в современной тривиальной литературе, в социально значимых текстах преобладают понятия, ценности, направленные на сохранение национально-культурного наследия, национальной идентичности и на распространение этнокультурной специфики за пределами немецкоязычного этносоциума. Объективации глокализации способствуют, прежде всего, диалекты, которые являются неотъемлемо частью любой этнокультуры. При описании диалектов многие ученые вносят терминологические уточнения, устанавливая соотношения между понятиями *диалект* – *региолект* – *урбанолект* – *обиходно-разговорный язык* [Чукшис, 2021], однако к литературному произведению применимы все вышеуказанные термины, так как они указывают на выражение культурной и ценностной специфики страны или определенного региона. Так, принято считать, что в качестве ключевых концептов австрийской этнокультуры следует рассматривать базовые ценности, определяемые понятиями *Freundlichkeit*, *Heimat*, *Familie*. Для австрийской бытовой культуры, присутствующей в художественном дискурсе, важными являются понятия *дом*, *кофейня*, *кофе*. Указанные единицы, безусловно, коррелируют с ценностными ориентациями, разделяемыми всеми членами австрийского, шире – немецкоязычного, этносоциума. Таким образом, в художественном нарративе австрийские территориальные диалекты следует рассматривать в качестве «многомерной диасистемы» [Чукшис, 2021, с. 16], на основе которой осуществляется обогащение наддиалектных форм существования немецкого языка при одновременном сохранении его этнокультурной специфики.

Принято считать, что язык бытовой коммуникации имеет разные варианты измерений – ретроспективный, актуальный, проективный. В художественном дискурсе он сохраняет упомянутые измерения, но служит иным целям – философским обобщением явлений окружающей действительности. По профессиональному убеждению многих современных ученых, «уровни развития тематических дискурсов культурного пространства

суммарно показывают степень цивилизованности социума» [Искра, 2021, с. 11].

На основании вышесказанного можно предположить, что поэтическое описание быта демонстрируется через призму культуры повседневности, формируемую, прежде всего, на концептуальном уровне.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПОЭТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Многие современные когнитивные исследования направлены на уточнение терминологического аппарата когнитивистики, что обусловлено стремлением ученых к реализации междисциплинарных подходов. Сегодня можно выделить два ключевых типа междисциплинарности. Первый тип междисциплинарных исследований представляется чрезвычайно востребованным в силу глобального поворота к цифре. Представители отраслевого знания вступают в межпредметное взаимодействие, стремясь найти точки пересечения гуманитарных и технических наук, что приводит к возникновению конвергентных подходов, анализ и применение которых вполне допустимо в виртуальной среде. Полученные результаты, будучи в ряде случаев жизнеспособными (витальными) могут быть в дальнейшем имплементированы в реальную повседневную жизнь. Второй тип междисциплинарности ближе к филологическим наукам, так как предполагает взаимодействие смежных дисциплин и привлечение данных смежных наук. В качестве суммарного примера можно привести исследования, которые методологически построены на основе литературоведческих, исторических, социологических, философских, психолого-педагогических изысканий. По мнению многих ученых, в гуманитарной сфере наиболее широко представлены научные труды, воплощающие собой «диалог самих филологических наук – лингвистики и литературоведения» [Тарасова, 2020, с. 3]. Междисциплинарные исследования возникают по мере необходимости решения научных задач: цифровые трансформации требуют усиленного привлечения данных когнитивных наук к исследованиям в области филологии. Иными словами, назрела насущная потребность в изысканиях, выполняемых на стыке художественного текста и когнитивистики. По этой причине, обратимся к такой дисциплине, как когнитивная поэтика (*англ. cognitive stylistics*). Под термином «когнитивная поэтика» понимается филологическая дисциплина, «занимающаяся организацией мыслительных форм автора, читателя, исследователя – который, в определенном смысле, – идеальный читатель» [там же, с. 146]. Когнитивная поэтика предлагает

использовать в качестве единицы исследования концепт, вбирающий в себя универсальные, архетипические и символические характеристики, а междисциплинарный аспект когнитивной поэтики дает возможность применения терминологического аппарата обоих направлений, включая такие понятия как «модель», «уровень памяти», «восприятие», «процедуры обработки информации» и т. п. Употребление вышеуказанных терминов обеспечивает когнитивное моделирование при помощи процедур категоризации, метафоризации, концептуальной интеграции и др. [Тарасова, 2020].

Считаем целесообразным упомянуть различия в функциональной сфере когнитивной поэтики и когнитивной нарратологии: «если когнитивная поэтика в узком смысле слова рассматривает когнитивные основания поэтической речи, то когнитивная нарратология занимается изучением когнитивных аспектов прозаического повествования» [там же, с. 20]. Для визуализации вышеописанного обратимся ниже к конкретным поэтическим произведениям, демонстрирующим разные стороны бытовой культуры немецкоязычного социума Швейцарии, сосредоточив научный фокус на когнитивно значимых парных элементах, формирующих когнитивные системы человека как рациональное / эмоциональное, динамическое / стабильное, национально-культурное / универсальное.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ Б. БРЕХБЮЛЯ (1939)

Для иллюстрации теоретических положений, представленных в данной статье, мы обращаемся к корпусу поэтических произведений швейцарского автора – поэта и писателя, обладателя различных премий в области литературы. Особенностью выбранного нами корпуса избранных произведений Б. Брехбюля является то, что они представляют собой цикл, выстроенный по немецкому алфавиту. Все стихотворения выстраиваются в заданном (алфавитном) порядке, а заглавие каждого стихотворения соответствует определенной букве немецкого алфавита, ср. *A* – *Akkumulatoren*, *I* – *Isolierglas*, *K* – *Kreditinstitute*, *T* – *Taxi* и т. п. Открывает данный цикл стихотворений произведение под названием «Аккумуляторы» (нем. *Akkumulatoren*).

Принято считать, что поэтическое произведение оказывает всестороннее влияние на когнитивные системы человека – рациональную и эмоциональную. При этом многие современные исследователи отмечают, что «воздействие

на читателя может быть интеллектуальным, чувственным, духовным и т. п.» [Шуаипова, 2022, с. 3]. Проиллюстрируем это утверждение на примере конкретного стихотворения Б. Брехбюля.

Akkumulatoren
Noch mehr arbeiten
Noch mehr verdienen
Noch mehr fressen
Noch mehr bumsen
Noch mehr zahlen
Noch mehr beten
Noch
weniger

LEBEN [Brechtbühl, 1977, с. 160]

На наш взгляд, комплексное воздействие на читателя реализуется при помощи анафоры, представленной путем многократного использования сочетания *noch mehr* (рус. еще больше). Перечисление глаголов, обозначающих бытовую сторону жизни каждого человека, позволяет в очень схематичном, весьма примитивном виде представить повседневную жизнь человека: *arbeiten*, *verdienen*, *fressen*, *bumsen*, *zahlen*, *beten* (ср. *работа*, *зарабатывание денег*, *еда*, *личная жизнь*, *деньги*, *молитва*). Повседневность, рутина и обыденность человеческой жизни особо подчеркивается двумя глаголами, которые встречаются в преимущественно в общедоступно-разговорном языке и нередко рассматриваются в литературном дискурсе как стилистически сниженные: *fressen*, *bumsen*. Композиционно анализируемое стихотворение можно разделить на пять смысловых частей. В названии «*Akkumulatoren*» жизнь человека демонстративно сравнивается с аккумулятором, который по мере функционирования стареет, т. е. теряет свои функциональные свойства. Намеренное смешение рационального и эмоционального компонентов в стихотворении способствует активизации интеллектуальных усилий человека, направленных на философское осмысление своей **жизни и деятельности**. Важно, что автор рассматривает человеческую жизнь в разрезе его конкретных повседневных действий, противопоставляя рутину философскому понятию жизни. Не случайно в оригинале слово *жизнь* написано заглавными буквами: *arbeiten*, *verdienen*, *fressen*, *bumsen*, *zahlen*, *beten* vs. *LEBEN*. Вторая часть стихотворения по смыслу представлена глаголами *arbeiten*, *verdienen*, репрезентирующими профессиональную деятельность / жизнь человека, которая представляет собой систему, обладающую динамическими и стабильными характеристиками. С точки зрения рациональной когнитивной системы работа обеспечивает заработок. Чем стабильнее работа, тем

стабильнее и заработок, поддерживающий повседневную жизнь человека. Эта своеобразная формула определяет основание центральной, третьей части стихотворения, которая укладывается в три действия: *fressen, bumsen, zahlen*, – служащих выражению бытовой стороны жизни и деятельности человека. Четвертая смысловая часть стихотворения, на наш взгляд, представлена глаголом *beten*, который символизирует период, когда у человека появляется потребность в духовной пище, в осмыслении прожитой жизни и в желании понять, все ли в ней состоялось так, чтобы не было разочарования и осознания того, что жизнь могла бы включать в себя что-то более существенное и важное. Заключительная пятая часть стихотворения опровергает все предыдущие строки стихотворения. Противопоставление осуществляется, как мы упоминали в статье ранее, по линии деятельность vs. жизнь. Согласно законам формальной логики и в соответствии с рациональной когнитивной подсистемой человека, была бы логичной концовка *Noch mehr LEBEN* (рус. *еще больше ЖИЗНИ*), вместо *Noch weniger LEBEN*. Однако в ходе анализа текста стихотворения и его интерпретации читатель приходит к логическому выводу: не всегда наша деятельность составляет смысл нашей жизни. Следует отметить, что в этом небольшом стихотворении автору удается достичь комплексного – интеллектуального, чувственного, духовного – воздействия на читателя путем комбинирования разных языковых средств, побуждающих читателя к эмоциональному и рациональному осмыслению феномена жизни. Упомянутые языковые средства призваны также продемонстрировать читателю скоротечность человеческой жизни и необходимость ее постоянного осмысления.

Отметим, что когнитивная поэтика дает возможность изучить поэтику повседневности с позиций не только плана выражения, но и плана порождения поэтического текста, подлежащего в дальнейшем когнитивным процедурам анализа и интерпретации. Обратимся к следующему стихотворению Б. Брехбюля.

Isolierglas
Ich lebe mit dir
aber ich kenne dich
nicht [Brecht, 1977, с. 161].

По своей жанровой форме данное стихотворение напоминает сентенцию или высказывание, требующее продолжения в виде ответа или вопроса. Тем самым автор побуждает читателя к диалогу, прежде всего, межличностному, необходимому для понимания внутреннего мира близкого

человека. Ключевая роль отводится при этом лексемам, объективирующим отношения между двумя людьми. Данное стихотворение условно состоит из трех частей, но тональность и стимул к интерпретации дает, безусловно, название стихотворения: *Isolierglas* (ср. *стеклянная стена*). О стене в повседневной коммуникации речь идет в тех случаях, когда возникает недопонимание или недоразумение между людьми. В данном случае ощущается стремление автора текста к преодолению препятствия и желание познать внутренний мир близкого человека. Подчеркивается, что внешняя сторона жизни – *Ich lebe mit dir* (ср. *я живу с тобой*) – не всегда соответствует внутренней жизни и устремлениям человека. В стихотворении это незнание выражено при помощи глагола *kennen* (ср. *знать*). Только диалог и откровенный разговор способствует преодолению противоречия между внутренним и внешним миром. К этому разговору поэт пытается привлечь читателя при помощи единиц общеупотребительной лексики, привычной и обыденной, если она не вплетена в поэтический контекст, обеспечивающий приращение дополнительных смыслов и возможность интерпретации. Для автора, а в дальнейшем и для читателя жизнь соотносится с понятием знание / познание. Без когнитивной процедуры приобретения знания, требующей от человека интеллектуальных усилий, невозможно постижение смысла жизни, ср. *leben / kennen*.

Поэтика повседневности нередко реализуется при помощи устойчивых выражений и клише, которые также относятся к общеупотребительному фонду немецкого языка. Рассмотрим следующее стихотворение швейцарского поэта.

Kreditinstitute
Die eine Hand gibt.
Die andere nimmt.
Die dritte nimmt & gibt dir
den Rest [Brecht, 1977, с. 161].

В данном стихотворении ирония и сарказм достигается, прежде всего, за счет употребления в едином пространстве устойчивых формул, связанных с богом и верой: *Die eine Hand gibt. / Die andere nimmt*, – символизирующих, соответственно, *жизнь* и *смерть* в теологической интерпретации (см. *да не оскудеет рука дающего* – библейское выражение, призывающее человека делать добро и дающее праведному человеку надежду на то, что хорошему человеку всё возвратится), и одновременное включение в божественное начало институтов кредита (*Kreditinstitute*), ср.: *Die dritte nimmt & gibt dir den Rest*. Банки являются

национально-культурным символом Швейцарии, отличаются своей финансовой устойчивостью и стабильностью, реализуют различные системы кредитования. Эта обыденная и всем известная позитивная во многом имиджевая информация благодаря поэтическому оформлению повседневности порождает у читателя когнитивный диссонанс, обусловленный стилистическим приемом (контекстный оксюморон), порождающим умышленное противоречие, возникающее в результате контекстной контаминации высокого и обыденного, божественного и инструментального.

Поэтика повседневности нередко возникает в результате описания бытовых событий, пронизывающих повседневную жизнь. Обратимся к следующему стихотворению.

Taxi
Du sagst einen Namen
redest ein bißchen
bezahlst steigst aus
& du hat wieder 1 Gesicht
vergessen [Brecht, 1977, с. 163].

Несмотря на нарративную структуру данного стихотворения, в нем просматривается диалог, который может произойти в обычной ситуации, например, в дороге, когда незнакомые люди оказываются на какое-то время в одном физическом и одновременно коммуникативном пространстве. Рутинные действия, создающие «бытовую зарисовку», в данном случае поездку в такси, упоминание имени, короткое вербальное взаимодействие, оплата проезда, прощание, порождают определенную тональность поэтического текста, выстроенную на оппозиции «жизнь (долгая) / быстротечность (мгновение)». Быстротечность (мгновение) выражено в поэтике повседневности

при помощи единиц общеупотребительной лексики, ср. *einen Namen sagen, ein bißchen, vergessen*, философский смысл которых может возникнуть в результате их интеллектуального прочтения, а также выстраивания лексем и выражений, содержащих в себе значение быстротечности, в определенную последовательность, которая дает толчок к интерпретации феномена жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэтика повседневности формирует философскую основу обыденной жизни, придавая ей смыслы, возникающие в результате интеллектуальных усилий автора и читателя, без взаимодействия которых философского измерения не возникнет.

В результате проведенного нами лингвокогнитивного анализа избранных стихотворений известного швейцарского поэта мы приходим к следующим важным для отечественной германистики теоретико-практическим выводам. Во-первых, в поэтических произведениях наблюдается тенденция к поэтизации повседневной лексики, реализуемая при помощи комбинирования различных стилистических средств. Во-вторых, наблюдается тенденция к использованию ограниченного набора общеупотребительной лексики, характерной для языка повседневности, что способствует формированию доступного для широкого круга читателей контента, требующего при этом интеллектуальных усилий со стороны читателя – анализа и интерпретации обыденных фактов, обеспечивающих философию повседневности. В-третьих, в стихотворениях Б. Брехта наблюдаются приемы использования элементов художественного нарратива, присущих прозаическим произведениям. Данная тенденция наблюдается также в творчестве немецкоязычных современных поэтов и писателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schalley A. C., Eisenclas S. A. Handbook of home language maintenance and development: Social and affective factors. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2020. DOI: 10.1515/9781501510175.
2. Богданов С. И., Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной языковой политики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020.
3. Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности: монография. М.: Проспект, 2022.
4. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: Предмет, терминология, методы. М.: ИНФРА-М, 2020.
5. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009.
6. Чукшис В. А. Этно- и социокультурный статус диалектов современного немецкого языка в Австрии: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2021.
7. Искра А. А. Бедность в культурном пространстве России рубежа XX–XXI вв.: дис. ... канд. культурологии. Самара, 2021.

8. Шуаипова А. А. Эстетический потенциал слова и его реализация в поэтическом тексте (на материале немецкоязычной женской поэзии второй половины XX – начала XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
9. Brechbühl B. Auszüge aus dem Alphabet // Aus dem Buch: Schweiz heute: Ein Lesebuch. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1977. S. 160–164.

REFERENCES

1. Schalley, A. C., Eisenclas, S. A. (2020). Handbook of Home Language Maintenance and Development: Social and Affective Factors. Berlin/Boston: Walter de Gruyter. 10.1515/9781501510175.
2. Bogdanov, S. I., Marusenko, M. A., Marusenko, N. M. (2020). Yazykovyye perepisi i monitoringi kak instrument natsional'noy yazykovoy politiki = Language censuses and monitoring as an instrument of national language policy. St.Petersburg: Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russ.)
3. Isakova, L. D. (2022). Mnogoobraziye yazykov v ikh variativnosti = Variety of languages in their variability: monograph. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
4. Tarasova, I. A. (2020). Kognitivnaya poetika: Predmet, terminologiya, metody = Cognitive stylistics: Subject, terminology, methods. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
5. Makhlina, S. T. (2009). Semiotika kul'tury povsednevnosti = Semiotics of everyday culture. St.Petersburg: Aleteyya. (In Russ.)
6. Chukshis, V. A. (2021). Etno- i sotsiokul'turnyy status dialektov sovremennogo nemetskogo yazyka v Avstrii = Ethno- and socio-cultural status of the dialects of the modern German language in Austria: abstract of Senior Doctorate in Philology. Nizhniy Novgorod. (In Russ.)
7. Iskra, A. A. (2021). Bednost' v kul'turnom prostranstve Rossii rubezha XX–XXI vv. = Poverty in the cultural space of Russia at the turn of the XX–XXI centuries: PhD in Cultural Studies. Saransk. (In Russ.)
8. Shuaipova, A. A. (2022). Esteticheskiy potentsial slova i yego realizatsiya v poeticheskom tekste (na materiale nemetskojazychnoy zhenskoy poezii vtoroy poloviny XX – nachala XXI vekov) = The aesthetic potential of the word and its implementation in a poetic text (on the material of German-language women's poetry of the second half of the 20th – early 21st centuries): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Brechbühl B. (1977). Auszüge aus dem Alphabet. Aus dem Buch: Schweiz heute: Ein Lesebuch (S. 160–164). Berlin: Verlag Volk und Welt.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусейнова Иннара Алиевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guseynova Innara Alievna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья
УДК 811.133.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_16

Функционирование процесса усечения слов и сокращений (в статьях французских ежедневных газет)

У. З. Ибрагим

*Азербайджанский университет языков, Баку, Азербайджан
ulfet.ibrahim@yahoo.com*

Аннотация. Статья посвящается процессу усечения и сокращения слов в современном французском языке на материале ежедневной прессы. В статье описываются часто употребляемые формы усечений, объясняется различие между понятиями усечение и аббревиация. Особое внимание уделяется особенностям усеченных словоформ. В ходе исследования выявлено, что во французском языке грань между различными формами сокращений прочерчена недостаточно точно, и данная тема нуждается в более глубоком исследовании.

Ключевые слова: усеченные слова, сокращения, французская пресса, афереза, аббревиация, апокопа, телескопные слова

Для цитирования: Ибрагим У. З. Функционирование процесса усечения слов и сокращений (в статьях французских ежедневных газет) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 16–23. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_16

Original article

Functioning of the Process of Turning Words and Abbreviations (in articles of French daily newspapers)

Ulfat Z. Ibrahim

*Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan
ulfet.ibrahim@yahoo.com*

Abstract. The article is devoted to the study of the process of truncation and reduction of words in modern French on the material of the daily press. This article describes commonly used forms of truncation and explains the difference between truncation and abbreviation. Particular attention is paid to the study of the linguistics particularities forms of words, as well as the category of gender and the number of abbreviated words. The study revealed that in the French language, the line between different forms of abbreviations is drawn rather imprecisely, and this topic needs more in-depth research.

Keywords: truncated words, reduction, French press, apheresis, abbreviation, apocope, telescopic words

For citation: Ibrahim, U. Z. (2022). Functioning of the process of turning words and abbreviations (in articles of French daily newspapers). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 16–23. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_16

INTRODUCTION

Notre recherche est consacrée à l'un des phénomènes linguistique du français contemporain, à l'étude de la troncation et du raccourcissement des mots, tirés des journaux quotidiens français. En effet l'apparition et le fonctionnement des mots raccourcis en français n'est pas un phénomène nouveau. Mais la grande vogue des mots raccourcis est apparue au XXe siècle. Leur présence quasi permanente à l'écrit et à l'oral aujourd'hui ne laisse aucun doute, il suffit d'ouvrir au hasard n'importe quel journal ou publication scientifique, technique, économique, populaire pour en être convaincu. Les mots raccourcis facilitent la communication en synthétisant le concept considéré. Cette synthétisation est obtenue par la réduction graphique et phonétique de la séquence syntaxique. C'est leur emploi fréquent non seulement dans la langue parlée, mais aussi dans la langue écrite et le rôle incontournable de la presse quotidienne française dans la fixation du nouveau vocabulaire qui demande une explication et une recherche plus approfondie sur ce phénomène.

OBJECTIFS DE LA RECHERCHE

L'objectif principal de notre recherche est d'identifier et de faire la description de la nature et la position des mots qui sont formés par troncation. Pour atteindre cet objectif nous avons créé un corpus des mots tronqués, des aphérèses et raccourcis employés dans les articles socio-politiques de la presse française pour analyser leurs particularités lexicales phonétiques et fonctionnelles.

Quelles sont les formes courantes de la troncation ? Quels sont les mots tronqués utilisés fréquemment dans la presse ? Dans cette recherche nous essayons de répondre à toutes ces idées.

Dans un premier temps, nous avons essayé d'étudier les différentes définitions des formes raccourcies en français moderne afin de distinguer et d'éviter toutes les confusions concernant les termes du raccourcissement tels que la troncation, appelée également : abréviation (au sens restreint), d'autres procédés d'abrégement.

Dans un deuxième temps, nous nous sommes concentrés sur la partie pratique de notre recherche afin d'identifier et d'analyser les mots raccourcis.

Ce phénomène linguistique est au centre de l'intérêt de plusieurs spécialistes. Les travaux sérieux consacrés à la troncation sont menés par Calvet Louis-Jean (1980), Dister Anne (1998), Kerleroux Françoise (1999), Antoine Fabrice (2000), Fridrichová Radka (2013), Raccach Pierre-Yves (2015). Chaque linguiste

s'est intéressé aux questions particulières liées à la troncation. Certains auteurs se sont concentrés sur les mots tronqués et leurs caractéristiques, d'autres ont fait des recherches sur les motivations de la troncation.

DÉFINITION DES TERMES "ABRÉVIATION", "SIGLE", "TRONCATION", "ACRONYME"

L'abrégement est à présent un phénomène linguistique très répandu. Le français contemporain est riche de ces formes d'écritures et de parlers. Nous les découvrons partout dans les journaux, dans les magazines, lors de nos conversations, dans le langage populaire.

Le français emploie quatre formes d'abrévés qui permettent la naissance de mots nouveaux et l'enrichissement du vocabulaire. Ces quatre principales formes de raccourcissements sont : les sigles, les acronymes, les abréviations et les troncations.

Les définitions de ces quatre procédés varient d'un auteur à l'autre et le terme abréviation ne porte pas une définition claire et unanime.

Pour pouvoir traiter un problème, il faut tout d'abord définir le sens même de sa notion pour éviter des confusions éventuelles.

Les grammairiens d'aujourd'hui préfèrent le terme abrégement pour désigner l'abréviation, mais ils éliminent les sigles de cette définition.

Citons à titre d'exemple André Martinet qui, dans *La grammaire fonctionnelle du français*, souligne essentiellement deux sortes de raccourcissements : l'abrégement et le sigle. Ici l'abrégement est considéré comme un procédé de création par l'abréviation et le sigle est déjà le résultat du procédé de siglaison, ce qui est une distinction correcte [Martinet, 1979, p. 237].

H.-D. Béchade, dans *L'origine et le sens des mots*, définit l'abréviation au sens large, c'est-à-dire avec un procédé de création de mots nouveaux et détermine la siglaison de même que la troncation comme des variantes de l'abréviation. D'après lui, la troncation est « un phénomène qui procède par raccourcissement d'un mot... » [Béchade, 1994]. En même temps il préfère le terme de raccourcissement pour désigner l'abréviation.

D'après les auteurs de *La grammaire méthodique du français*, la langue française emploie d'autres autres procédés qui enrichissent le vocabulaire : le sigle et l'abréviation. De plus, ils affirment que cette dernière « donne lieu à la troncation » et le mot troncation sert à souligner sa spécificité : « l'abréviation constitue une réduction du signifiant d'un mot, le signifié restant en principe inchangé. Elle donne lieu à la troncation des mots longs (plus

de trois syllabes), le plus souvent retranchement d'une ou plusieurs syllabes finales ; deux ou trois sont conservées, parfois une seule » [Riegel, Pellat, Rioul, 1994].

Chaque spécialiste en linguistique essaie de donner sa propre définition de la notion de l'abréviation d'où vient la confusion inévitable des termes et des idées. Maurice Grevisse dans son œuvre «Le bon usage» va plus loin afin de faire une distinction plus nette en séparant de façon très concrète la réduction et l'abréviation. Il nous apprend que « l'abréviation est un procédé graphique consistant à écrire un mot en n'utilisant qu'une partie de ses lettres : M. pour Monsieur ; n° pour numéro. Il n'y a pas de prononciation particulière pour la forme abrégée ... il est donc tout à fait gênant d'employer le mot abréviation pour un autre phénomène, que nous appelons réduction » [Grevisse et Goosse, 2021, p. 29].

Il considère l'abréviation et la troncation comme deux procédés différents. D'après lui, l'abréviation est un phénomène graphique, tandis que la troncation est un phénomène lexical.

Même si *Le Petit Robert* distingue déjà un sigle d'une abréviation (soulignons que cette distinction n'est pas explicitement établie dans la définition), c'est-à-dire, une forme qui supprime une partie d'un mot et une autre qui se limite aux lettres initiales, il comprend toujours sous une abréviation aussi une troncation, il mentionne *le bus*, c'est-à-dire *l'autobus* et il l'écrit en majuscules ce qui est une forme très rare [Le Petit Robert, 2015, p. 9].

L'acronyme mot formé d'initiales ou de syllabes de plusieurs mots, de *acro-* et *-onym* sigle prononcé comme un mot ordinaire. *Ovni* et *Sida* sont des acronymes [Ibid.].

En ce qui concerne le terme de la troncation, c'est le procédé d'abrègement d'un mot par la suppression d'une ou de plusieurs syllabes. Il n'est que deux façons de tronquer : par ablation initiale, ou finale [Ibid.].

Dans ce contexte, il nous semble important de présenter notre propre définition et d'illustrer en profondeur la problématique de *l'abréviation*. Sous le terme de l'abréviation nous comprenons, au sens large, l'ensemble des résultats abrégatifs qui seront également appelés : abrègement, abrégés, raccourcissements, raccourcis, réductions ou mots abrégés. Au sens restreint, nous distinguons trois procédés d'abrégé (procédé d'abrègement, acronymie et siglaison) qui permettent la naissance de quatre principales formes de raccourci : les sigles, les acronymes, les abréviations et les troncations. L'abréviation est un raccourci uniquement graphique, le sigle est une réduction graphique (aux initiales) affectant

aussi la réduction orale (si les lettres sont épelées), l'acronyme est un ensemble de mots abrégés aux initiales ou aux premières lettres, celles-ci étant ensuite prononcées comme un seul mot. Enfin, la troncation est une réduction orale (suppression des phonèmes au début ou à la fin du mot) qui se répercute à l'écrit.

Par emprunt au grec *aphaireisis*, «action d'ôter», on désigne ainsi une troncation opérant par l'élimination de la première partie du mot. Le phénomène se rencontre en français ; mais notons dès l'abord qu'il n'est des plus fréquents.

Après avoir eu une idée plus concrète sur les différents procédés d'abrègement du français moderne, nous pourrions nous faire une idée sur le sujet principal de notre recherche – la troncation, faisant partie des procédés en question.

Le Trésor de la langue française informatisé nous apprend sur la troncation : « Procédé d'abrègement des mots polysyllabiques qui consiste à supprimer une ou plusieurs syllabes à l'initiale ou, plus souvent à la finale »¹. *Le Dictionnaire de linguistique de Larousse*, publié en 1972, offre déjà une définition en citant des exemples précis : « Dans la langue populaire, la troncation s'accompagne parfois de l'addition de la voyelle o : un prolo (prolétaire), un apéro (apéritif) » [Le Dictionnaire de linguistique de Larousse, 1972]. *Le Dictionnaire Hachette encyclopédique*, publié en 2000, est plus modeste dans sa définition, il annonce que la troncation est un « abrègement d'un mot par la chute d'une ou de plusieurs syllabes ». Nous considérons cette définition insuffisante car elle n'élimine pas de sa compréhension les abréviations graphiques. *Le Petit Robert* (2009) nous apprend sur la troncation ceci : « Procédé d'abrègement d'un mot polysyllabique par suppression d'une ou plusieurs syllabes. Vélo est la troncation de vélocipède ». Or, il nous renvoie aux expressions l'aphérèse, l'apocope et mot-valise. En les consultant, nous découvrons que l'apocope est formée par la « chute d'un phonème, d'une ou plusieurs syllabes à la fin d'un mot » et l'aphérèse, qui est son opposée, par la « chute d'un phonème ou d'un groupe de phonèmes au début d'un mot ». Ces définitions sont convaincantes et largement acceptables, d'autant plus que *Le Petit Robert* nous renvoie également à l'expression mot-valise. Ce dernier est souvent formé à l'aide de troncations et en même temps, les deux procédés sont associés. Une seule chose qui est à objecter, c'est que *Le Petit Robert* ne mentionne pas les expressions populaires formées par la resuffixation en « -o ».

¹ Le Trésor de la langue française informatisé. URL: <https://www.le-trésor-de-la-langue.fr/>

Dans nos recherches nous avons fait une conclusion que la troncation diffère de l'abréviation graphique, même si certains auteurs ne font pas la distinction. Rappelons que si la troncation est un phénomène lexical, l'abréviation est un phénomène uniquement graphique. L'abréviation est réduite à l'écrit (nous abrégons le mot *Madame* en *Mme*, mais il est prononcé comme *Madame*, c'est-à-dire comme un mot entier), en revanche, la troncation peut être prononcée sous la forme de son abrègement (il est possible de dire *le restaurant* ou, en utilisant la forme raccourcie, *le resto*). La dernière différence, c'est que les troncats ne prennent pas de point abrégatif et la plupart d'entre eux appartiennent à la langue familière, populaire et même argotique bien que leur présence dans la langue courante soit de plus en plus fréquente. Comme nous avons pu l'observer dans les définitions données par les différents dictionnaires, deux cas principaux de la troncation sont à distinguer, soit à la droite du mot – apocope, soit à la gauche – aphérèse. Les mots tronqués se forment généralement par la suppression de phonèmes initiaux ou finals et ils se terminent fréquemment par une consonne.

APHÉRÈSE

Par emprunt au grec *aphairesis*, «action d'ôter», on désigne ainsi une troncation opérant par l'élimination de la première partie du mot. Elle consiste en la chute de phonèmes au début d'un mot, de lettres ou de syllabes. Le plus souvent nous rencontrons l'utilisation de ce type de raccourcissement dans la langue parlée et très rarement à l'écrit surtout dans les expressions familières. Ce phénomène se rencontre en français, on en a quelques traces à date ancienne, c'est-à-dire, pour cette habitude d'abréger les mots, au début du XX s. La plupart des aphérèses se sont développées avant 1900, dans le parler parisien, la langue des casernes, l'argot des métiers:

- *cabinet*
- *capitaine*
- *commissaire*
- *municipal*
- *territorial*

Pour la langue la plus actuelle, nous avons relevé, dans *Le Petit Livre de la tchatche* de Vincent Mongaillard, la forme *leur*, pour contrôleur, et *guez*, aphérèse de *merguez*, en tant qu'adjectif au sens de «maigre» (c'est une mince saucisse) [Mongaillard, 2013].

Décidément l'aphérèse n'appartient pas au génie de la langue. Pourquoi ? Remarquons que ce

type de troncation, qui touche au radical, défigure le mot d'origine, et le rend peu ou mal reconnaissable.

APOCOPE

La troncation de la fin du mot est appelée apocope :

télé(vision), *convoc(ation)*, *info(rmation)*,
métro(politain), *restau(rant)* ou *resto*.

La coupure conserve le plus souvent le premier élément d'un composé qui est d'origine savante ou, dans d'autres cas, elle est effectuée après la deuxième ou troisième syllabe, même au milieu de celles-ci, ou après une syllabe qui se termine par « o ». L'apocope est-elle ancienne ? Comme l'aphérèse, on la relève, mais en grand nombre, à partir de 1800. Certes, quelques rares exemples sont antérieurs.

La troncation des composants est déterminée ou non par une frontière morphologique ou par un segment phonétique.

La troncation est déterminée par une frontière morphologique lorsqu'un composé savant est réduit à son premier élément par apocope :

auto (automobile), *télé* (télévision),
bio (biologie, -ique) ;
d'où *autoroute* «route pour les autos»,
téléfilm «film tourné par la télé»,
biocarburant «carburant bio».

Ces composants tendent vers les préfixes s'ils sont récurrents : *autoradio*, *télespectateur*, *biodiversité*, etc. Cette troncation peut induire des ambiguïtés : *télé-* signifie «téléphone» dans *télocarte*, «téléphérique» dans *télesiège* ou *télécabine*, *télévision* dans *téléfilm* ; *auto-* signifie «automobile» dans *autoroute*, «autobiographie» dans *autofiction* ; dans *homophobe*, *homo-* est la troncation de *homosexuel* et non l'élément *homo-* même.

Sur le modèle des éléments grecs en *-o*, des mots français sont tronqués après un *o* pour entrer dans une composition, comme *Europe* dans *euro-dollar*, *eurovision* ; *pétrole* (étymologiquement *pétr-* «pierre» + *-ole* «huile») dans *pétrochimie*, *pétrodollar*. C'est donc une coupe phonétique imitant une coupe morphologique.

MOTS-VALISES

La troncation est phonétique pour les composants des mots-valises : ceux-ci sont formés de deux

mots comportant un segment phonétique commun, sur le modèle anglais de *smog* (*smoke* «fumée» + *fog* «brouillard» : segment commun *o*) ou *motel* (*motor* (*car*) «voiture» + *hotel* «hôtel» : segment commun *ot*) : le composé est formé du début de l'un des composants et de la fin de l'autre. C'est le cas en français de *midinette* (*midi* + *dinette*), qui désignait les jeunes employées faisant un repas rapide à midi (le sens a évolué), et, plus récemment ; *rurbain* (*rural* + *urbain*), qui désigne celui qui habite à la campagne et travaille dans une grande ville ; *rurbanisation* (*rural* + *urbanisation*) «urbanisation lâche des zones rurales à proximité de villes dont elles deviennent les banlieues» (*Petit Robert*) ; *adulescent* (*adulte* + *adolescent*) «jeune adulte qui continue à avoir un comportement comparable à celui qu'ont habituellement les adolescents» (*Petit Larousse illustré*) ; *rubalise* (*ruban* + *balise* : servant de délimitation de zone, chantier, scène de crime, etc.)

Le terme *mot-valise* est un calque de portemanteau *word*, créé par Lewis Carroll ; il fait allusions aux valises portemanteaux, sortes de malles-penderies avec des parties qui se replient.

On étend généralement la notion de mot-valise à tous les cas de coupe non morphologique des composants, dès lors que le composé est constitué du début du premier composant et de la fin du second.

L'aphérèse est une pratique ancienne, qui a cédé la place à l'apocope ; nous avons des exemples d'un tel remplacement :

capitaine – pitaine – capite
combinaison – binaison – combine
italien – talien – rital.

La faveur du français actuel pour l'abrègement des termes et leur consonantisme final n'est pas contingente. Elle s'inscrit dans une histoire, possède une logique, met en œuvre des procédés réguliers : elle se conforme à une grammaire. Il est permis de la réprouver ; on ne saurait toutefois méconnaître sa rigueur. Etant donné, en outre, son succès prévisible dans les années à venir, il est hasardeux d'en ignorer le fonctionnement.

Nous sommes bien en présence d'une variété nouvelle de la langue française. Certains dictionnaires, descriptifs et non puristes, ont admis des troncats, considérant qu'ils sont entrés dans l'usage. Historiquement d'abord, des apos (truncations vocaliques respectant la coupe syllabique) : *auto*, *cinéma*, *kilo*, *météo*, *métro*, *photo*, *taxi*, *vélo* etc. puis des apocs (consonantiques), procédé qui a pris le dessus : ainsi *anar*, *bénéf*, *came*, *périph*, *réac*, *récup*, etc., figurent dans le *Petit Larousse*. Consécration,

le 4 octobre 2018, La Commission d'enrichissement de la langue française (dont les suggestions sont validées par l'Académie française) a proposé, comme équivalent français de *fake news*, l'excellent infox « forgé, dit le communiqué, à partir des mots information et intoxication ». En fait, ce néologisme adroit a pour base la troncation *intox*, en usage depuis les années 1970, qui est ainsi reconnue [Cerquilini, 2019, p. 79].

Que le procédé de troncation consonantique concerne aujourd'hui l'ensemble de la langue, nous en trouvons une preuve en examinant les matériaux du procédé. Qu'abrège-t-on, en français ?

Les principales catégories grammaticales sont touchées : cette généralisation catégorielle est un des signes de l'universalisation du phénomène. Les linguistes qui ont examiné la troncation n'ont pas manqué d'observer que l'apoc apparut chez les substantifs, qui furent son domaine d'élection au XIXe siècle. Quelques adjectifs ont été créés à la fin du siècle, puis au cours du XXe :

cap/able, *der/nier*, *diff/icile*, *formid/able*, *impec/cable*,
morfal/oux, *réac/tionnaire*, *régul/ier*, *trans/cendant*, etc.

De nos jours la troncation concerne pleinement la catégorie de l'adjectif ; nous avons relevé récemment :

blasé	<i>blase</i>
debile	<i>déb</i>
deglingué	<i>dégling</i>
déterminé	<i>déter</i>
fracassé	<i>fracasse</i>
génial	<i>gen</i>
hypocrite	<i>hypoc</i>
industriel	<i>indus</i>
irrécupérable	<i>irrécup</i>
léger	<i>lège</i>
nouveau	<i>nouv</i>
vexé	<i>vex</i>

Dans la foulée de l'adjectif, des adverbes peuvent s'abrèger : si *nature* (*naturellement*), beaucoup employé dans les années 1950, ne se dit plus *grave*, pour *gravement*, pénètre la langue commune.

En revanche, les linguistes sont tombés d'accord sur l'extrême rareté de verbes, et en fournissant la raison : l'apocope fait disparaître les finales qui gouvernent le régime du verbe – personne, temps, mode). La langue actuelle ne semble plus leur donner raison : elle tronque le verbe, comme les autres catégories grammaticales. Tout d'abord l'infinitif a rejoint le matériau de l'apocope, dans les locutions spécialement ; nous avons relevé :

se faire <i>ser</i>	se faire serrer (« arrêter »)
ça me <i>faiche</i>	cela me fait chier
ça me fait <i>troche</i>	cela me fait trop chier

leadership	<i>lead</i>
poker	<i>poke</i>
whisky	<i>whisk</i>

Ensuite, des formes verbales de plein exercice subissent la troncation, comme dans « ça me dègue » (pour *dégoûte*), devenu courant. Il en est de même pour le verlan tronqué, qui affecte les verbes en les laissant invariables :

gonfler	flégron	<i>flègue</i>
niquer	quéni	<i>ken</i>

On dira, par exemple, « ça me flègue, il a ken cette fille ». Il est vrai qu'un verbe kèner est relevé par les « lexiques des cités ». On peut en conclure qu'une certaine invariabilité verbale est en marche, dans la variété « djeune » de la langue.

Il est à remarquer que l'on tronque très volontiers les anglicismes. Certes, les mots d'origine étrangère en général sont volontiers abrégés mais principalement sont affectés ceux qui proviennent de l'anglais. La raison en est que l'anglicisme et l'apoc ont des liens naturels (pensons à l'apostrophe) : ils offrent tous deux une connivence de modernité. On ne s'étonnera donc pas qu'un mot anglais emprunté par la langue française soit soumis à sa tendance abrégée. Et depuis longtemps : dans son dictionnaire (1863), Emile Littré donne le mot *crown*, « se dit quelquefois, par abréviation, au lieu de *crown-glass* » : les deux termes ont disparu. *Book*, pour *book-maker*, est attesté en 1866. Le fait est si fréquent que bien des mots courants du français résultent d'un anglicisme tronqué : on est dans le *showbiz* (*business*) comme d'autres dans le *strip* (*tease*) ; on joue au *basket* (*ball*) ou *foot* (*ball*), on court un *cross* (*country*), on fait du *bob* (*sleigh*) ou du *skate* (*board*) ; on enfile un *sweat* (*shirt*) pour aller manger un *biff* (*steak*) dans un *self* (*service*), dans un *snack* (*bar*) ou dans un *drug* (*store*), avant de passer aux *waters* (*closets*) et de remonter sur son *bull* (*dozer*) en compagnie d'un *skin* (*head*). Il est à souligner que ces troncations n'existent pas dans la langue anglaise ; l'auteur de ces lignes se rappelle l'étonnement d'une amie américaine quand elle entendit un Français lui parler du *McDo*. La troncation d'anglicismes est si naturelle que nous nous contenterons de fournir nos attestations récentes (contemporaines ou plus anciennes) ; elles illustrent la variété du phénomène :

badminton	<i>bad</i>
business	<i>biz</i>
cross-merchandising	<i>cross-merch</i>
fast-food	<i>fast</i>

Jusqu'ici, nous avons traité principalement de noms communs, examinant les divers substantifs qu'abrège la langue. Or la troncation semble favoriser par ailleurs ce bloc d'impassibilité que sont les noms propres. Il leur arrive fort peu de choses ordinaires ; force est de constater qu'ils sont tronqués avec vigueur. L'abrégement des prénoms est bien connu ; il participe de cette familiarité sans façon que nous avons déjà rencontrée, mêlée d'un peu d'anglomanie. La liste en est longue :

Alex, Alph, Arth, Barth, Ben, Chris, Dan, Dom, Mado, Ségo, Stef, Théo *etc.*

Plus intéressant, le phénomène touche au nom propre lui-même, sous toutes ses formes, et depuis longtemps : Alphonse Boudard, dans ses souvenirs sur l'Occupe, évoque les crimes de la Guestape française. Sont ainsi affectés :

Les patronymes. Leur abrégement passe aussi par l'apo (*Sarko*, *Ballo*, *Chichi*, *Cerqui*, *etc.*), mais la tendance actuelle à l'apo se confirme. Quelques exemples suffisent : *Saint-Ex* (*upéry*) est bien connu ; les historiens parlent avec affection de le *Roy Ladure* (*ie*) ; *Bouteff* (*lika*) vient d'aparaître ; *Mélench* (*on*) ou *Méluch* est à éclipse.

Les noms de marques et d'établissements. On tronque volontiers ce que l'on fréquente, consomme ou utilise habituellement ; quelques exemples :

BMW	<i>BM</i>
Club Méditerranée	<i>Club Med</i>
Nouvel Observateur	<i>Nouvel Obs</i>
Ricard	<i>Ric</i>
Suzuki	<i>Suz</i>
Yamaha	<i>Yam</i>
Volkswagen	<i>Volk</i>

Cette liste est loin d'être exhaustive : elle est seulement indicative, désignant des procédés et des tendances. L'esprit de troncation anime la langue contemporaine : après tout, le très fréquent *t'inquiète* ! (à la place de « ne t'inquiète pas ! »), avec chute de l'élément négatif final, produisant un bisyllabe s'achevant sur une consonne, est aussi une apo.

LE GENRE ET LE NOMBRE DES MOTS RACCOURCIS

En général les mots tronqués gardent leur catégorie de genre, c'est-à-dire si le mot « faculté » est au

féminin il ne change pas son genre dans sa forme raccourcie. Nous observons la même tendance dans les autres mots tronqués *le bac* <(le baccalauréat), *un exam* <(un examen) ou *métro* <(le métropolitain).

D'après Grevisse, «il arrive pourtant que la relation avec la forme originale soit estompée et que le genre soit altéré, par analogie avec d'autres termes de significations analogues». Grevisse cite le lexème *rata* qui est une réduction du mot *ratatouille* du genre féminin dont la réduction est devenue masculine. Il explique que ce changement de genre peut être causé soit par l'influence du *ragoût* qui est masculin soit par la finale *-a* dans le mot *rata* qui mène les noms plutôt vers le masculin [Fridrichova, 2012, p. 48].

Ce qui concerne la catégorie du nombre des mots tronqués, généralement, ils prennent la marque du pluriel :

les trams
les profs
les vélos

Exceptionnellement, le mot reste invariable. Grevisse affirme que «cette invariabilité est surtout le fait des formations senties comme nouvelles : Vos *psys* (=psychologues) ne sont pas doués de la parole humaine».

Parfois, les deux alternatives sont admissibles. De toute manière, il y reste une certaine hésitation en ce qui concerne la marque du pluriel. C'est pourquoi nous pouvons écrire *Ils sont sympa* de même que *Ils sont sympas*.

CONCLUSION

Pour conclure de façon plus concrète il faut dire que le français contemporain abonde de différents types de raccourcissement des mots. Ils sont présents un peu partout dans notre vie quotidienne comme à l'écrit tel à l'oral. Il observe toujours une confusion entre les différents termes d'abréviation dont les linguistes essaient de proposer leurs définitions. Par contre malgré les différences et la confusion des idées tous les procédés de raccourcissement traités possèdent un trait en commun. Avant tout ils s'emploient pour économiser le temps et l'espace. La troncation est un phénomène qui se répand de nos jours avec une rapidité étonnante. En même temps, il n'y a pas de règle stricte pour exposer du pluriel, mais quelques tendances sont à remarquer. Les substantifs prennent en général la marque du pluriel, le *-s*, les adjectifs proposent plutôt les deux possibilités avec *-s* ou sans *-s*, et nous pouvons les rencontrer de manière égale.

LA LISTE BIBLIOGRAPHIQUE

1. Martinet A. La grammaire fonctionnelle du français. Paris : Didier, 1979.
2. Béchade H.-D. L'origine et le sens des mots. Paris : PUF, 1994.
3. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris : PUF, 1994.
4. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage. Paris : Duculot, 2021.
5. Le Petit Robert sous la rédaction d'Alain Rey. Paris, 2015.
6. Le Dictionnaire de linguistique de Larousse. Paris, 1972.
7. Mongaillard V. Le petit livre de tchatte. Paris : First Editions, 2013.
8. Cerquilini B. Parlez-vous tronqué ? Paris : Larousse, 2019.
9. Fridrichova R. La troncation en tant que procédé d'abréviation de mots et sa perception dans le français contemporain. Olomuc, 2012.

REFERENCES

1. Martinet, A. (1979). La grammaire fonctionnelle du français. Paris : Didier.
2. Béchade, H.-D. (1994). L'origine et le sens des mots. Paris : PUF.
3. Riegel, M., Pellat, J.-Ch., Rioul, R. (1994). Grammaire méthodique du français, Paris : PUF.
4. Grevisse, M., Goosse, A. (2021). Le bon usage. Paris : Duculot.
5. Rey A. (éd.). (2015). Le Petit Robert. Paris.
6. Le Dictionnaire de linguistique de Larousse (1972). Paris.
7. Mongaillard, V. (2013). Le petit livre de tchatte. Paris : First Editions.

8. Cerquilini, B. (2019). Parlez-vous tronqué ? Paris : Larousse.
9. Fridrichova, R. (2012). La troncation en tant que procédé d'abréviation de mots et sa perception dans le français contemporain. Olomuc.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ибрагим Ульфат Закир оглу

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
Азербайджанского университета языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ibrahim Ulfat Zakir oglu

PhD in Philology, Associate Professor, Chair of the French Phonetics and Grammar,
Azerbaijan University of Languages

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья
УДК 81.112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_24

Синтаксические особенности английского поэтического дискурса XIX–XX вв.

А. В. Керова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
aliker@mail.ru

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ синтаксических средств выражения эмотивной интенции в английском поэтическом дискурсе XIX–XX вв. Поэтический дискурс всегда эмотивен, и средства выражения эмотивности могут быть разноуровневыми. Проведен анализ тенденций в употреблении различных синтаксических конструкций и их взаимодействии с другими средствами выражения эмотивной интенции. Благодаря нормированию литературного языка и росту грамотности синтаксическая организация предложения становится значимым средством эмотивности и отражением социальных изменений.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивная интенция, поэтический дискурс, синтаксис, восклицательное предложение

Для цитирования: Керова А.В. Синтаксические особенности английского поэтического дискурса XIX–XX вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 24–29. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_24

Original article

Syntactic Peculiarities of English Poetry in the 19th–20th Centuries

A. V. Kerova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
aliker@mail.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of syntactic means expressing emotive intention in English poetry of XIX–XX centuries. Poetry is considered to be emotive and emotive means are diverse. The aim of the article is to analyse the tendencies in the use of different syntactic constructions and their correlation with other means expressing emotive intention. As norms of the English language were standardised and grammatical competence was developed, syntactic structure of the sentence becomes a significant means of expressivity and thus reflects social changes.

Keywords: emotivity, emotive intention, poetry, syntax, exclamatory sentence

For citation: Kerova, A. V. (2022). Syntactic peculiarities of English poetry in the 19th–20th centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 24–29. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_24

ВВЕДЕНИЕ

В статье анализируются изменения в наборе синтаксических средств в английском языке. Предметом исследования являются синтаксические конструкции, характерные для британской поэзии XIX–XX вв.

Объектом изучения выступают эмотивные синтаксические конструкции, наиболее частотные для изучаемого периода.

Материалом данного исследования послужил английский поэтический дискурс XIX–XX вв. В рамках работы были предварительно изучены различные средства выражения эмоций (лексические, грамматические, просодические).

Цель статьи – проследить изменения в наборе синтаксических средств и конструкций, служащих для выражения эмотивности или эмотивной интенции, определить преобладание эксплицитной или имплицитной эмотивности.

В рамках настоящего исследования было сделано следующее:

- отобран материал для исследования, а именно, эмотивные предложения из английского поэтического дискурса XIX–XX вв. по 500 предложений на каждом срезе;
- определены эмотивные синтаксические конструкции, характерные для английской поэзии XIX–XX вв.

ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

Как показывают исследования, человек в большинстве случаев проявляет свое эмоциональное отношение к миру (Е.М. Вольф, А.В. Кунин, В.И. Шаховский). Коммуникация представляет собой обмен эмоциями. «Ключом к изучению этих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [Шаховский, 1983, с. 25–26].

Лингвистика эмоций, тесно связанная с именем В. И. Шаховского, представляет собой целый ряд дисциплин: эмоциональную фонетику, эмоциональную семантику, эмоциональную ономастику, эмоциональную дискуртологию, эмоциональную конфликтологию и т. д.

Эмоциональность как психологическое явление трансформируется в эмотивность как языковое

явление. Поэтому эмотивность рассматривается не как аномалия, а как имманентно присущее языку свойство. Эмоции могут быть эксплицитны или имплицитны в зависимости от ситуации. Кроме того, эмотивное значение слова не является отражением эмоции только одного индивида. Оно является обобщенным отражением «социальной эмоции». По научному убеждению В. И. Шаховского, «эмоции отражают в сознании человека его эмоциональное отношение к миру, а эти эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому в определенной степени типизированными» [Шаховский, 2008, с. 6].

Необходимо уточнить функции эмотивного текста. К ним относятся такие функции, как эмотивная / экспрессивная, эксплицирующая, аффективная, прагматическая и эмпатическая. В рамках данного исследования большую значимость приобретают экспрессивная и эмотивная функции, так как материалом служит поэтический дискурс, который по природе эмотивен / экспрессивен. Однако эмотивная и экспрессивная функции отличаются друг от друга своими целями. Целью экспрессивной функции является выражение направленных эмоций, прагматическое намерение воздействовать на получателя. Задачей же эмотивной функции является языковое выражение ненаправленных эмоций говорящего.

Кроме того, существует термин «эмотивная интенция», который отражает намерение говорящего продемонстрировать наличие эмоционально-оценочного отношения к чему-либо как способ воздействия на слушающего.

СПЕКТР СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ

Эмоции закодированы в определенных синтаксических структурах и лексических единицах, закреплены в сознании языкового коллектива и удерживаются в их эмоциональной памяти [Шаховский, 2008].

Эмоции, вне зависимости от языка, поляризованы по двум векторам – хорошие / плохие, приятные / неприятные. Однако не всегда есть возможность определить, что действительно является хорошим, а что плохим. Так, например, одной из наиболее часто выражаемых эмоций в поэтическом дискурсе является любовь, однако не всегда очевидно, позитивная ли эта эмоция или нет, особенно если любовь связана с грустью, войной, смертью [Керова, 2020].

Эмотивные элементы одного уровня в большинстве случаев сопровождаются эмотивными элементами других уровней: лексического,

фонетического и грамматического. Так, например, в восклицательном предложении может быть одновременно несколько знаков препинания или несколько эмфатических конструкций, а сама эмоция может выражаться лексическими средствами, которые являются ключом к пониманию эмоции. Другими словами, одного восклицательного знака недостаточно для понимания эмотивной интенции автора.

По научному убеждению Н. Д. Арутюновой, «психические реакции выражаются разнородным синтаксическими структурами. При этом обозначающие их слова допускают индивидуальные, с трудом поддающиеся систематизации трансформационные ряды» [Арутюнова, 1999, с. 439]. Синтаксические средства выражения эмотивной интенции представляют особый интерес для исследования, так как их выбор может быть и авторским, и одновременно отражать выбор определенного социума / поколения, служить неким эмоционально-оценочным кодом.

В данной работе мы рассматриваем изменения в наборе синтаксических средств в диахронии, графическую организацию предложения, определяем наиболее частотные конструкции в английской поэзии XIX–XX вв.

Исследование английского поэтического дискурса XIX–XX вв. проведено на материале 1000 примеров эмотивных (восклицательных) предложений, по 500 в каждом веке.

ОСНОВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Любой поэтический дискурс эмотивен и экспрессивен, однако сложность представляет именно определение конкретной эмоции / эмотивной интенции автора. По научному убеждению Н. Д. Арутюновой, «значение слова формируется под воздействием следующих факторов:

- логических отношений, лежащих в основе высказывания;
- выполняемой словом логико-коммуникативной функции;
- типа осуществляемой словом референции;
- положения высказывания в дискурсе» [Арутюнова, 1999, с. 1].

С учетом этих факторов мы провели анализ синтаксических конструкций на нескольких уровнях в соответствии с целью высказывания, структурой и порядком слов.

Под эмотивным синтаксисом мы понимаем особые структурные образования, которые передают основной смысл, а также эмоциональное и субъективно-оценочное отношение автора

к чему-либо. Многие авторы ставят знак равенства между восклицательными и эмотивными предложениями [Писарев, 1983]. С этой точки зрения нами и был проведен анализ поэтического дискурса.

На основе проведенного анализа были выявлены наиболее частотные эмотивные синтаксические конструкции в поэтическом дискурсе изучаемого периода. Необходимо отметить, что примерно в трети предложений было зафиксировано одновременно несколько эмфатических структур, поэтому количественному анализу подверглись не предложения, а именно структуры.

САМЫЕ ЧАСТОТНЫЕ ЭМОТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Восклицательные предложения

1. Предложения-обращения. В позиции обращения наиболее употребительны номинации адресата по социальной функции (*O wise men of China*), по родственным, семейным отношениям (*My brother*), которые сопровождаются прилагательными эмоционального и оценочного значения. Такого рода апеллятивы имеют, во-первых, энергию призыва / стимула, во-вторых, энергию эмоциональной реакции в восклицаниях сакральных (*O God of mercy!*) и несакральных как реакцию на ситуацию. «Изучение предложений-обращений охватывает целый ряд факторов – межличностных и социальных, мистических и магических, статических и этических» [Арутюнова, 1999, с. 117].

O God of mercy! when?
The people, Lord! the people!¹
(*E. Elliott, The People's Anthem*)

2. Конструкции с междометиями и восклицательными частицами составляют 30 % всех восклицательных предложений (самая распространенная модель) и выполняют эмфатическую функцию. Междометия чаще всего занимают препозицию к оценочным предикатам.

Oh, my God! – the down,
The soft young down of her; the brown,
The brown of her – her eyes, her hair, her hair!²
(*Charlotte Mew, The Farmer's Bride*)

3. Односоставные предметные предложения с главным членом существительным (*A wind in the world!*), в большинстве случаев с неодушевленным

¹ URL: <http://www.eng-poetry.ru/english/Poem.php?PoemId=8820>

² URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/55324/the-farmers-bride>

существительным. Конструкция в большинстве случаев многократно повторяется для создания эффекта некой ритмичности и усиления эффекта от центральной эмоции. В данном стихотворении односоставное предметное предложение повторяется шесть раз.

*A wind in the world! The dark departs;
The chains now rust that crushed men's flesh and bones,
Feet tread no more the mildewed prison stones,
And slavery is lifted from your hearts¹
(John Galsworthy, *Russia – America*).*

4. Конструкции с повтором составляют около 10% от всех эмотивных предложений. В большинстве примеров повторы являются именно авторским приемом, часто характерным для конкретных поэтов, а также служат для создания ритмичности как эмфаза, как рамка внутри предложения. В примерах, анализируемых в данной работе, конструкции с повтором более всего типичны для поэзии В. Ирвинга, Дж. Джойса, Э. Эллиота.

*WHEN wilt Thou save the people? <...>
God save the people!
Shall crime bring crime for ever,
Strength aiding still the strong?
Is it Thy will, O Father! <...>
God save the people!
When wilt thou save the people?
O God of mercy! when?
The people, Lord! the people!
Not thrones and crowns, but men!
God save the people! Thine they are;
Thy children, as Thy angels fair;
Save them from bondage and despair!
God save the people!
(E. Elliott, *The People's Anthem*)*

5. Сложные распространенные предложения составляют примерно 15% и являются одними из наиболее частотных особенно в XX в. ввиду нормализации пунктуации и синтаксиса.

6. Стихотворение состоит из 1, 3 или более сложных предложений, что создает определенный ритм, ощущение непрерывного эмоционального потока. Внутри этих предложений часто употребляются модели с повтором одного элемента, составляющие рамку всего стихотворения.

*BEWARE of those who slyly pilch
In many cunning ways;*

*Beware of little lyres that filch
From undisputed bays!
Beware the tumbler's beaded brim,
The ass in fiercer fur;
But most of all beware of him
Who makes my pen to stir –
The Insecure
And Amateur
Implacable Photographer!
Beware lest, thieving for your thirst,
An earwig's in the plum!
Beware of folly, gay at first,
That later makes you glum!
Beware of pits when stars are dim,
The tooth of vagrant cur;
But most of all beware of him
That makes my pen to stir –
The masterful
Distasteful
Implacable Photographer!
Beware of angling in a stream
Whose trout are not for you;
Beware of trusting in a dream
That's gone before the dew!
Beware of truckling to a whim;
Of folks that always purr;
But most of all beware of him
That makes my pen to stir –
The premature
And Amateur
Implacable Photographer!
(Norman Rowland Gale, *The Amateur Photographer*)*

Побудительные предложения

1. Конструкции с глагольным сказуемым в повелительном наклонении (с обращением к адресату и без) составляют 10%, из них 7% конструкции без обращения. Самыми частыми обращениями являются *Lord*, *God* и названия профессий;

*God save the people!
(E. Elliott, *The People's Anthem*)*

2. Конструкции с глаголом *let* составляют около 5% и в половине случаев употребляются с глаголами-призывами к борьбе (*fight*, *stab*, *chaos come*) и в комплексе с другими лексическими и синтаксическими средствами;

*Let them not pass, like weeds, away!
Their heritage a sunless day!
(E. Elliott, *The People's Anthem*)*

¹ URL: https://www.theotherpages.org/poems/russandam_twp.html

3. Конструкции с глаголом в сослагательном наклонении составляют 5 %. Во всех случаях используется только второй тип условного предложения.

*If you passed her in your city
You would call her badly dressed,
But the faded homespun covers
Such a heart in such a breast! ...
(Norman Rowland Gale, My Country Love)*

В целом анализ комплекса синтаксических моделей в сочетании с различными лексическими средствами наряду с отражаемыми эмоциями и явлениями, вызвавшими эти эмоции, позволяет сделать выводы о непосредственном влиянии этих факторов на поэтический дискурс в целом и на синтаксис в частности. В периоды войн на первый план выходят конструкции, призывающие к действию, с глаголом *let*, побудительные предложения или мольбы к Богу, многократные повторы, создающие в некоторых контекстах глубокое впечатление на читателя. По словам Н. Д. Арутюновой, «создание лексики и грамматики чувств есть результат великого усилия человека познать самого себя» [Арутюнова, 1999, с. 399]. Поэтому изучение лексики и грамматики в диахронии дает ключ к знаниям, эмоциям, истории народов разных поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило нам прийти к следующим выводам:

1. Любому языку присуща эмотивность, т. е. в языке есть некоторые эмотивные знаки, которые

могут отражать эмоции отдельного индивидуума, а иногда и целого социума в определенный период времени. Они входят в когнитивно-эмотивную структуру языка. Можно говорить об эмотивности как имманентном свойстве языка.

2. Поэтический дискурс эмотивен независимо от знаков препинания. В большей части примеров XIX–XX вв. эмотивность выражена эксплицитно, т. е. эмотивные / восклицательные предложения обязательно сопровождаются лексическими и грамматическими средствами выражения эмоции.

3. Под эмотивной интенцией мы понимаем намерение говорящего продемонстрировать наличие эмоционально-оценочного отношения к тому или иному явлению как способа воздействия на слушающего.

4. Для выразительности текста большое значение имеет синтаксическая организация предложения (инверсия, повторы, парцелляция). Для усиления эмотивности и экспрессивности комплекс синтаксических моделей встраивается в одно эмотивное предложение, а эмоции номинируются лексическими единицами.

5. В рамках статьи был проведен анализ только эмотивных восклицательных предложений, однако при подборе примеров выяснилось, что восклицательный знак является лишь формальным атрибутом эмотивности, а эмотивное предложение, т. е. предложение, в котором присутствует вербальное выражение эмоциональности при помощи различных языковых средств, а также чувственная оценка объекта, может не быть обозначен на письме восклицательным знаком. Эмотивность может быть выражена целым комплексом средств разных уровней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие к спецкурсу. Волгоград, 1983.
2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. (Язык. Семиотика. Культура).
4. Писарев Д. С. Грамматическая структура и коммуникативные функции восклицательных предложений в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1983.
5. Керова А. В. Концепт «любовь» в английском поэтическом дискурсе XVII–XVIII вв. // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 11 (840). С. 93–105. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/11_840_H.pdf

REFERENCES

1. Shahovskij, V. I. (1983). Emotivnyj komponent znacheniya i metody ego opisaniya = Emotive component of meaning and methods of its description. Ucheb. posobie k speckursu. Volgograd. (In Russ.)

2. Shahovskij, V. I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emocij = Linguistic theory of emotions: monograph. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
4. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka = Language and the human world. 2nd edition. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russ.)
5. Pisarev, D. S. (1983). Grammaticheskaya struktura i kommunikativnye funkcii vosklicatel'nyh predlozhenij v sovremennom francuzskom yazyke = Grammatical structure and communicative functions of exclamatory sentences in contemporary French. PhD in Philology. Kalinin. (In Russ.)
6. Kerova, A. V. (2020). The concept of "love" in English poetry of 17th–18th centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(840), 93–105 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Керова Алина Валерьевна

старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kerova Alina Valer'evna

Senior Lecturer at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья
 УДК 811:111-26
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_30

Языковые средства экспрессивности жанра «Letter to the Editor»

А. М. Клепацкая

Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь
a.grabitskaya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются средства экспрессивности языка в письмах в редакцию, которые входят в корпус аналитических текстов событийного дискурса. Материалом исследования являются тексты писем в редакцию американских региональных газет. Методы исследования включают в себя дискурс-анализ и анализ текста с учетом его жанровой и тематической направленности. Проведенный анализ текстового материала показал, что в письмах в редакцию используются лексические и грамматические средства выразительности.

Ключевые слова: событийный дискурс, аналитический текст, лексические и грамматические средства экспрессивности, письмо в редакцию, событийная ситуация

Для цитирования: Клепацкая А. М. Языковые средства экспрессивности жанра «Letter to the editor» // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 30–36. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_30

Original article

Linguistic Means of Expressiveness of the Genre “Letter to the Editor”

Anna M. Klepatskaya

Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus
a.grabitskaya@yandex.ru

Abstract. The article considers linguistic means of expressiveness in letters to the editor included into the corpus of analytical texts of event discourse. The research is carried out on the material of letters to the editor of American regional newspapers. The research methods used in the article include the method of discourse analysis and the method of text analysis regarding the text genre and topic. The analysis of the material showed that lexical and grammatical means of expressiveness are used in letters to the editor.

Keywords: event discourse, analytical text, lexical and grammatical means of expressiveness, letter to the editor, event situation

For citation: Klepatskaya, A. M. (2022). Linguistic means of expressiveness of the genre “Letter to the Editor”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 30–36. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_30

ВВЕДЕНИЕ

Отличительной особенностью коммуникации в современном масс-медийном пространстве является ее направленность на демократизацию. Демократизация массовой коммуникации прослеживается в публицистических жанрах СМИ, ориентированных на диалогическую форму общения [Аргашокова, 2007]. Одним из таких жанров является жанр «письмо редактору», тексты которого характеризуются значительным воздействующим потенциалом за счет использования экспрессивных средств языка.

Актуальность данной работы обусловлена повышенным интересом лингвистов к проблеме диалогизма массовой коммуникации, а также к вопросам речевого воздействия и к языковой актуализации экспрессивности в публицистических текстах с целью влияния на массового читателя. Письма редактору представляет собой одну из жанровых форм диалогического общения в сфере массовой коммуникации. В большинстве своем тексты данного жанра создаются для привлечения внимания широкой общественности к какой-либо значимой проблеме посредством периодического издания.

Письмо в редакцию является одним из малоисследованных публицистических жанров. В работах по теории журналистики письма в редакцию рассматривались в рамках эпистолярного (А. А. Тертычный, С. М. Гуревич, Т. Г. Рабенко) и аналитического жанра (А. И. Акопов).

В современной лингвистике письмо редактору как жанр зарубежной журналистики изучалось с точки зрения его дискурсивно-лингвистических (С. Х. Аргашокова, Е. А. Козлова) и лингвопрагматических характеристик (И. И. Колкарева), в том числе при анализе построения в нем аргументации (В. Ю. Голубев), а также в аспекте его семиотики и диалогичности (В. А. Тырыгина).

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить языковые средства реализации экспрессивности в текстах жанра «письмо в редакцию», входящих в корпус аналитических текстов событийного дискурса. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи: 1) описать характерные признаки жанра «письмо редактору», 2) выявить языковые маркеры принадлежности текстов писем к событийному дискурсу, 3) выявить маркеры аналитического характера текстов писем, 4) проанализировать языковые средства выразительности в текстах писем.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Жанр «письмо редактору» является одним из синкретических жанров современной журналистики.

Синкретичность жанра состоит в том, что его тексты обладают как своими собственными, так и заимствованными у других жанров характеристиками [Аргашокова, 2007]. «Письмо редактору» как синкретический жанр интегрирует в себе признаки газетно-публицистических и эпистолярных жанров [Василец, 2013].

Как вариант эпистолярного жанра письмо в редакцию обладает такими его свойствами, как опосредованный характер общения (в роли посредника выступает периодическое издание, в котором опубликовано письмо), дистантность общения (разделенность участников коммуникации в пространстве и / или времени), моноавторство (персональный автор), функциональный параметр. К основным функциям жанра письма редактору относятся информативная, связанная с необходимостью автора сообщить редакции издания о своей проблеме, эмотивно-оценочная, предполагающая выражение автором своих эмоций по поводу какого-либо события, воздействующая, связанная с необходимостью убедить адресата в правильности позиции автора и решить указанную в письме проблему [Рабенко, 2018].

В то же время письмо в редакцию, являясь жанровой реализацией газетно-публицистического стиля, обладает рядом свойственных ему признаков. Письмо в редакцию отличается от других текстов эпистолярного жанра ориентированностью на массового адресата. При этом обращение к читательской аудитории осуществляется путем обращения к формальному адресату [Аргашокова, 2007]. Под формальным адресатом понимается редакция (сотрудники редакции / редактор), в которую отправляется письмо.

Редакции многих периодических изданий заинтересованы в получении откликов читателей на события социальной либо личной значимости и выделяют для писем читателей специальную рубрику. Эту рубрику можно рассматривать как своего рода площадку для диалогического общения между читателем и прессой. То есть «письмо в редакцию» направлено на установление обратной связи с читателем и в более широкой перспективе – на демократизацию публичной коммуникации [Василец, 2013].

Материалом исследования послужили англоязычные письма в редакцию, входящие в корпус текстов событийного газетного дискурса. Под событийным газетным дискурсом мы понимаем совокупность газетных текстов, общим референтом которых является событийная ситуация [Хомякова, 2015; Гробицкая, 2017]. Событийная ситуация включает в себя ряд событий, связанных между собой причинно-следственными и / или

пространственно-временными отношениями. В основе событийной ситуации лежит событие-ядро, которое служит «триггером» для ее возникновения и для ее дальнейшего развития.

Примером такого события-ядра является разлив нефти в Мексиканском Заливе в 2010 году. Это событие стало основной темой писем читателей, которые проживали в пострадавших от разлива нефти регионах. Рассмотренные нами письма редактору были опубликованы в различных американских региональных газетах, таких как *the Daily Gazette*, *the Tampa Bay*, *the Noozhawk* и др. В основном, источником текстового материала являются ежедневные газеты, издаваемые в пострадавших от разлива нефти американских штатах.

Принадлежность читательских писем к событийному дискурсу определялась нами по следующим критериям:

- по их содержанию, посвященному либо самому событию-ядру как общему референту текстов событийного дискурса, либо отдельной сфере природной / социальной реальности, которая оказалась под влиянием разлива нефти как события-ядра;
- по наличию лексических маркеров – единиц номинации события «разлив нефти» (например, *the BP Deepwater Horizon oil spill*, *the 2010 BP oil spill*, *the Gulf oil spill*).

Для писем читателей в американских периодических изданиях отводится отдельная рубрика «Letter(s) to the Editor» (Письмо (письма) Редактору), которая входит в состав раздела «Opinion» (Мнение). Размещение писем в разделе «Opinion» периодического издания указывает на аналитический характер текстов данного типа и, следовательно, на их принадлежность к аналитическим текстам событийного дискурса.

Основными методами исследования эмпирического материала, которые применялись в данной статье, являются дискурс-анализ и метод анализа текста с учетом его тематической и жанровой направленности.

Письма в редакцию носят, как правило, моновладельческий характер, т. е. создаются персональным автором, который пишет о том, что касается его собственной жизни и жизни его близкого окружения. При этом автор может указывать свое «социальное имя» [Никишина, 2013, с. 46], т. е. важнейшие социальные характеристики, что позволяет автору отметить свою причастность к той или иной социальной группе и даже к нации в целом.

Стремление авторов писем маркировать себя в общественной иерархии прослеживается в следующих примерах:

As small business owners along the beautiful Gulf of Mexico, we understand the importance of protecting Florida's coastline and economy... – «Как владельцы малого бизнеса на красивом побережье Мексиканского залива, мы понимаем важность защиты побережья и экономики Флориды...» (авторы письма отмечают свою принадлежность к группе владельцев малого бизнеса в штате, пострадавшем от разлива нефти).

And finally, we Americans should also consider our role in this tragedy, as we steadfastly refuse to get off our oil addiction. – «И наконец, мы, американцы, должны также оценить свою роль в этой трагедии, так как мы наотрез отказываемся избавиться от своей нефтяной зависимости» (автор письма идентифицирует себя с американской нацией, обращаясь к читательской аудитории с определенным посылом).

I, along with thousands of others, became sick during this time... – «Я, как и тысячи других людей, заболел в то время» (автор письма причисляет себя к группе людей, чье здоровье пострадало из-за разлива нефти).

Что касается адресата письма, то он может эксплицироваться с помощью местоимений *you / your(s)* (ты, вы / твой, ваш). Например,

Therefore I write to you in hopes of helping you understand the serious nature of such an event. – «Поэтому я пишу вам в надежде помочь вам понять всю серьезность такого события».

Go to Prince William Sound today, and you will see the contaminated shorelines ... and see the impacts to communities there. – «Отправляйтесь сегодня в залив Принц-Уильям, и вы увидите там загрязненные берега ... и увидите, как пострадали жители местных общин» (автор письма призывает читателей отправиться в пострадавший от разлива нефти регион, чтобы лично убедиться в размере экологического и экономического ущерба).

Приведенные выше примеры с экспликацией адресанта и адресата указывают на неформальный характер общения в рамках жанра письма в редакцию. Вместе с тем письма в редакцию предназначены для общения их авторов как с официальными инстанциями и их представителями, так и общественностью в целом для решения или привлечения внимания людей к какой-либо социально значимой проблеме, причем редакция газеты рассматривается как влиятельный посредник в плане достижения автором цели письма.

Рассмотрим письма в редакцию с точки зрения их структурно-содержательной организации. Классическая структура писем читателей включает в себя следующие компоненты:

- 1) заглавие (например, *Health Effects of Oil Spill*);
- 2) дата написания письма (например, *June 1, 2015*);
- 3) тело письма;
- 4) имя / имена автора / авторов + название места их проживания (например, *Rocky Meadows, Ocean Springs, Miss.*). При этом некоторые структурные элементы письма могут опускаться (дата написания, место проживания автора). Также авторы могут указывать дополнительную информацию о себе, например:

Mary Ann and Gary Renfrow, St. Pete Beach. The writers co-own Alden Suites in St. Pete Beach.

Как текст аналитического жанра письмо в редакцию направлено на выражение авторской позиции и оценки события, которое явилось поводом для написания письма и к которому автор стремится привлечь внимание общественности. Языковыми маркерами аналитического характера письма в редакцию являются языковые средства реализации экспрессивности.

Экспрессивность – одна из сложнейших языковых категорий. В языкознании существует широкое и узкое толкования экспрессивности. При узком понимании экспрессивность отождествляется с оценочными свойствами речи. В широком понимании экспрессивность выступает как интеллектуально-чувственная речевая категория, содержанием которой является эмоциональная, оценочная, образная, поэтико-эстетическая, динамическая и стилистически окрашенная ее разновидности [Гашкова, 2010].

«Категорию экспрессивности можно толковать широко, включая в это понятие и такие категории, как эмоциональность, эмоциональная оценка, категория эстетического, и узко, понимая под экспрессией особую выразительную силу, создаваемую такими категориями, как образность, художественность, интенсивность (выражаемого признака, действия), новизна и др.» [Киселева, 1978, с. 30]. В современной лингвистике наиболее распространенным является широкое понимание экспрессивности.

Экспрессивность – важная характеристика письма в редакцию как текста аналитического жанра, который необходим для решения его основной прагматической задачи – привлечь внимание читательской аудитории к предмету публикации. Как показал анализ текстового материала,

экспрессивность в письмах читателей может реализовываться на грамматическом (синтаксическом) и лексическом уровнях.

Среди грамматических (синтаксических) средств выразительности встречаются риторический вопрос, парцелляция, парентеза и параллелизм.

Примером парцелляции (разделение единой синтаксической структуры предложения на два или несколько интонационно обособленных отрезка с целью выделения наиболее важной информации) является следующий фрагмент одного из писем редактору:

These two critical bills will protect our tourism, recreation, construction and fishing sectors. <...> And they'll support local, family-owned businesses like ours. – «Эти два крайне важных законопроекта защитят наш туризм, сферу развлечений, сферу строительства и рыболовства. <...> И они поддержат местные, семейные бизнесы, вроде нашего».

Здесь пунктуационно разделены части сложносочиненного предложения, связанные между собой сочинительным союзом *and* для выражения авторской мысли о необходимости поддержки на законодательном уровне владельцев семейного бизнеса в штате Флорида, пострадавшем от разлива нефти. В то же время автор письма обозначает свою причастность к классу местных владельцев семейного бизнеса.

Следующим синтаксическим средством экспрессивности является парентеза, то есть в структуру предложения вставляются слова, словосочетания или предложения, не связанные с ним грамматически, но содержащие какую-либо дополнительную информацию, в том числе информацию экспрессивного характера. В качестве примера парентезы из текстов писем в редакцию можно привести парентетическую конструкцию, выраженную сложным причастным оборотом, который «вклинивается» в предложение и переключает внимание читателя на дополнительный, важный с авторской точки зрения, информационный элемент высказывания. Например:

...Environmental disaster washing up on our shores that, once released by the greed and incompetence of "Big Oil," will devastate the coastlines and seas of America – «...Экологическая катастрофа, обрушившаяся на наши берега, которая, возникнув когда-то из-за жадности и некомпетентности "Большой Нефти", разрушит побережья и моря Америки».

В проанализированных нами письмах встречается большое количество однословных парентез,

служащих для выражения логической связи между высказываниями, оценки содержания высказывания и т. д., например:

Therefore, the environment must be meticulously maintained. – «Поэтому окружающую среду надо тщательно охранять».

However, all you need to do is look back at other disasters. – «Однако, все, что вам нужно сделать, это посмотреть на другие катастрофы».

Frankly, I don't believe we will until we are forced to. – «Откровенно говоря, я не думаю, что мы сделаем это, пока нас не заставят».

Авторами писем также часто используются парентезы – предложения, выражающие модальные значения оценки, опасения, уверенности, сомнения и др., например:

I hope this letter will serve as a note of caution. – «Надеюсь, что это письмо послужит предупреждением...»

I also believe that our health is directly connected to the health of our environment. – «Я также думаю, что наше здоровье напрямую связано с состоянием окружающей среды».

My fear is that ... we will once again shout as a nation. – «Мое опасение состоит в том, что мы снова воскликнем как нация...»

Встречаются также риторические вопросы, то есть вопросительные по форме предложения, имеющие значение эмоционально усиленного утверждения или отрицания. Например:

Does this sound overly dramatic? – «Это звучит чересчур драматично?»

The Gulf and Exxon Valdez oil spill, when will we learn? – «Разливы нефти в Мексиканском заливе и на танкере "Эксон Валдиз": когда мы извлечем уроки?»

Синтаксический параллелизм, т. е. тождественное строение синтаксических конструкций, можно проиллюстрировать следующим примером:

I have little knowledge of environmental issues, most of which are visibly recognized. – «У меня мало знаний об экологических проблемах, большинство из которых можно увидеть».

I have extensive knowledge of the human health issues, which are not so easily recognized. – «У меня много знаний о проблемах здоровья человека, которые не так легко распознать».

Оба предложения являются сложноподчиненными, построенными по модели «подлежащее + сказуемое + дополнение» (главная часть) и «подлежащее, выраженное союзным словом *which* (который, -ая, -ое, -ие) + сказуемое, выраженное глаголом в форме Passive Voice» (зависимая часть). Предложения имеют почти тождественное лексическое наполнение, но противопоставлены друг другу по смыслу через антонимичные пары слов: *little* (малое) – *extensive* (обширное) (*knowledge* (знание)), *visibly* (видимое) – *not so easily* (не так легко) (*recognized* (распознаваемое)).

Авторская субъективность в письмах читателей в значительной степени проявляется в ряде используемых лексических средств выражения экспрессивности. Следует отметить активное использование коннотативной лексики для оценки определенных событий или явлений. Например, для оценки события разлива нефти используются:

- оценочные прилагательные (в том числе в форме превосходной степени сравнения прилагательного):

the horrific BP oil spill – «ужасный разлив нефти по вине компании BP»; this horrific event – «ужасное событие»; the greatest environmental disaster in the history of the United States – «крупнейшая экологическая катастрофа в истории США»;

- существительные с отрицательной оценочной коннотацией, обычно в сочетании с оценочными прилагательными:

the terrible tragedy – «ужасная трагедия»; the horrific environmental disaster – «ужасная экологическая катастрофа».

Авторы писем в редакцию зачастую прибегают к использованию стилистических приемов, стремясь к наиболее красноречивому выражению своих мыслей, но не являясь при этом профессиональными журналистами. Рассмотрим примеры некоторых стилистических приемов, в частности эпитетов и метафор.

Примерами эпитетов являются прилагательные, обладающие эмоциональным оттенком и входящие в роли определения в состав следующих атрибутивных словосочетаний:

the sad future for our Gulf Coast – «печальное будущее для нашего побережья Мексиканского залива», two critical bills – «два крайне важных законопроекта», the serious nature of such an event – «серьезный характер такого события».

Во всех этих случаях эпитеты служат для выражения авторского, субъективно-оценочного отношения к описываемым явлениям.

В письмах встречаются также случаи метафорического употребления глаголов и существительных, например:

...It will be many decades before the ocean and coasts of America heal from this wound – «...Пройдет еще много десятилетий, прежде чем океан и побережья Америки излечатся от этой раны».

В данном примере метафора выражена глаголом *heal* (лечить, исцелять) как сказуемым в предложении и существительным *wound* (рана) как дополнением при этом сказуемом. Здесь мы имеем дело с целым метафорическим словосочетанием, которое служит для образной характеристики разлива нефти, нанесшим огромный ущерб прибрежным штатам в районе Мексиканского Залива. Образность создается за счет взаимодействия предметно-логического и контекстуального значений существительного *wound* (рана / вред, ущерб) и глагола *to heal* (вылечивать, исцелять / восстанавливаться).

Образное выражение авторских мыслей можно наблюдать также на примере метафорического употребления глагола *to fade* в сочетании с существительным *memory*:

...Memory of the Gulf tragedy begins to fade in years to come – «...Память о трагедии в заливе начнет тускнеть в ближайшие годы».

Образность здесь служит для характеристики памяти о трагедии в Мексиканском Заливе и достигается путем соотношения основного (*вянуть*) и производного (*тускнеть, блекнуть*) значений глагола *to fade*.

В проанализированных нами письмах редактору встречаются случаи использования наречий,

играющих роль интенсификаторов значения определяемых ими слов. Например:

a totally changed life – «полностью изменившаяся жизнь», perfectly healthy – «абсолютно здоровый», we steadfastly refuse – «мы упорно отказываемся».

Интенсификаторы в целом являются средством создания интенсивности, которая, в свою очередь, рассматривается как составляющая категории экспрессивности [Туранский, 1990]. Введение в высказывание интенсификаторов позволяет градуировать экспрессивность выражения. То есть в приведенных примерах наречия как интенсификаторы повышают степень экспрессивности высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведенный выше анализ текстов писем в редакцию показал, что их авторы прибегают к широкому арсеналу языковых средств выразительности, чтобы привлечь внимание читательской аудитории к предмету публикации через редакцию периодического издания. К лексическим выразительным средствам относятся оценочные прилагательные, зачастую выполняющие роль эпитетов, оценочные существительные, метафорическое употребление существительных и глаголов, а также наречия в роли интенсификаторов значения определяемых ими слов. Среди грамматических (синтаксических) конструкций, повышающих экспрессивность высказывания, встречаются риторические вопросы, парентезы (однословные или в виде словосочетаний), парцелированные и параллельные конструкции.

Письма в редакцию, относящиеся к событийному дискурсу, связаны с корпусом его текстов тематически посредством содержания и лексических маркеров, номинирующих дискурсообразующее событие. В то же время письма в редакцию являются текстами аналитического жанра в составе событийного дискурса. На это указывает их размещение в рубрике «Opinion» периодических изданий, а также их направленность на выражение личностного отношения автора письма к предмету публикации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аргашкова С. Х. Письмо читателя в СМИ как жанр современной журналистики // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. 2007. Вып. 50. С. 233–236.
2. Василец Т. А. Письмо в редакцию как жанр гражданской журналистики // Челябинский гуманитарий. Филология и искусствоведение. 2013. №1 (22). С. 23–28.

3. Рабенко Т. Г. Письмо в редакцию: инвариантные и вариативные признаки жанра // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 136–139.
4. Хомякова Е. Г. Событийная ситуация и ее языковая актуализация в англоязычном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2015. № XXII. С. 246–248.
5. Гробицкая А. М. Событийный газетный макродискурс. Гродно: ГГАУ, 2017.
6. Никишина Е. А. Речевой жанр писем читателей в газете: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
7. Гашкова М. Г. Уровни языковой экспрессивности (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика. 2010. №3. С. 153–157.
8. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978.
9. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая Школа, 1990.

REFERENCES

1. Argashokova, S. Kh. (2007). Reader's letter to the mass media as genre of modern journalism. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki, 50, 233–236. (In Russ.)
2. Vasilets, T. A. (2013). Pis'mo v redakciju kak zhanr grazhdanskoj zhurnalistiki = Letter to the editor as genre of citizen journalism. Chelyabinskii gumanitarii. Filologiya i iskusstvovedenie, 1(22), 23–28. (In Russ.).
3. Rabenko, T. G. (2018). Letter to the Editor: Invariant and Variable Features of the Genre. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2(80), part 1, 136–139. (In Russ.)
4. Khomyakova, E. G. (2015) Event Situation and its Language Actualization in the English-Language Discourse. Kognitivnye issledovaniya yazyka, XXII, 246–248. (In Russ.)
5. Grobitskaya, A. M. (2017). Sobytiinyi gazetnyi makrodiskurs = Event Newspaper Macrodiscourse. Grodno: GGAU (In Russ.)
6. Nikishina, E. A. (2013). Rechevoi zhanr pisem chitatelei v gazette = Speech Genre of Readers' Letters in Newspaper: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Gashkova, M. G. (2010). The levels of language expressivity in German. Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics, 3, 153–157. (In Russ.)
8. Kiseleva, L. A. (1978). Voprosy teorii rechevogo vozdeistviya = Problems of theory of linguistic persuasion. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)
9. Turanskii, I. I. (1990). Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliiskom yazyke = Semantic Category of Intensity in the English Language. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клепацкая Анна Матвеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета бухгалтерского учета Гродненского государственного аграрного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klepatskaya Anna Matveevna

PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Humanities, Faculty of Accounting, Grodno State Agrarian University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья

УДК 811.111'42:811.111'38

DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_37

Особенности синергии мультимодальных эвиденциальных смыслов в пространстве массмедийного новостного дискурса

Д. В. Козловский

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А., Саратов, Россия

kozlovskydv@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности реализации мультимодальных эвиденциальных значений в новостном дискурсе массмедиа. Проанализировано 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов из электронной версии британского журнала «The Economist». Применялся лингвосинергетический метод эвиденциального анализа. Проведенное исследование показало, что эвиденциальная семантика может дополняться значениями эмотивности, экспрессивности, персуазивности, модальности, оценочности, аппроксимации, отрицания и актуализироваться различными синергетическими моделями.

Ключевые слова: новостной дискурс, эвиденциальность, модусная категория, лингвосинергетический анализ

Для цитирования: Козловский Д. В. Особенности синергии мультимодальных эвиденциальных смыслов в пространстве массмедийного новостного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 37–45. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_37

Original article

Specifics of Synergy of Multimodal Evidential Meanings in the Space of Mass Media News Discourse

Dmitrij V. Kozlovsky

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

kozlovskydv@yandex.ru

Abstract. The features of the implementation of multimodal evidential meanings in the news discourse of the mass media are considered. 1000 discursive evidential contexts from the electronic version of the British magazine “The Economist” are analyzed. The author used the linguosynergetic method of evidential analysis. The research indicates that evidential semantics can be accompanied with the meanings of emotiveness, expressiveness, persuasiveness, modality, appraisal, approximation, negation and actualized by various synergistic models.

Keywords: news discourse, evidentiality, modus category, linguosynergetic analysis

For citation: Kozlovsky, D. V. (2022). Specifics of synergy of multimodal evidential meanings in the space of mass media news discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 37–45. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_37

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, характеризуемое некоторыми исследователями как эпоха «информационного противостояния», важнейшую роль приобретает комплексный анализ новостей, способствующих актуализации информационной картины действительности, а также созданию образа того или иного события, что в свою очередь оказывает воздействие на восприятие информации и формирование общественного мнения [Добросклонская, 2016]. Новости обладают структурирующей функцией и выступают в качестве стержневого компонента массмедийного дискурса, вокруг которого создается медиаконтент. Тем самым, новости представляют собой опору пространственно-временной организации бесконечного потока медиаматериалов. Новостные тексты обладают доминирующей ролью в пространстве массмедийного дискурса и репрезентируют информационную функцию средств массовой коммуникации.

В последнее время новости всё чаще становятся объектом изучения как российских, так и зарубежных исследователей. В контексте исследования дискурсивного пространства наряду с понятием «массмедийный дискурс» возникает термин «новостной дискурс». Данный тип дискурса представляет собой вид медиадискурса, задача которого заключается в информировании и осведомлении читателя о тех или иных событиях и фактах. В качестве дискретной единицы новостного дискурса выступает новостной текст, который является отражением мыслительного процесса, а также результатом речевой деятельности человека. Кодификация событий в рамках новостного дискурса происходит в поликодовом и мультимодальном режиме, что позволяет автору оказывать наиболее эффективное воздействие на адресата [Пантина, 2018]. При этом авторская оценка информации может осуществляться в явной и скрытой форме посредством языковых маркеров различных модусных категорий, и, в частности, при помощи показателей категории «эвиденциальность».

Как модусная категория «эвиденциальность» предполагает интерпретацию и коммуникативную оценку сообщения автором наряду с маркировкой источника информации, а также репрезентацией характера передаваемых сведений [Ермакова, 2019; Лунина, 2020].

Эвиденциальность обладает эксплицитным или имплицитным набором языковых средств выражения, включающим в себя модальные слова, наречия, глаголы, существительные, прилагательные и ряд устойчивых словосочетаний. Указанные показатели составляют 10 групп операторов данной категории: явного указания (*announce*,

information, say), неявного указания (*advise, intimate, mention*), усиления значимости высказывания (*emphasize, note, warn*), выражения мнения (*believe, consider, idea*), мыслительной деятельности (*dream, mind, think*), уверенности в знании (*clear, evident, surely*), сомнения (*admit, doubt, hesitate*), предчувствия (*expect, foretell, predict*), умственного восприятия (*cite, forget, memory*) и чувственного восприятия (*hear, notice, see*) [Козловский, 2021, с. 124].

Несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных эвиденциальности, работы, связанные с рассмотрением ее функционирования в пространстве массмедийного дискурса не так многочисленны [Никонова 2022; Чепурная, 2020], в то время как исследования на материале новостного дискурса массмедиа практически отсутствуют.

В процессе развертывания дискурса автор обращается к средствам выражения эвиденциальности для оказания соответствующего воздействия на потенциального читателя [Nuckolls, Michael, 2012; Söderqvist, 2017]. Значимость спецификации и дифференциации эвиденциальной семантики, формулируемой автором в процессе актуализации информации с целью оказания воздействия на конечного адресата, а также недостаточная изученность эвиденциальности в пространстве массмедийного новостного дискурса определяют актуальность настоящего исследования. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей синергии мультимодальных эвиденциальных смыслов в ходе репрезентации интенциональной доминанты новостного медиадискурса. К задачам исследования относятся описание коммуникативной природы массмедийного новостного дискурса, а также определение мультимодальной эвиденциальной семантики с позиций лингвосинергетики.

Материалом исследования послужили дефиниции из словаря Longman Dictionary of Contemporary English¹, а также 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов из электронной версии журнала *The Economist*, полученных методом сплошной выборки.

ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ»

В процессе проведения исследования применяется лингвосинергетический метод эвиденциального анализа. Данный метод предполагает

¹ Longman Dictionary of Contemporary English. 2022, 24th March. URL: <http://www.ldoceonline.com/>

рассмотрение функционирования категории «эвиденциальность» в дискурсивном пространстве в конкретной коммуникативной ситуации. Лингвосинергетический метод предусматривает изучение особенностей воздействия автора на читателя в рамках эвиденциального дискурсивного контекста, содержащего речевой (эвиденциальное высказывание) и ситуационный (описание события) компоненты. В рамках лингвосинергетического метода анализа в любом эвиденциальном высказывании выделяется подготовительная фаза (профаза), содержащая эвиденциальный оператор, представляющий оценку сведений автором и квалифицирующий источник информации, а также исполнительная фаза (эпифаза), конкретизирующая, модифицирующая либо результирующая смысл, выразителем которого является профаза [Борботько, 2011]. Кроме того, данный метод предполагает исследование взаимопроникновения и взаимодополнения мультимодальных значений, возникающих в результате синергии эвиденциальных операторов и маркеров других модусных категорий. Ввиду того что принцип взаимопроникновения модусных значений относится к профазе, а принцип взаимодополнения – к эпифазе эвиденциального высказывания, первый используется для оказания эксплицитного, директивного авторского воздействия на читателя, а второй применяется в случае необходимости имплицитного, косвенного воздействия.

Лингвосинергетический метод эвиденциального анализа рассматривает категорию эвиденциальность в качестве центрального элемента эвиденциальной модели, описывающей ее синергетическое сцепление с другими модусными категориями. Рассмотрение языкового материала по данной проблематике позволяет утверждать, что в дискурсивном пространстве они реализуют два возможных типа взаимодействия – взаимопроникновение и взаимодополнение модусных смыслов. Взаимопроникновение реализуется в случае пересечения значений эвиденциальности и других модусных категорий в узловых точках развертывания рассматриваемого эвиденциального дискурсивного контекста (точка актуализации оператора), в то время как взаимодополнение осуществляется при обнаружении добавочных модусных смыслов в промежуточной области развертывания эвиденциального дискурсивного контекста (всё его пространство кроме точек развертывания эвиденциальных высказываний) [Козловский, 2021]. Описанная лингвосинергетическая эвиденциальная модель представлена на рисунке 1.

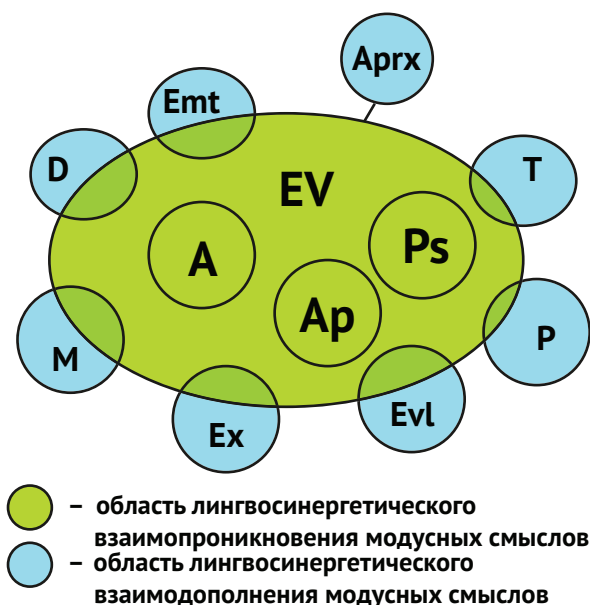

Рис. 1. Лингвосинергетическая эвиденциальная модель

Как следует из представленной модели, эвиденциальность – **Ev** семантически шире категорий «персональность» (соотнесение ситуации с действующими лицами) – **P**, «восприятие» (отражение особенностей личности автора / субъекта коммуникации) – **Ap**, «авторизация» (квалификация источника сведений) – **A**, и включает в себя значения указанных категорий. Кроме того, эвиденциальность включает в себя значение категории «темпоральность» (указание временной взаимосвязи событий) – **T**, либо дополняется им. Таким образом, говоря об эвиденциальной семантике, мы подразумеваем совокупность перечисленных категориальных значений (**Evs**). Относительно модусных категорий «отрицание» (значение отсутствия чего-либо) – **D**, модальности (соотношение высказывания с действительностью) – **M**, оценочности (оценка информации автором / субъектом коммуникации) – **Evl**, персуазивности (убеждение в достоверности / ложности сведений) – **P**, экспрессивности (выражение эксплицитного отношения к информации) – **Ex** и эмотивности (репрезентация эмоционального состояния) – **Emt** уместно говорить о взаимодополнении либо взаимопроникновении модусных значений, а в случае аппроксимации (обозначение факта приближенности) (**Aprx**) исключительно о лингвосинергетическом взаимодополнении. При этом возможны различные комбинации модусных значений **Evs** и **Aprx**, **D**, **M**, **Evl**, **P**, **Ex**, **Emt**.

Таким образом, в ходе развертывания эвиденциального дискурсивного контекста автор

обращается к модели **Evs**, а также дополнительной модусной семантике **M, EvI, P, Ex, Emt, Aprx** для оказания определенного воздействия на читателя, при этом особенности данного воздействия определяются интенциями автора, а также коммуникативной специфики дискурса.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА МАССМЕДИЙНОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

В русле данного исследования особый интерес представляет рассмотрение коммуникативной природы новостного дискурса. Согласно точке зрения Т. Ван Дейка, данный жанр дискурса связан с анализом формируемой читателем модели события, отраженного и рационально представленного посредством сообщения [Dijk, 1997]. Несомненно, что новостная информация предстает в качестве нарративного акта благодаря событийному характеру новизны, при этом презентация новых сведений является «событием». Следовательно, нарративность новостного дискурса состоит в вербальном развертывании автором репрезентируемых сведений о событии. Вместе с тем конструируемая рецептивная картина действительности может отличаться от авторского видения ситуации, а также образа, который он желает сформировать у читателя. Обращение к «новостному дискурсу» позволяет автору придать актуализируемому событию высокую информативную ценность – выразить его релевантность на момент передачи сообщения, актуальность сообщаемой информации на данный момент времени [Иванова, 2020]. При этом каждое следующее сообщение нивелирует либо полностью аннулирует повествовательную значимость предыдущего.

Одна из наиболее важных характеристик новостного дискурса состоит в том, что он обычно не предполагает директивного, субъективного воздействия автора на потенциального читателя: побудительного, провокативного, инспиративного либо регулятивного. Такого рода воздействие имеет опосредованный информативный характер и определяется личностным опытом адресата. В силу того что «новость» в общем понимании отражает изменение текущей ситуации действительности, является актуальной и так или иначе трансформирует разворачивающуюся коммуникативную ситуацию, – презентация новости может происходить в декларативной форме. Таким образом, коммуникативная природа новостного дискурса характеризуется синергией нарративного и перформативного аспектов представления сведений. В пространстве новостного дискурса

массмедиа преобладающей интенциональной доминантой является нарративная информативность, дополняемая с помощью перформативной суггестивности [Тюпа, 2017]. Подчеркнем, что обе интенции в обязательном порядке соприисутствуют в данном жанре дискурса, в противном случае репрезентируемые сведения не будут обладать новостной природой.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В МАССМЕДИЙНОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Описанные выше особенности коммуникативной природы новостного массмедийного дискурса прослеживаются в эвиденциальной семантике, которая в рамках исследуемого жанра дискурса репрезентирует стремление автора к передаче сведений с целью информирования / развлечения читателя и выражается при помощи эвиденциальной модели **Evs (Ev + A + P + Ps + T)**. При этом в зависимости от особенностей сообщения и коммуникативной направленности рассматриваемого новостного отрывка автор может интерпретировать и разъяснять читателю определенные сведения, расширяя базовую эвиденциальную семантику, которая может дополняться модусными значениями категорий «отрицание» (**D**), «модальность» (**M**), «оценочность» (**EvI**), «персуазивность» (**P**), «эмотивность» (**Emt**), «экспрессивность» (**Ex**) и «аппроксимация» (**Aprx**). Рассмотрим следующие примеры:

American regulators have *reportedly* launched an investigation into whether Barry Diller, a media mogul, used insider *information* to buy options on Activision Blizzard's stock days before the *announcement* that it was being sold to Microsoft. David Geffen, a music tycoon, and Alexander von Furstenberg, the son of Mr Diller's wife, are also being investigated (*The Economist*, 12th March 2022). – **По некоторым данным**, американские контрольно-надзорные органы начали расследование того, использовал ли медиамагнат Барри Диллер инсайдерскую *информацию* для покупки опционов на акции Activision Blizzard за несколько дней до *объявления* о продаже компании Microsoft. Также ведется расследование в отношении музыкального магната Дэвида Геффена и Александра фон Фюрстенберга, сына жены Диллера¹.

Настоящий дискурсивный эвиденциальный контекст является частью новостного отрывка,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Д. К.

освещающего расследование контрольно-надзорных органов в отношении медиамагната Барри Диллера по факту возможного использования инсайдерской информации для покупки опционов на акции компании *Activision Blizzard*.

Семантика косвенной опосредованной эвиденциальности выражается при помощи оператора неявного указания *reportedly* – *по некоторым данным* (*according to what some people say*¹ – *согласно тому, что говорят некоторые люди*), указывающего на непроверенный характер информации и ее источника, в качестве которого выступает контрольно-надзорный орган (C2); оператора явного указания *information* – *информация* (*facts or details that tell you something about a situation, person, event etc.*² – *факты или детали, которые говорят что-либо о ситуации, человеке, событии и т.д.*), репрезентирующего детали потенциального правонарушения Барри Диллера (C2), а также оператора явного указания *announcement* – *объявление* (*an important or official statement*³ – *важное или официальное заявление*), используемого для передачи сведений о продаже контрольного пакета акций *Activision Blizzard* компании *Microsoft*.

Рассматриваемый эвиденциальный контекст характеризуется эвиденциальной семантикой (Evs), обусловленной стремлением автора новостного отрывка (C1) передать читателю (O) официальную информацию, полученную от третьих лиц. При этом C1 отстраняется от квалификации передаваемых сведений за счет обращения к C2, выступающего в качестве источника информации. Нейтральная эвиденциальная семантика анализируемого новостного отрывка способствует осознанному восприятию сведений, одновременно предоставляя O некоторую пищу для размышлений.

Aeroflot suspended all flights outside Russia, except to Belarus. This came after the country's civil-aviation authority **warned** Russian airlines that planes leased from foreign entities **could** be impounded **if** they land abroad (the British government is **making** it a criminal offence to fly Russian aircraft into Britain). Russians seeking to return home were **advised** to transit through countries that have not signed up to sanctions (*The Economist*, 12th March 2022). – Аэрофлот приостановил все полеты за пределы России, кроме Белоруссии. Это произошло после того, как управление гражданской авиации страны **предупредило** российские авиакомпании, что самолеты, арендованные у иностранных компаний, **могут** быть конфискованы,

если они приземлятся за границей (британское правительство **объявляет** уголовным преступлением полет российских самолетов в Великобританию). Россиянам, стремящимся вернуться домой, **рекомендовали** транзитные перелеты через страны, не поддержавшие введение санкций.

Данный эвиденциальный дискурсивный контекст описывает ситуацию в авиакомпании Аэрофлот, вынужденной отменить все международные перелеты за исключением рейсов в Белоруссию.

Косвенная эвиденциальность анализируемого новостного отрывка передается при помощи оператора усиления значимости высказывания *warn* – *предупреждать* (*to tell someone that something bad or dangerous may happen, so that they can avoid or prevent it*⁴ – *говорить кому-либо, что может произойти что-либо плохое или опасное, однако, этого можно избежать или предотвратить*), репрезентирующего стремление управления гражданской авиацией (C2) предотвратить возможную конфискацию самолетов; оператора явного указания *make* – *объявлять* (*used with some nouns to say that someone does something*⁵ – *используется с некоторыми существительными, чтобы сообщить, что кто-либо делает что-то*), выражающего официальную политику правительства Великобритании (C3) в отношении рейсов из России; оператора неявного указания *advise* – *рекомендовать* (*to tell someone about something*⁶ – *сказать кому-то о чем-либо*), обозначающего позицию обобщенного говорящего (C4) касательно выбора маршрута возвращения из-за рубежа.

Необходимо отметить, что эвиденциальный оператор *warn* – *предупреждать* одновременно является показателем персуазивности (P) и используется C1 для оказания суггестивного воздействия на читателя (O) за счет демонстрации уверенности C2 в исключительной важности передаваемых сведений и достоверности их источника. Данная мультимодальная эвиденциальная семантика дополняется посредством модальности (M), актуализируемой маркерами *could* – *мочь* и *if* – *если*, призванными изменить восприятие действительности O при помощи высказываемых C2 предположений.

Таким образом, в рамках настоящего дискурсивного контекста реализуются принципы синергетического взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов, которые актуализируются посредством сочетания модели Evs с семантикой

¹ Longman Dictionary of Contemporary English. 2022, 24th March. URL: <http://www.ldoceonline.com/>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Longman Dictionary of Contemporary English. 2022, 24th March. URL: <http://www.ldoceonline.com/>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

персуазивности (P) и модальности (M), репрезентируя лингвосинергетическую модель **Evs + P + M**. Формируемая эвиденциальная семантика способствует реализации коммуникативной стратегии автора новостного сообщения (C1), связанной с его стремлением к фактической передаче информации, а также необходимостью оказания определенного воздействия на восприятие действительности читателем (O). Данное обстоятельство обуславливает дополнение эвиденциальной семантики значениями других модусных категорий и может иметь целью побудить O задуматься о целесообразности путешествий за границу в текущей ситуации.

India's securities and exchange regulator fined a former head of the Mumbai bourse \$400,000 for sharing sensitive information with her guru. The regulator **noted** that Chitra Ramkrishna's unnamed yogi lived in the Himalayas, and that she had **described** him as having "**spiritual powers**" that **did not** require "physical co-ordinates and would manifest at will". That **didn't** stop her from **allegedly emailing** the mystical mountain man about confidential business plans. The regulator **said** she had been a "**puppet in his hands**" (*The Economist*, 19th February 2022). – Индийское управление по ценным бумагам и биржам оштрафовало бывшего главу мумбайской биржи на 400 000 долларов за то, что она поделилась конфиденциальной информацией со своим гуру. Как **отмечает** представитель управления, неназванный йог Читры Рамкришны жил в Гималаях, а глава биржи **характеризовала** его как обладающего «**духовными силами**», которые **не требуют** «физических координат и проявляются по его желанию». Это **не помешало ей якобы отправить электронное письмо** мистическому горцу о конфиденциальных бизнес-планах. Представитель управления **сообщил**, что она была «**марионеткой в его руках**».

Анализируемый эвиденциальный дискурсивный контекст описывает административное правонарушение главы мумбайской биржи, а также реакцию на данное правонарушение со стороны управления по ценным бумагам и биржам Индии.

Косвенная непосредственная эвиденциальность высказываний автора новостного отрывка (C1) содержит описание позиции представителя управления (C2) и передается при помощи оператора усиления значимости высказывания *note – отмечать (to mention something because it is important or interesting¹ – упоминать о чем-либо потому что это важно или интересно)*, используемого для передачи основных деталей право-

нарушения, а также оператора явного указания *say – сообщать (to express an idea, feeling, thought etc using words² – выразить идею, чувство, мысль и т. д. посредством слов)*, представляющего отношение C2 к главе биржи (C3). В свою очередь, эвиденциальная семантика слов C3 актуализируется C1 при помощи оператора явного указания *describe – описывать (to say what something or someone is like by giving details about them³ – говорить о том, каким является кто-либо или что-либо, посредством предоставления деталей)*, характеризующего духовные черты йога Читры Рамкришны (C4), а также оператора явного указания *email – отправить электронное письмо (to send someone an email⁴ – отправить кому-либо электронное письмо)*, указывающего на способ взаимодействия C3 с C4.

Немаловажно, что в рамках данного дискурсивного контекста реализуются принципы синергетического взаимодополнения модусных смыслов, которые актуализируются посредством сочетания модели **Evs** с семантикой отрицания (D), экспрессивности (Ex), оценочности (Evl), эмотивности (Emt) и аппроксимации (Aprx), репрезентируя лингвосинергетическую модель **Evs + D + Ex + Evl + Emt + Aprx**. В частности, описанная выше семантика модели **Evs** содержит указание источника сведений (Ev), обозначение авторства высказывания (A) и непересечения C1 с субъектами коммуникации C2, C3 и C4 (Ps), отражает особенности интерпретации сведений субъектами коммуникации (Ap), а также временные рамки контекста (T).

Модель **Evs** дополняется D в промежуточной области развертывания дискурсивного контекста и выражается при помощи отрицательной частицы *not – не*, позволяющей предоставить дополнительные данные о C4, а также описать последовательность действий C3. Семантика Ex обнаруживается в маркере *spiritual powers – духовные силы* и может использоваться C1, чтобы продемонстрировать эффект воздействия C4 на C3. Значения Evl и Emt передаются с помощью показателя *puppet in one's hands – марионетка в чьих-либо руках*, который, с одной стороны, содержит оценку C2 личности и специфики поведения C3, а, с другой, отражает эмоциональное состояние C2. Наконец, Aprx проявляется в употреблении C1 лексического аппроксиматора *allegedly – якобы* и может свидетельствовать о нежелании C1 точно обозначить свое отношение к передаваемым сведениям их источнику.

Обращение C1 к такой сложной мультимодальной семантике осуществляется в рамках

¹ Longman Dictionary of Contemporary English. 2022, 24th March. URL: <http://www.ldoceonline.com/>

² Longman Dictionary of Contemporary English. 2022, 24th March. URL: <http://www.ldoceonline.com/>

³ Там же.

⁴ Там же.

реализации интенциональной доминанты новостного дискурса массмедиа, связанной с передачей автором фактической информации с минимальным искажением концептуального содержания сообщения, наряду с его стремлением оказать определенное воздействие на читателя (**O**), привлечь его внимание к описываемым событиям, в том числе, посредством интерпретации представляемых сведений. Применительно к данному эвиденциальному дискурсивному контексту мы также можем говорить о желании **C1** развлечь **O**, что также оказало влияние на специфику формируемой мультимодальной семантики.

Ограниченный объем настоящей статьи не позволяет представить анализ большого количества эвиденциальных контекстов. Рассмотренные выше новостные отрывки выступают примерами возможной мультимодальной семантики новостного медиадискурса.

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В ПРОСТРАНСТВЕ МАССМЕДИЙНОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

Как показал проведенный лингвосинергетический анализ, в рамках новостного массмедийного дискурса модусная категория «эвиденциальность» реализует принципы взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов в результате пересечения эвиденциальных операторов и показателей других модусных категорий в узловых точках, а также в рамках их взаимодополнения в промежуточной области развертывания эвиденциального дискурсивного контекста. В ходе исследования было проанализировано 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов, полученных методом сплошной выборки. Было установлено, что базовая эвиденциальная семантика – **Evs** (39,5 % примеров) может дополняться семантикой эмотивности – **Emt** (4,2 % примеров), экспрессивности – **Ex** (19,2 % примеров), персуазивности – **P** (5,4 % примеров), модальности –

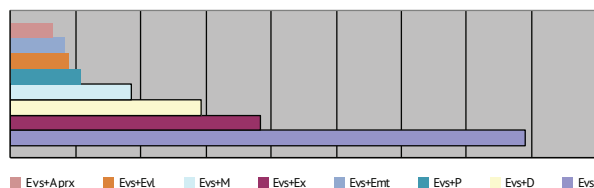

Диаграмма 1. Лингвосинергетические модели сцепления эвиденциальности и других модусных категорий

M (9,3 % примеров), оценочности – **Evl** (4,5 % примеров), аппроксимации – **Aprx** (3,3 % примеров) и отрицания – **D** (14,6 % примеров) и актуализироваться при помощи различных лингвосинергетических моделей сцепления. Приведенные данные представлены в диаграмме 1.

Из диаграммы следует, что в пространстве новостного дискурса массмедиа эвиденциальная семантика преимущественно представлена синергетическими моделями **Evs**, **Evs + Ex**, а также **Evs + D**, в то время как модели **Evs + Aprx** и **Evs + Emt** репрезентируются значительно реже. Подобное количественное разграничение лингвосинергетических моделей сцепления связано с интенциональной доминантой новостного массмедийного дискурса, обусловленной стремлением автора передать потенциальному читателю актуальные, оригинальные и востребованные сведения с помощью интерпретирования новостных отрывков. Лингвосинергетическая модель **Evs** является наиболее релевантной моделью для актуализации данной доминанты, поскольку консолидирует источник информации (**Ev**), автора сообщения (**A**), специфику пересечения / непересечения автора с субъектами анализируемого новостного отрывка, интерпретацию сведений субъектами коммуникации (**Ap**), а также временные рамки исследуемого эвиденциального дискурсивного контекста (**T**). Значительная представленность моделей **Evs + Ex** и **Evs + D** может объясняться желанием автора продемонстрировать важность передаваемых сведений, а также необходимостью достижения пространственной и социально-психологической общности с адресатом, в то время как персуазивная интенция, передача эмоционального состояния, обращение к семантике оценочности, а также указание на неточность / ирреальность сведений, не характерны для новостного массмедийного дискурса. Кроме того, особенности репрезентации мультимодальных лингвосинергетических моделей обусловлены характерной для английского коммуникативного поведения экспрессивностью, проявляющейся в частом использовании лексических выразительных средств с целью усиления содержания передаваемых сообщений, а также выделения и акцентирования внимания на той или иной информации [Стернин, Ларина, Стернина, 2003].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования были выявлены и описаны восемь моделей лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий в пространстве новостного дискурса массмедиа. Было установлено, что

мультимодальная семантика данного жанра дискурса связана с его нарратологическим характером, выражающемся в передаче информационных и информационно-аналитических сведений, представленных в жанрах новостной журналистики и объединяющим информационную и воздействующую функции. В рамках осуществления первой из функций автор часто ограничивается обращением к базовой эвиденциальной семантике, в то время как реализация второй может потребовать использования средств экспрессивности, эмотивности, модальности, оценочности, аппроксимации, персуазивности и отрицания. Подобное функциональное единство преобладающей информационной направленности и добавочного воздействующего потенциала в дискурсивном контексте превращает модусную категорию «эвиденциальность» в действенный инструмент управления читателем.

Немаловажно, что в пространстве новостного массмедийного дискурса обозначенные лингвосинергетические модели, а также репрезентируемые посредством данных моделей мультимодальные значения находятся в отношении интерференции, представляющей собой сложный способ контаминации автора и субъектов коммуникации. Очевидно, что данный жанр дискурса включает в себя переплетающиеся и взаимопроникающие высказывания, явившиеся результатом авторской интерпретации репрезентируемых сведений и их источника. При этом возникающая мультимодальная эвиденциальная семантика способствует формированию диалога автора с субъектами коммуникации и придает описываемым сведениям добавочные аксиологические смыслы, обуславливающие особенности восприятия и интерпретации информации адресатом / читателем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород: Белгород, 2016. С. 13–22.
2. Пантина О. А. Экспрессивная перспектива англоязычного новостного дискурса (на материале газетных текстов о природных катастрофах): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.
3. Ермакова Л. В. Аксиологичность дискурса СМИ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 3. С. 67–77.
4. Лунина Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 92–97.
5. Козловский Д. В. Особенности взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с категориями «авторизация» и «аппроксимация» в дискурсивном пространстве массмедиа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 4. С. 122–130.
6. Никонова Е. А. Реализация категории эвиденциальности в аналитической статье англоязычной качественной прессы // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 67–83.
7. Чепурная А. И. Эвиденциальная модализация высказывания в новостном дискурсе: функциональный аспект // Научный диалог. 2020. № 5. С. 158–170.
8. Nuckolls J., Michael L. Evidential strategies in interactional and socio-cultural context // Pragmatics and Society. 2012. Vol. 3. P. 181–188.
9. Söderqvist E. B. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English // Research in Corpus Linguistics, 2017. Vol. 5. P. 17–33.
10. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Либроком, 2011.
11. Dijk T. van. Discourse as structure and process. L.: Sage, 1997.
12. Иванова С. В. Новость как когнитивно-дискурсивное образование // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 81–85.
13. Тюпа В. И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 40–51.
14. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2003.

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya, T. G. (2016). Novostnoy diskurs kak ob'ekt medialingvisticheskogo analiza. Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya = News discourse as an object of media

- linguistic analysis (pp. 13–22). The discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education. Belgorod. (In Russ.)
2. Pantina, O. A. (2018). Ekspressivnaya perspektiva angloyazychnogo novostnogo diskursa (na materiale gazetnykh tekstov o prirodnykh katastrofakh) = Expressive perspective of the English news discourse (based on newspaper articles on nature disasters): abstract of PhD in Philology. St.Petersburg. (In Russ.)
 3. Ermakova, L. V. (2019). Axiological aspect of mass-media discourse. Theoretical and applied linguistics, 3, 67–77. (In Russ.)
 4. Lunina, T. P. (2020). Means of reported evidentiality expression in the Russian language. Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University, 5(148), 92–97. (In Russ.)
 5. Kozlovskiy, D. V. (2021). Different types of interaction of the modus category of evidentiality with authorization and approximation in the mass media discourse. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology, 4(27), 122–130. (In Russ.)
 6. Nikonova, E. A. (2022). Implementation of category of evidentiality in analytical article of English-language quality press. Nauchnyi dialog, 1(11), 67–83. (In Russ.)
 7. Chepurina A. I. (2020). Evidential modification of a statement in a news discourse: A functional aspect. Nauchnyi dialog, 5, 158–170. (In Russ.)
 8. Nuckolls, J., Michael, L. (2012). Evidential strategies in interactional and socio-cultural context. Pragmatics and Society, 3, 181–188.
 9. Söderqvist, E. B. (2017). Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English. Research in Corpus Linguistics, 5, 17–33.
 10. Borbot'ko, V. G. Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike = Principles of discourse formation: psycholinguistics and linguosynergetics. Moscow: Librokom, 150–152. (In Russ.)
 11. Dijk, T. Van. (1997). Discourse as structure and process. London: Sage.
 12. Ivanova, S. V. (2020). News as a cognitive discursive entity. Cognitive language studies, 2(41), 81–85. (In Russ.)
 13. Tyupa V. I. (2017). News discourse as narratological problem. New philological bulletin, 3(42), 40–51. (In Russ.)
 14. Sternin, I. A., Larina, T. V., Sternina, M. A. (2003). Ocherk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniya = Essay on English communicative behavior. Voronezh: VGU-MION.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козловский Дмитрий Валентинович

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация»
Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozlovsky Dmitriy Valentinovich

PhD (Philology), Associate Professor,
Assistant Professor at the Department of Translation Studies
and Intercultural Communication, Saratov Socio-Economic Institute,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья
УДК 81'276.3
DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_46

Гендерная «необъективность» при восприятии речевого доминирования

Л. Р. Комалова^{1,2}, А. С. Борцайкина³

¹Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, komalova@inion.ru

³Бюро переводов «Lingvo Service», Москва, Россия, a.bortsaykina@mail.ru

Аннотация. С опорой на социально-конструктивистский подход к описанию значения гендерного фактора в социальном взаимодействии в настоящем исследовании предпринимается попытка определить, насколько гендер сторонних наблюдателей влияет на восприятие речевого поведения коммуникантов. Статистически не удалось подтвердить, что гендер коммуникантов и гендер реципиентов выступает фактором, влияющим на оценку речевого поведения как доминирующего / подчиняющегося. Однако количественный анализ частично подтвердил, что при восприятии речевого поведения коммуникантов разнополюсные реципиенты указывают на различные коммуникативные приемы и языковые средства, позволяющие сделать вывод о доминировании или подчинении коммуникантов.

Ключевые слова: речевое доминирование, восприятие речевого доминирования, гендер, речевая коммуникация, перцептивный образ

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИНИОН РАН по теме: «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий».

Для цитирования: Комалова Л. Р., Борцайкина А. С. Гендерная «необъективность» при восприятии речевого доминирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 46–54. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_46

Original article

Gender Bias while Perceiving Speech Dominance

Liliya R. Komalova^{1,2}, Anastasiya S. Bortsaykina³

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, komalova@yandex.ru

³Translation Agency «Lingvo Service», Moscow, Russia, a.bortsaykina@mail.ru

Abstract. Based on the social constructivist gender theory the research attempts to reveal gender bias in bystanders' evaluations of interlocutors' speech behavior marked as conversational dominance or subordination. It was not statistically confirmed that interlocutors' and recipients' genders produce any shift in recipients' evaluations, but we partly confirmed that male and female recipients evaluate dominant and subordinate speech behavior based on various communicative techniques and language means.

Keywords: conversational dominance, perceived dominance, gender, speech communication, perceptual image

Acknowledgments: The research is carried out within the framework of the state assignment of the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», project «Linguacultural aspects of civilizational contradictions».

For citation: Komalova, L.R., Bortsaikina, A.S. (2022). Gender bias while perceiving speech dominance. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 46–54. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_46

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе много внимания уделяется вопросам гендерной идентичности. Гендерная повестка включена ООН в перечень целей в области устойчивого развития¹. На индивидуальном уровне гендер представляется одним из наиболее значимых признаков идентичности (атрибутов), которые структурируют взаимоотношения между людьми в рамках социального взаимодействия [Ridgeway, Smith-Lovin, 2006]. Ренессанс в исследовании гендера наблюдается с появлением широкого доступа в Интернет [Maximova, Lukyanova, 2020], который стал пространством для «гендерной эмансипации».

ГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, под гендером подразумеваются характеристики мужчин и женщин, которые являются социально приобретенными². Р. Луит утверждает, что гендер не является стабильным атрибутом индивида, но представляет собой социокультурный продукт – совокупность индивидуальных мнений, убеждений, представлений и опыта человека [Luut, 2015]. Гендерные ожидания различны в разных культурах и могут меняться со временем. М. А. Каратышова называет гендер категорией, описывающей «совокупность норм поведения, ассоциируемого с лицами мужского и женского пола в данном обществе» [Каратышова, 2015, с. 1]. О. Н. Шаповалова подчеркивает, что «различия в вербальном поведении мужчин и женщин не являются прямым следствием половой принадлежности общающихся, а, как правило, обусловлены взаимодействием таких факторов, как социальный статус, уровень образования, возраст, профессия, этническая принадлежность, индивидуальные особенности говорящих» [Шаповалова, 2016, с. 99].

Языковая картина мира формирует гендерные доминанты сознания, влияющие на восприятие

действительности. «Различие языковых картин мира мужчин и женщин влечет различия в их речевом поведении» [Каратышова, 2015, с. 1]. А. В. Киселева подчеркивает, что в социуме «существуют определенные гендерные стереотипы, модели поведения людей разного биологического пола в той или иной ситуации. Главной функцией гендерного стереотипа является отражение совокупности биологических признаков и социальных ролей, а также особенностей эмоционального поведения представителей двух полов в рамках определенной культуры и эпохи» [Киселева, 2016, с. 162].

В гендерной лингвистике исследователи оперируют следующими моделями (см., например [Munira, Hossain, Nessa, 2020]). Модель различия (difference / cultural approach) предполагает, что в коммуникации у мужчин и у женщин есть разные, но одинаково значимые роли, предписанные культурой, к которой принадлежат коммуниканты. В модели доминирования (dominance / power-based approach) фокус внимания направлен на репрезентацию доминирующей социальной позиции мужчины в процессе коммуникации. Согласно социально-конструктивистской теории (social constructivist gender theory), гендер является социальным конструктом, который по своей природе перформативен, т. е. в основе формирования гендера лежат не культурные предписания, а идентичность индивида.

Т. А. Ширяева и М. Л. Авакова констатируют, что традиционное мужское речевое поведение более категорично и эгоцентрично, его часто характеризуют как авторитарное [Ширяева, Авакова, 2018]. Для мужчин коммуникация является обменом информацией, за которым следует решение тех или иных проблем. М. А. Каратышова полагает, что мужское речевое поведение является более динамичным, но менее гибким, чем женское; оно характеризуется нежеланием вести разговор на бытовые темы, особенно если оба коммуниканта – мужчины [Каратышова, 2015].

Женскому (феминному) речевому поведению больше свойственна некатегоричность, адресность, ориентированность на собеседника, заинтересованность в продолжении разговора [Ширяева, Авакова, 2018]. Феминные высказывания больше ориентированы на собеседника, чем маскулинные,

¹См.: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/>

²См.: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/gender>

что проявляется, например, в использовании этикетных формул для установления и поддержания контакта. При этом женщины чаще принимают право собеседника на иную точку зрения, что наблюдается в снижении категоричности их высказываний. Женщины проявляют больше теплоты, дружелюбия, сострадания в межличностном общении, демонстрируя фокусировку внимания на людях, в то время как в речевом общении мужчины более холодны, более враждебны и больше ориентированы на объект коммуникации, нежели на коммуникантов [Women are warmer ... 2016].

Т. МакНамара замечает, что в группах, состоящих только из женщин, наблюдается равное участие всех собеседниц в разговоре, часто несколько реплик может произноситься одновременно; в группах мужчин наблюдается больше монологов и демонстрации своих знаний по какому-либо вопросу, что в женских группах встречается редко [McNamara, 2019]. В разговоре мужчины обычно не затрагивают личных тем, женщины в большей степени склонны говорить о людях и чувствах. Исследователь резюмирует, что целью феминной коммуникации является установление и поддержание хороших отношений, а маскулинной – обмен информацией [там же].

ДОМИНИРОВАНИЕ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г. Р. Германн утверждает, что *Homo sapiens* является самым агрессивным и склонным к доминированию видом среди позвоночных [Hermann, 2017].

По научному убеждению Х. Итакуры, повседневная коммуникация крайне редко является симметричной [Itakura, 2001]. П. Линэл и Т. Лакманн тоже указывают на то, что по своей природе речевой коммуникации присуща асимметрия [Linell, Luckmann, 1991]. В коммуникативной ситуации участники занимают коммуникативные позиции, которые определяются как «степень коммуникативной влиятельности, авторитетности говорящего по отношению к собеседнику» [Розенфельд, Стернин, 2018, с. 8]. Позиции могут изменяться или их можно сознательно изменить как в разных коммуникативных ситуациях, так и в пределах одной ситуации (усилить, защитить или ослабить).

В квантитативном залоге в речевой коммуникации доминирует тот, кто порождает больше речевого материала; тот, кто ограничивает права других коммуникантов, прерывая и перебивая их; тот, кто направляет и контролирует речевые действия других коммуникантов [Linell, Gustavsson, Juvonen, 1988]. Х. Итакура называет

третий тип доминирования наиболее значимым [Itakura, 2001].

Согласно Т. А. Ширияевой и М. Л. Аваковой, речевое доминирование эксплицируется наличием иллокутивно-вынуждающих высказываний, представленных вопросительными конструкциями, и определяется как соотношение количества реплик-реакций на количество реплик-стимулов [Ширияева, Авакова, 2018]. На реализацию стратегии доминирования влияют такие факторы, как энциклопедическая, языковая и интерактивная компетенции, а также коммуникативные тактики демонстрации осведомленности, интеллектуальных способностей, контроля темы коммуникации и инициативой. Согласно М. М. Кадар, отличительными тактиками доминирования являются критические замечания, демонстрация превосходства в знаниях или в социальном статусе, навязывание своей точки зрения, несогласие с собеседником, смена темы, а также умолчание и уклончивые ответы. Часто используется тактика намека, направленная на то, чтобы скрыть настоящее намерение коммуниканта так, чтобы оно было понято слушателем только после осуществления определенных когнитивных операций [Кадар, 2014].

В доминирующей позиции мужскому речевому поведению свойственны инициативность, эксплицитность, точность, терминологичность, перебивы, прерывание речи, смена темы, привлечение внимания, тенденция к высказыванию отрицательных оценок / эмоций [Каратышова, 2015]. Мужчины чаще иницируют коммуникативный акт, выбирают тему разговора; они также чаще перебивают женщин, несмотря на то, что у собеседников единый социальный и профессиональный статус, объясняя свое речевое поведение тем, что коммуникативный статус женщины оценивается ниже ее социального статуса [Шаповалова, 2016]. Эти тезисы подтверждаются в исследованиях зарубежных авторов (см., например: [Pakzadian, Tootkaboni, 2018]).

Женскому речевому поведению в доминирующей позиции свойственны намеренное огрубление речи, употребление стилистически сниженной лексики, оскорбительных ремарок и замечаний в адрес партнеров по коммуникации, обусловленных демонстрацией непринужденного общения, стремлением к доминированию и превосходству [Ширияева, Авакова, 2018]. Отмечается также, что показателем доминирования в женской речи является употребление вопросительных конструкций не в качестве средства поддержания беседы, а в качестве запроса информации.

МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследования является выявление предпочтений испытуемых (сторонних наблюдателей) в оценках речевого поведения коммуниканта, в ходе беседы занимающего доминирующую или подчиненную позицию.

Предпринимается попытка определить, насколько гендер сторонних наблюдателей влияет на оценку речевого поведения коммуниканта как доминирующего или подчиняющегося с учетом гендера коммуниканта.

Объектом исследования является доминирование как феномен речевого поведения. Предмет исследования – коммуникативные приемы доминирования, которые используют коммуниканты, а именно, способы демонстрации авторитета, выстраивания иерархии в коммуникации, подчеркивания социального статуса собеседников, ролевого соответствия сценарию коммуникативной ситуации.

Н1. Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что при восприятии коммуникации испытуемые будут чаще распознавать доминирование в речевом поведении коммуникантов противоположного с ними гендера (испытуемые женщины – коммуникантов мужчин, испытуемые мужчины – коммуникантов женщин).

Н2. Мы предполагаем, что испытуемые разного гендера при оценке речевого доминирования будут указывать на разный набор приемов и языковых средств, которые используют коммуниканты.

В качестве материала исследования были использованы аудиовизуальные образцы (эпизоды из кинофильмов советского и российского производства, события которых относятся к 1979–1989 гг.), презентующие коммуникативные ситуации, возникающие между мужчинами и женщинами,

находящимися в романтических, дружеских или профессиональных отношениях. В этих коммуникативных ситуациях прослеживается доминирование той или иной стороны.

В исследование в качестве стимульного материала были включены 20 образцов, в десяти из которых доминирующую позицию занимал мужчина, в десяти – женщина. Материал подавался на русском языке. Испытуемые могли воспроизводить его необходимое количество раз. Длительность одного образца варьировалась от 11 секунд до 1,5 минут.

В исследовании приняли участие 12 испытуемых (шесть женщин и шесть мужчин) в возрасте от 21 до 22 лет, носители русского языка, учащиеся вузов гуманитарного профиля.

Перед началом исследования все испытуемые ознакомились с процедурой и условиями проведения эксперимента и дали свое согласие на участие в исследовании.

В ходе исследования испытуемым предлагалось просмотреть и прослушать стимульный материал, для каждого образца ответить на вопросы и оценить ряд коммуникативных приемов и языковых средств (см. табл. 3–4).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доля случаев, в которых испытуемые верно определяли коммуникантов как доминирующего и подчиненного, составила 80 %.

Для проверки первой гипотезы (Н1) мы сгруппировали ответы испытуемых женщин и испытуемых мужчин с учетом оценки испытуемыми позиции коммуниканта (доминирует / подчиняется) и гендера коммуниканта (женщины / мужчины). В таблицах 1–2 представлены полученные результаты.

Таблица 1

ОЦЕНКА ИСПЫТУЕМЫМИ РЕЧЕВОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

Испытуемый женщина	Испытуемый мужчина	Испытуемый женщина	Испытуемый мужчина
Доминирует женщина		Доминирует мужчина	
1	4	4	3
5	5	5	5
6	5	4	3
2	3	4	2
6	6	2	2
4	5	6	6
3	4	4	4
5	5	3	6
5	5	5	5
5	4	2	5

Таблица 2

ОЦЕНКА ИСПЫТУЕМЫМИ РЕЧЕВОГО ПОДЧИНЕНИЯ

Испытуемый женщина	Испытуемый мужчина	Испытуемый женщина	Испытуемый мужчина
Подчиняется женщина		Подчиняется мужчина	
1	4	4	2
5	5	5	5
6	5	4	3
2	4	3	1
6	6	2	2
4	4	6	6
3	4	3	6
5	5	5	5
5	5	2	6
5	4	–	–

Таблица 3

ОЦЕНКА ИСПЫТУЕМЫМИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРИЕМОВ РЕЧЕВОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

Коммуникативные приемы и языковые средства	Испытуемый женщина	Испытуемый мужчина	Испытуемый женщина	Испытуемый мужчина
	Доминирует женщина		Доминирует мужчина	
Перебивание	3	6	6	7
Огрубление речи	5	8	10	8
Стилистически сниженная лексика	5	13	2	4
Оскорбительные замечания	8	29	5	6
Фамильярные обращения	15	23	17	17
Намеки	16	30	10	14
Высказывание несогласия с собеседником	17	26	19	23
Вопросительные конструкции	18	24	16	8
Повелительное наклонение	19	24	27	30
Монологизация речи	19	25	12	17
Навязывание своей точки зрения	21	22	24	24
Указания, приказы, распоряжения	24	29	28	30
Высказывание отрицательных оценок или эмоций	29	38	17	23
Критические замечания	29	45	20	20

ОЦЕНКА ИСПЫТУЕМЫМИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРИЕМОВ РЕЧЕВОГО ПОДЧИНЕНИЯ

Коммуникативные приемы и языковые средства	Испытуемый женщина	Испытуемый мужчина	Испытуемый женщина	Испытуемый мужчина
	Подчиняется женщина		Подчиняется мужчина	
Стилистически сниженная лексика	2	3	2	5
Высказывание отрицательных оценок или эмоций	3	5	4	4
Намеки	4	7	8	10
Критические замечания	8	4	5	11
Собеседник спрашивает разрешения	9	10	6	7
Высказывание несогласия с собеседником	14	9	13	14
Вопросительные конструкции	14	10	17	22
Высказывание согласия с собеседником	14	13	–	–
Огрубление речи	–	–	2	1
Оскорбительные замечания	–	–	2	3
Вопросительные конструкции	–	–	12	12

Полученные данные (см. табл. 1) указывают на то, что при оценке речевого доминирования испытуемые женщины чаще склонны приписывать доминирующую позицию коммуникантам мужчинам, а испытуемые мужчины – коммуникантам женщинам. Проверка с использованием критерия Манна-Уитни (U) не обнаружила статистически достоверных различий.

При оценке речевого поведения коммуникантов испытуемые женщины чаще склонны приписывать подчиняющуюся позицию коммуникантам мужчинам, а испытуемые мужчины – коммуникантам женщинам (см. табл. 2). Статистически достоверных различий не обнаружено.

По мнению испытуемых, в речевом поведении коммуникантов, занимающих доминирующую позицию, представлен весь репертуар коммуникативных приемов и языковых средств, который мы предложили в анкете (см. табл. 3).

Испытуемые женщины в качестве параметров оценки речевого доминирования коммуникантов женщин чаще (выше 30% случаев) исходили из употребления коммуникантами таких коммуникативных приемов и языковых средств, как критические замечания (48,3%), высказывание отрицательных оценок (48,3%), указания / приказы /

распоряжения (40%), навязывание своей точки зрения (35%), монологизацию речи (31,6%), повелительное наклонение (31,6%), вопросительные конструкции (30%); при оценке коммуникантов мужчин – критические замечания (46,6%), повелительное наклонение (45%), навязывание своей точки зрения (40%), критические замечания (33,3%), высказывание несогласия с собеседником (31,6%).

Испытуемые мужчины более подробно описывают коммуникативные приемы и языковые средства, на которые они опираются при оценке речевого поведения коммуникантов. При оценке речевого доминирования коммуникантов женщин испытуемые мужчины чаще (выше 36% случаев) опираются на достаточно широкий репертуар коммуникативных приемов: критические замечания (75%), высказывание отрицательных оценок (63,3%), намеки (50%), указания / приказы / распоряжения (48,3%), оскорбительные замечания (48,3%), высказывание несогласия с собеседником (43,3%), монологизацию речи (41,6%), повелительное наклонение (40%), вопросительные конструкции (40%), фамильярное обращение (38,3%), навязывание своей точки зрения (36,6%). При оценке коммуникантов мужчин этот репертуар значительно сокращается: указания / приказы /

распоряжения (50%), повелительное наклонение (50%), навязывание своей точки зрения (40%), высказывание отрицательных эмоций (38,3%), высказывание несогласия собеседнику (38,3%), критические замечания (33,3%).

Проверка полученных данных с использованием критерия Манна-Уитни (U) выявила статистически достоверные различия (при $p = 0,05$) при сопоставлении оценок женщин и мужчин по отношению к доминирующей в коммуникации женщине. Эти различия касаются веса параметров оценки: при восприятии доминирующей в речи женщины испытуемые женщины больше, чем мужчины, обращают внимание на параметр «навязывание своей точки зрения», мужчины – на параметры «намек», «оскорбительные замечания», «высказывание несогласия с собеседником», «фамильярные обращения».

В остальных случаях различия статистически не подтвердились.

По сравнению с описанием речевого доминирования в проведенном исследовании речевое подчинение испытуемыми параметризуется с затруднением (см. табл. 4): только для параметра «вопросительные конструкции» при оценке испытуемыми мужчинами коммуникантов мужчин доля оценок составила 36,6%. Все остальные параметры представлены менее, чем 28,3% случаев.

При оценке речевого подчинения женщин отсутствовали такие параметры, как огрубление речи, оскорбительные замечания, вопросительные конструкции; при описании речевого подчинения мужчин отсутствовал параметр «высказывание согласия с собеседником».

Проверка полученных данных с использованием критерия Манна-Уитни (U) не выявила статистически достоверных различий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках проведенного исследования мы опирались на социально-конструктивистский подход к описанию значения гендерного фактора в социальном взаимодействии, в частности на уровне межличностной коммуникации. В фокусе внимания находилось не речевое поведение коммуникантов, а то, как сторонние наблюдатели (испытуемые мужчины и женщины) его воспринимают. Нас интересовал ответ на вопрос о том, влияет ли гендер коммуникантов и гендер реципиентов на оценку речевого поведения как доминирующего / подчиняющегося.

И хотя при работе с абсолютными значениями параметров прослеживаются тенденции, подтверждающие первую гипотезу, статистически ее подтвердить не удалось. Остается заключить, что

на основе полученных результатов гендер коммуникантов и гендер реципиентов не выступает фактором, влияющим на оценку речевого поведения как доминирующего / подчиняющегося.

Вторая гипотеза отчасти нашла статистическое подтверждение в отношении веса ряда параметров при оценке коммуникантов женщин, в остальных случаях мужчины и женщины при восприятии речевого поведения мужчин и женщин, характеризуемого как доминирующее / подчиненное, опираются на схожие коммуникативные приемы и языковые средства. Наряду с этим следует обратить внимание на ряд уточнений, которые удалось выявить дополнительно.

1. Речевое доминирование необходимо изучать в комплексе с речевым подчинением, что позволяет проверить устойчивость оценок, на основе которых испытуемые характеризуют речевое поведение как доминирующее. Комплексное рассмотрение речевого доминирования и речевого подчинения дополнит картину коммуникативного взаимодействия до целостного представления, так как в отсутствии подчинения в принципе неверно говорить о доминировании. Возможно, на основе исследования пары «доминирование – подчинение» удастся четче определить такие понятия, как «доминирование (dominance)» и «сила / власть» (power), в отношении которых ведется полемика: с одной стороны, предполагается, что доминирование означает применение силы / проявление власти, с другой стороны, доминирование не является прямым свидетельством применения силы / проявления власти.

2. Речевое подчинение требует более пристального изучения с целью уточнения параметров его описания. На основе проведенного исследования можно зафиксировать, что само явление (по сравнению с речевым доминированием) испытуемыми рефлексировалось нечетко (много случаев отсутствия хотя бы какого-то описания в предложенных параметрах или высказанных предложений по параметризации речевого подчинения). Несмотря на то, что в параметре «другое» для речевого подчинения было представлено значительно больше предложений, неединичные оценки составляют незначительную долю.

3. Примечательно, что при оценке коммуникативных приемов и языковых средств испытуемые мужчины намного подробнее, чем испытуемые женщины, описывали речевое поведение коммуникантов, особенно четко данная специфика восприятия проявилась при оценке коммуниканта женщины, занимающей доминирующую позицию.

Полученные результаты являются вкладом в социолингвистику, в частности в гендерную

лингвистику. Они будут интересны в практической деятельности специалистов по международным отношениям (в плане организации и проведения переговоров), отчасти в судебной практике (в работе с присяжными), в деятельности социальных

работников и практикующих психологов (при работе с конфликтными ситуациями).

Дальнейшие исследования в описанном дизайне следует проводить с учетом сформулированных уточнений, привлекая большую группу испытуемых на еще более однородном стимульном материале.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ridgeway C. L., Smith-Lovin L. Gender and interaction // Handbook of the sociology of gender. Springer, 2006. P. 247–274.
2. Maximova O. B., Lukyanova G. O. Gender differences online: self-representation and involvement in political communication on Facebook // Heliyon. 2020. Vol. 6. P. e05613.
3. Luyt R. Beyond traditional understanding of gender measurement: the gender (re)presentation approach // Journal of Gender Studies. 2015. Vol. 24 (2). P. 207–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/09589236.2013.824378>
4. Каратышова М. А. Репрезентация мужского доминирования в речевом поведении // Концепт. 2015. № 26 Спецвыпуск. URL: <https://e-koncept.ru/2015/75350.htm>
5. Шаповалова О. Н. Роль гендерного фактора в процессе речевого воздействия // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 99–106.
6. Киселева А. В. Специфика маскулинного коммуникативного поведения в ситуациях изменения социального статуса // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. С. 162–165.
7. Munira S., Hossain A., Nessa M. Gender and sex based differences in lexical directions: a study on language theories // Advances in Applied Sociology. 2020. Vol. 10. P. 93–102. DOI: <https://doi.org/10.4236/aasoci.2020.104007>
8. Ширяева Т. А., Авакова М. Л. Гендерный аспект коммуникативного доминирования (на материале англоязычного дискурса интервью) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 54–60.
9. Кадар М. М. Намеки в речевой стратегии доминирования // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 348–351.
10. Pakzadian M., Tootkaboni A. A. The role of gender in conversational dominance: a study of EFL learners // Cogent Education. 2018. Vol. 5. P. 1560602. DOI: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2018.1560602>
11. Women are warmer but no less assertive than men: gender and language on Facebook / Park G., Yaden D. B., Schwartz H. A., Kern M. L., Eichstaedt J. C., Kosinski M., Stillwell D., Ungar L. H., Seligman M. E. P. // PLoS ONE. 2016. No. 11 (5). P. e0155885. DOI: [10.1371/journal.pone.0155885](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0155885)
12. McNamara T. Language and subjectivity. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
13. Hermann H. R. Dominance and aggression in humans and other animals. Elsevier, 2017.
14. Itakura H. Describing conversational dominance // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 33. P. 1859–1880.
15. Linell P., Luckmann T. Asymmetries in dialogue: some conceptual preliminaries // Asymmetries in dialogue. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 1–20.
16. Розенфельд М. Я., Стернин И. А. Речевое воздействие. Практикум. Воронеж: РИТМ, 2018.
17. Linell P., Gustavsson L., Juvonen P. Interactional dominance in dyadic communication: a presentation of initiative-response analysis // Linguistics. 1988. Vol. 26. P. 415–442. DOI: [10.1515/ling.1988.26.3.415](https://doi.org/10.1515/ling.1988.26.3.415)

REFERENCES

1. Ridgeway, C. L., Smith-Lovin, L. (2006). Gender and interaction. Handbook of the sociology of gender (pp. 247–274). Springer.
2. Maximova, O. B., Lukyanova, G. O. (2020). Gender differences online: self-representation and involvement in political communication on Facebook. Heliyon, 6, e05613.
3. Luyt, R. (2015). Beyond traditional understanding of gender measurement: the gender (re)presentation approach. Journal of Gender Studies, 2(24), 207–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/09589236.2013.824378>
4. Karatishova, M. (2015). Representation of male dominance in speech behavior. Koncept, 26. <https://e-koncept.ru/2015/75350.htm> (In Russ.).

5. Shapovalova, O. N. (2016). Rol' gendernogo faktora v processe rechevogo vozdejstviya = Problemy sovremennoj lingvistiki v kontekste antropocentrizma (pp. 99–106). Saratov: Saratov State Social and Economical University. (In Russ.)
6. Kiseleva, A. V. (2016). Specifika maskulinogo komunikativnogo povedeniya v situacijah izmeneniya social'nogo statusa = Communicative behaviour of people with high social status with is tending to get lower (analysis of American films). Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya, 12, 162–165. (In Russ.)
7. Munira, S., Hossain, A., Nessa, M. (2020). Gender and sex based differences in lexical directions: a study on language theories. Advances in Applied Sociology, 10, 93–102. <https://doi.org/10.4236/aasoci.2020.104007>
8. Shiryayeva, T. A., Avakova, M. L. (2018). Gender aspect of communicative dominance (of the English-language interview discourse). Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 3(31), 54–60. (In Russ.)
9. Kadar, M. M. (2014). Hints in the strategy of domination. The Bryansk State University Herald, 2, 348–351. (In Russ.)
10. Pakzadian, M., Tootkaboni, A. A. (2018). The role of gender in conversational dominance: a study of EFL learners. Cogent Education, 5, 1560602. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2018.1560602>
11. Park, G., Yaden, D. B., Schwartz, H. A., Kern, M. L., Eichstaedt, J. C., Kosinski, M., Stillwell, D., Ungar, L. H., Seligman, M. E. P. (2016). Women are warmer but no less assertive than men: gender and language on Facebook. PLoS ONE, 11(5), e0155885. [10.1371/journal.pone.0155885](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0155885)
12. McNamara, T. (2019). Language and subjectivity. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Hermann, H. R. (2017). Dominance and aggression in humans and other animals. Elsevier.
14. Itakura, H. (2001). Describing conversational dominance. Journal of Pragmatics, 33, 1859–1880.
15. Linell, P., Luckmann, T. (1991). Asymmetries in dialogue: some conceptual preliminaries. Asymmetries in dialogue. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1–20.
16. Rozenfeld, M. Ya, Sternin, I. A. (2018). Rechevoje vozdejstviye = Speech Impact. Voronezh: Ritm. (In Russ.)
17. Linell, P., Gustavsson, L., Juvonen, P. (1988). Interactional dominance in dyadic communication: a presentation of initiative-response analysis. Linguistics, 26, 415–442. DOI: 10.1515/ling.1988.26.3.415

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комалова Лилия Ряшитовна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания
Института научной информации по общественным наукам РАН,
профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Борцайкина Анастасия Сергеевна

переводчик, бюро переводов «Lingvo Service»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Komalova Liliya Ryashitovna

Doctor of Science in Linguistics, Leading Research Fellow at the Department of Linguistics,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Professor at the Chair at the Department of Applied and Experimental Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Bortsaikina Anastasiya Sergeevna

Translator, Translation Agency «Lingvo Service»

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья

УДК 81-133, 81-37, 81-42

DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_55

Методика семиотического анализа этнокультурного бренда (на материале наименований популярных японских брендов)

А. Д. Левшиц^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

levshits-ad@rudn.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка разработки авторской методики семиотического анализа этнокультурного бренда для выявления и систематизации вербальных, невербальных и визуальных средств, используемых при его формировании, способствующих его продвижению и популяризации в коммуникативно-дискурсивном пространстве. Особое внимание уделяется социолингвистическим параметрам, необходимым для установления специфики этнокультурного компонента, используемого в корпусе текстов маркетинговой направленности. Иллюстративным материалом исследования выступают популярные японские бренды, являющиеся значимыми для представителей различных лингвокультур.

Ключевые слова: этнокультурный бренд, социолингвистические параметры, глокализация, Япония, гендер, лингвистический ландшафт, семиотика, семиотический анализ

Для цитирования: Левшиц А. Д. Методика семиотического анализа этнокультурного бренда (на материале наименований популярных японских брендов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 55–60. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_55

Original article

Methods of Semiotic Analysis in Ethnocultural Branding (based on popular Japanese brandnames)

Anna D. Levshits^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²RUDN University, Moscow, Russia

levshits-ad@rudn.ru

Abstract. This article presents the author's semiotic analysis methods of ethnocultural brands to identify and systematize verbal, non-verbal and visual components used in their formation, contributing to its promotion and popularization in communicative and discursive types of space. The focus is on the dimensions of sociolinguistics important to establish the specific nature of brands' ethnocultural component. The research material contains popular Japanese brands significant for various linguistic cultures.

Keywords: ethnocultural brand, dimensions of sociolinguistics, glocalization, Japan, gender, linguistic landscape, semiotics, semiotic analysis

For citation: Levshits, A. D. (2022). Methods of semiotic analysis in ethnocultural branding (based on popular Japanese brandnames). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5 (860), 55–60. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_55

ВВЕДЕНИЕ

В проводимом нами исследовании особенностей построения и функционирования этнокультурного бренда мы опираемся на социолингвистические теории отечественных и зарубежных ученых, полагая необходимым уделять внимание целому ряду факторов, в том числе лингвострановедческому, этнопсихологическому, культурно-историческому, гендерному и другим. При анализе эмпирического материала учитываются результаты теоретико-практических изысканий маркетинговой семиотики Л. Освальд. По сложившемуся убеждению большинства отечественных и зарубежных исследователей, бренд является значимым символом, который потенциальный потребитель готов интегрировать в свою предметно-практическую и иные виды деятельности (см. труды Д. Огилви, Д. А. Аакера, Дж. Барнетта, С. Мориарти, Ф. Котлера, К. Л. Келлера и др.). В контексте феномена этнокультурного бренда нам представляется целесообразным применить методы семиотики, позволяющие выявить лингвистические средства, порождающие коммуникативно-прагматический эффект и стимулирующие потребителя к приобретению товара или услуги.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО БРЕНДА

Согласно Е. Д. Поливанову, «для того, чтобы языкознание было адекватно своему объекту изучения, оно должно быть наукой социологической» [Поливанов, 1968, с. 182]. По этой причине нам представляется важным при характеристике этнокультурного бренда учитывать социолингвистические параметры. В нашем исследовании мы опираемся на типологию социолингвистических параметров У. Брайта, включающую в себя семь основных параметров: *социальная принадлежность отправителя и социальная принадлежность получателя, обстановка, «народная лингвистика», синхронические и диахронические исследования социолингвистики, масштабы разнообразия и применение* [Брайт, 1975, с. 35–38]. По результатам наших эмпирических исследований считаем необходимым дополнить представленную классификацию интегрирующим параметром *гендера*, призванным играть одну из ключевых ролей при формировании этнокультурного бренда [см. Левшиц, 2021].

В подтверждение тезиса об уникальных особенностях этнокультурного бренда и его принципиального отличия от других видов брендов, например, согласно классификации Г. Л. Тульчинского, от брендов продукта, услуги, персоналии,

компании и мероприятия и т. п. [см. Тульчинский, 2013], приведем следующую цитату: «В контексте социокультурного развития территорий этнокультурное брендинг выступает как мультипликатор развития региона и инструмент повышения конкурентоспособности локации» [Горлова, Бычкова, Костина, 2019, с. 4]. Подобные научные взгляды также разделяет А. П. Панкрухин, который полагает, что «региональный культурный бренд – это инструмент маркетинга территорий, который ориентирован как на местное население с целью формирования у него чувства этнического единства патриотизма, так и на внешних потребителей с целью привлечения людей, ресурсов и заказов, которые необходимы региону для его развития» [Панкрухин, 2006, с. 197].

В свете сказанного полагаем, что для более детального изучения этнокультурного бренда целесообразно обратиться к понятию «глокализация», расширяющему понимание типологии социолингвистических параметров У. Брайта. Термин «глокализация» (globalization + localization) впервые употребляется в трудах американского социолога Р. Робертсона, специалиста в области Японии, обнаружившего схожее понятие в японском языке: термин *土着化* (*доत्याкуа*; *доत्याку* – местное происхождение, *-ка* – суффикс со значением «придавать качество, приводить к результату»). Данный термин используется специалистами по маркетингу для обозначения *глобального* распространения и востребованности японской (*локальной*) продукции, а значит, их соответствия вкусам и интересам представителей иных лингвокультур. Р. Робертсон обозначает глокализацию как «построение локальной и глобальной идентичности и возникающую между ними диалектику» [Robertson, 1995, с. 28]. Вслед за зарубежными учеными И. Н. Пронина отмечает адаптацию глобальных форм к местным ресурсам, традициям, природным и прочим особенностям в процессе глокализации [Пронина, 2010]. Опираясь на исследования А. Р. Исмагиловой, М. И. Солнышкиной и О. Г. Палутиной мы утверждаем, что явление глокализации следует рассматривать как некую культурную реакцию на глобализацию, сопровождающуюся характерным интересом к самобытным локальным отличиям, их сохранению и усилению [Исмагилова, Солнышкина, Палутин, 2020]. Также согласимся с Х. Хондкером, который пишет, что распределение и продвижение продукции в глобальном масштабе должно учитывать географические, социальные, антропологические и культурные различия между отдельными регионами [Khondker, 2004].

Применительно к анализируемому нами эмпирическому материалу речь идет, прежде всего,

о сохранении, усилении и в некотором смысле насаждении регионального колорита, что также соответствует содержанию понятия *локусного брендинга* (см. труды П. Б. Паршина), а также глубинному изучению лингвистических ландшафтов (言語景觀; *гэнго кэйкан*), в т. ч. локальных рекламных вывесок, заголовков, объявлений, надписей на упаковке товара и в витринах магазина и т. п.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО БРЕНДА В РУСЛЕ ТЕОРИЙ МАРКЕТИНГОВОЙ СЕМИОТИКИ (Л. Освальд)

Семиотический анализ как метод исследования с помощью символического содержания корпуса текстов маркетинговой направленности находит свое применение в научных и научно-прикладных сферах, в том числе при изучении архитектурных объектов мифологических дискурсов, социальных институтов, онтологической структуры права, танцев, ритуалов и пр. (см. труды Ю. А. Гевленко, М. С. Куран, Н. В. Лукашовой, А. Г. Туманика, С. М. Арутюняна и др.).

Анализ сложных феноменов, к которым следует причислить этнокультурный бренд, предполагает, по нашему мнению, разработку собственной методики семиотического анализа. Исходя из теории маркетинговой семиотики Л. Освальд, утверждающей, что бренд является «знаковой системой, которую потребители ассоциируют с конкретными названиями, логотипами, цветами, тенденциями популярной культуры и пр.» [Oswald, 2015, с. 11–12], наиболее существенными становятся следующие характеристики и способы выражения:

- анализ вербальных сигналов (информация, которую мы видим и слышим);
- анализ визуальных сигналов (информация, которую мы видим);
- анализ символических сообщений (интерпретация увиденной информации).

Для иллюстрации вышеописанного рассмотрим популярный японский автомобильный бренд Toyota (トヨタ), основанный в 1937 г., применяя предлагаемую нами методику семиотического анализа этнокультурного бренда.

Название бренда происходит от фамилии основателя данного бренда Тоёда Сакити (豊田佐吉) и намеренно изменено для отделения семейной истории от бизнеса.

Вербальные сигналы

Россия. Рекламный ролик модели кроссовера Toyota RAV4 «Запредельный Toyota RAV4». История о готовности к ситуациям любой сложности

с помощью надежного и технически безупречного автомобиля (см. рис. 1):

Рис.1. QR-код, содержащий ссылку на рекламный ролик, транслируемый в России

Япония. Рекламный ролик к Олимпиаде 2020 г. «Start Your Impossible. Touch»: мальчик путешествует по Токио, «оживляя» игрушечные машинки фирмы Toyota и «превращая» обычные автомобили в высокотехнологичные (см. рис. 2):

Рис.2. QR-код, содержащий ссылку на рекламный ролик, транслируемый в Японии

Европейские страны. Рекламный ролик гибридного автомобиля Toyota Yaris. Слоган кампании: «Если у тебя есть энергия продолжать, зачем останавливаться?» / «When you have the energy to keep going, why stop?» (см. рис. 3):

Рис.3. QR-код, содержащий ссылку на рекламный ролик, транслируемый в европейских странах

Визуальные сигналы

Логотип: пересечение трех овалов и название компании, размещенное ниже (см. рис. 4)

Рис.4. Актуальный логотип компании Toyota

Цвет: серый / серебристый, красный

Слоган:

- Россия: «Управляй мечтой» (до 2013 г.), «Стремиться к лучшему» (с 2013 г.);
- Япония: «Drive Your Dreams» (2000 – 2013 гг.), «Fun to Drive, Again» (2013 – 2017 гг.), «Toyota Next One» (2014–2015 гг.), «The World is One» (2015–2017 гг.), «Start Your Impossible» (с 2017 г.);
- Европейские страны: «The Car in Front is a Toyota» (до 2004 г.), «Today, Tomorrow, Toyota» (2004–2011 гг.), «Always A Better Way» (с 2011 г.).

Символические сообщения:**Варианты трактовки логотипа:**

- вертикальный овал – игольное ушко, полуовал – продетая в него нить (отсылка к изначальному виду деятельности – производству ткацкого оборудования);
- два малых овала образуют заглавную букву названия – «Т»;
- овалы символизируют земной шар;
- овалы символизируют рулевое колесо;
- в логотипе зашифровано название компании (см. рис. 5):

Рис.5. Логотип компании Toyota с зашифрованным в нем названием компании

Приведенный выше иллюстративный пример подтверждает целесообразность применения нашего исследовательского подхода к использованию семиотических методов в анализе брендов с целью выявления кодов и символов, необходимых для построения этнокультурного бренда. Употребление понятия «маркетинговой семиотики» Л. Освальд обусловлено тем, что лингвистический анализ этнокультурного бренда требует учета социолингвистических параметров, включая кросс-культурное потребительское поведение, специфику публичного пространства, особенности профессиональных стратегий и семиотических технологий брендинга.

ОБОБЩЕННЫЕ ЭТАПЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО БРЕНДА

Подводя итог вышесказанному, обозначим тезисно каждый этап разработанной нами методики семиотического анализа.

Визуальные сигналы представляют собой разнообразные параграфемные элементы, призванные создать у потенциального потребителя ряд устойчивых ассоциаций с традиционной культурой, эстетикой и ценностями посредством имитации каллиграфического начертания, а также обладающие высоким художественным смыслом. Одним из важнейших и информативных визуальных сигналов является цветовой код, который в японской культуре, согласно толкованию А. С. Шиманской, помогает не только «лучше понимать культуру, историю, язык и менталитет, но и выстраивать личные или деловые отношения с представителями этой культуры» [Шиманская, 2020, с. 4].

Вербальные сигналы, используемые в рекламных кампаниях японских брендов, апеллируют к традиционным устоям и ценностным ориентирам японского общества благодаря усилению эмоциональной окраски с помощью использования форм мужской и женской речи, употреблению уважительных форм, игровых элементов, диалектизмов, благодаря смешению единиц японского языка и заимствованных слов в рекламных текстах, а также благодаря высмеиванию культурных стереотипов.

Символические сигналы, используемые в рекламных кампаниях японских брендов, легко интерпретируются представителями иных лингвокультур, поскольку их концепции построены на этнокультурных символах, совпадающих с традиционными базовыми ценностями, принятыми в обществе.

Этнокультурный бренд представляет собой многослойный конструкт, существующий только в результате систематического взаимодействия цветового, вербального, лингвострановедческого и других семиотических факторов (см.: [Левшиц, 2021]). В построении иных типов брендов выделенные нами слои, а также интегрирующий гендерный фактор отсутствуют, несмотря на использование одних и тех же семиотически обусловленных сигналов: визуальных, вербальных и символических.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разрабатываемая нами комплексная методика семиотического анализа этнокультурных брендов опирается на подход Л. Освальд, дополненный данными из типологии социолингвистических параметров У.Брайта и интегрирующим гендерным фактором, способствующим формированию структурно-образующих отношений в обществе, включающих в себя разнообразные дифференциации.

В ходе проведенного анализа эмпирического материала нами установлено, что бренд представляет собой сложную матрицу ключевых элементов:

ассоциативно-визуальных, структурных, символических, контекстно зависимых, популистских и др.

Таким образом, выявленные нами закономерности конструирования этнокультурного бренда

способствуют усилению его идентичности и ценности благодаря ярко выраженным символам и образам, несущим определенные сигналы и формирующим определенную репутацию у потребителя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.
2. Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. 1975. Вып. VII (Социолингвистика). С. 34–41.
3. Левшиц А. Д. Функции социолингвистических параметров в этнокультурном брендинге (на материале наименований японских брендов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 166–180. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_166
4. Тульчинский Г. Л. Total branding: мифодизайн постинформационного общества. СПб.: Национальный-исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013.
5. Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. Особенности продвижения этнокультурных брендов в контексте формирования и реализации потенциала территориальных музеев // Культурное наследие России. 2019. Вып. 3. С. 3–12.
6. Панкрукхин А. П. Маркетинг территорий. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006.
7. Robertson R. Global Modernities. L.: SAGE Publications, 1995.
8. Пронина И. Н. От вещи к бренду: символические практики потребления как поиск идентичности // Регионоведение. 2010. Вып. 4. С. 184–191.
9. Исмагилова А. Р., Солнышкина М. И., Палутина О. Г. Влияние глобализации на формирование лингвистического ландшафта // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14 (3). С. 361–366. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-3-361-366.
10. Khondker H. H. Globalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept // Bangladesh e-journal of Sociology. 2004. Vol. 1 (2). P. 1–9.
11. Oswald L. R. Creating Value. The Theory and Practice of marketing Semiotics research. N.Y.: Oxford University Press, 2015.
12. Шиманская А. С. Цветовой код японской культуры. М.: ВКН, 2020.

REFERENCES

1. Polivanov, E. D. (1968). Stat'i po obshchemu yazykoznaniiu = Articles on general linguistics. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Bright, U. (1975) Introduction: the dimensions of sociolinguistics. New in linguistics, VII (Sociolinguistics), 34–41. (In Russ.)
3. Levshits, A. D. (2021). Functions of sociolinguistic dimensions in ethnocultural branding (based on Japanese brandnames). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 166–180. 10.52070/2542-2197_2021_13_855_166 (In Russ.)
4. Tulchinskii, G. L. (2013). Total branding: mifodizajn postinformacionnogo obshchestva. kul'ture = Total branding: mythodesign of postinformational society. St.Petersburg: National Research University "Higher School of Economics". (In Russ.)
5. Gorlova, I. I., Bychkova, O. I., Kostina, N. A. (2019). Features of promotion of ethnocultural brands in the context of formation and realization of the potential of territorial museums. Cultural Heritage of Russia, 3, 3–12. (In Russ.)
6. Pankrukhin, A. P. (2006). Marketing territorij = Territorial marketing. 2nd ed. St.Petersburg: Piter Publishing House. (In Russ.)
7. Robertson, R. (1995). Global modernities. London: SAGE Publications.
8. Pronina, I. N. (2010). From thing to brand: symbolic consumption practices as search for identity. Russian Journal of Regional Studies (Regionology), 4, 184–191. (in Russ.)
9. Ismagilova, A. R., Solnyshkina, M. I., Palutina, O. G. (2020) The influence of globalization on the linguistic landscape. Vestnik of the Mari State University. Vol. 14 (3), 361–366. 10.30914/2072-6783-2020-14-3-361-366. (In Russ.)

10. Khondker, H. H. (2004). Globalization as Globalization: evolution of a sociological concept. Bangladesh e-journal of Sociology, 1(2), 1–9.
11. Oswald, L. R. (2015). Creating value. The theory and practice of marketing semiotics research. New York: Oxford University Press.
12. Shimanskaya, A. S. (2020). Cvetovoj kod yaponskoj kul'tury = Colour code in Japanese culture. Moscow: VKN Publishing House. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левшиц Анна Дмитриевна

соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета,
старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета
Российского университета дружбы народов

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Levshits Anna Dmitrievna

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University,
Senior Lecturer of the Foreign Languages Department,
Faculty of Philology, RUDN University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Проблема понимания метафор

Г. Р. Мамедли

*Азербайджанский университет языков, Баку, Азербайджан
aliyevagulshan@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящается проблеме выявления и понимания метафор. Анализируется современный метод определения метафор и рассматриваются проблемы, возникающие при его применении. Современный и традиционный подходы к метафоре анализируются в сопоставлении. Особое внимание уделяется поэтической метафоре, ее стилистическим и когнитивным особенностям. Исследование показывает, что изучение поэтических метафор должно включать и бытовые метафоры.

Ключевые слова: концептуальная метафора, переносное значение, язык и мышление, идентификация метафоры, понимание метафор

Для цитирования: Мамедли Г. Р. Проблема понимания метафор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 61–67. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_61

Original article

The Problem of Understanding Metaphors

Gulshan R. Mammadli

*Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan
aliyevagulshan@gmail.com*

Abstract. The article deals with the problem of identification and understanding of metaphors, with special attention paid to the poetic metaphor, its stylistic and cognitive peculiarities. The contemporary method for identification of the metaphors is explained, and the problems related to this method are examined. The analysis of the modern and conventional approaches to metaphor are conducted by the help of the methods of comparison and contrast. The study shows the exploration of poetic metaphors should also involve everyday metaphors.

Keywords: conceptual metaphor, figurative meaning, language and mind, metaphor identification, understanding metaphor

For citation: Mammadli, G. R. (2022). The problem of understanding metaphors. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 61–67. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_61

ВВЕДЕНИЕ

В основе главных теорий, посвященных изучению метафоры, лежит природа образного языка. Современные исследования употребления метафор в художественных текстах, еще раз доказывают, что эта тема привлекает внимание и интерес гуманитариев. Различные методы использовались для исследования связи метафор со структурой текста; для выявления, какие познавательные и эстетические процессы стимулируют метафоры; для изучения влияния метафор на понимание читателем поэтического текста, а также для уточнения информации, которую дает читателям использование стилистических приемов в литературном языке, об авторе и о периоде написания конкретного произведения.

Дж. Лакофф и М. Тёрнер выступают против оценки метафор, используемых в художественных текстах, как отдельной категории от метафор повседневной речи. Они отмечают, что новые метафоры легче и точнее воспринимаются за счет уже знакомых читателю метафор, и связывают использование писателем таких новых метафор с его высокими познавательными способностями и мастерством [Lakoff, Turner, 1989].

К. Харченко обосновывает двусторонность художественных текстов, выделяя в них содержательную (семантическую) и коннотативную (эмотивную) составляющие. Он отмечает, что текст, который насыщен большим количеством метафор, ярче демонстрирует коннотативную составляющую [Харченко, 1991].

В статье подчеркивается специфика концептуальных метафор как единиц языка и мышления, а также рассматриваются основные трудности, с которыми мы сталкиваемся при их определении и понимании.

МЕТАФОРА КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Метафора – неотъемлемый элемент языка, а также ключевая часть нашего воображения. В поэзии, как и во всех видах искусства, автор может установить связь между двумя различными понятиями, то есть употребить метафорическое сравнение. Характерным примером метафорического сравнения является известная фраза из комедии Уильяма Шекспира «Как вам это понравится»: «All the world's a stage, and all the men and women merely players» («Весь мир – театр, а все мужчины и женщины в нем – только актеры») [Shakespeare, 2019, с. 83]. Эта классическая метафора имеет простую и ясную структуру, но при этом очень поэтична и образна. Аристотель, один из первых,

кто упомянул метафору в своих трудах. В «Поэтике» он поясняет термин «метафора» и определяет его так: «Метафора – это называние одного предмета именем другого» [Aristotle, 1940, с. 56]. Аристотель считает, что все метафоры строятся по формуле этого определения.

В классических теориях языка метафора рассматривалась не как феномен мышления, а лишь как языковой феномен, как новая и поэтическая языковая единица, состоящая из различных механизмов вне обыденного языка. Под словом метафора понималось использование одного или нескольких слов для выражения сходных понятий, отличающихся от их традиционных значений. Лингвистов, проводивших экспериментальные исследования, больше интересовала закономерность создания поэтических метафор, нежели сложность их определения. Однако роль концептуальных метафор, используемых в поэтических текстах, оставалась нераскрытой и неизученной.

Разработка первой современной теории, рассматривающей метафору как часть языка и мышления, связана с именем М. Редди. Вопреки традиционной точке зрения, он утверждал, что большинство выражений, используемых в английском языке в повседневной жизни, метафоричны и определяют наше поведение, исходя из наших самых обычных представлений о мире. М. Редди пытался доказать свою теорию на основе различных примеров и анализов, идя дальше ученых, проводивших исследования в этой области и имевших сходные взгляды [Reddy, 1993].

В отличие от традиционных теорий концептуальная теория, которая возникла и развивалась в конце прошлого века под руководством Дж. Лакоффа и М. Джонсона и стала еще более популярной после публикации их совместной работы «Metaphors we live by» (1980) («Метафоры, которыми мы живем»), подразумевает, что закономерностей, которые лежат в основе поэтических метафор, следует искать не в языке, а в мышлении. Общие принципы этой концептуальной теории применимы не только к новым и поэтическим метафорам, но и к окаменевшим метафорам, употребляемым в повседневной речи.

Поэтому метафора является одним из основных столпов семантики языка, и изучение поэтических метафор считается частью исследования метафор в разговорной речи, поскольку сопоставления, лежащие в основе традиционных метафор, используемых в повседневной речи, играют важную роль в создании новых. Например, такие абстрактные понятия, как время, ситуация, причина, цель и т. д. метафоричны, когда они выражены в языке. Эта система метафор всегда активна. Она

играет важную роль в использовании новых метафор. В современных исследованиях, посвященных изучению метафор, в основном рассматриваются новые и поэтические метафоры. Хотя традиционные метафоры должны оставаться в центре внимания исследователей в качестве системы, имеющей значимость как при создании, так и при понимании новых метафор.

Исследования, проведенные в конце прошлого века, особенно исследования в области когнитивной лингвистики и психолингвистики (Gibbs, 1994; Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987; Sweetser, 1990; Turner, 1991), показывают, что метафоры – это не просто единицы языка, но и особые когнитивные карты, направляющие такие повседневные навыки человека, как умение мыслить, координировать или воображать [Gibbs, 1996].

МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕТАФОР

После появления концептуальной теории в 1980-х годах были проведены различные экспериментальные исследования по применению и уточнению основных ее положений. Хотя язык – самый простой и конкретный инструмент для определения метафор, сам процесс такого определения достаточно сложен. Есть несколько факторов, затрудняющих определение метафор:

- 1) использование в языке разных видов метафор (креативных, новых, окаменевших и т. д.);
- 2) отсутствие прозрачного и всеобъемлющего метода определения метафор.

Таким образом, разнообразие и градация метафор затрудняет исследователям определение того, какое слово является метафорой. Отсутствие четкого метода или четкой инструкции по определению метафор побудило ученых принимать решения о метафорической сущности любого слова или любой фразы на основе личной интуиции в зависимости от контекста. Но интуитивные решения не всегда могут быть объективными и правильными, поскольку они не основаны на научных данных, и исследователи подчеркивают необходимость разработки более точных методологических инструментов. Отсутствие единых критериев определения метафоры затрудняет разработку теоретических положений о функционировании метафор, их развитии в тексте, дискурсе, возможных связях метафорического языка и метафорического мышления.

Видя сложность выбора и сложность однозначного определения метафор в текстах, специалисты из разных дисциплин объединились в группе Praggleg jazz для разработки метода определения

метафор. Данный метод, который называется процедурой идентификации метафоры (Metaphor Identification Procedure) путем лингвистического анализа слов, метафорически используемых в дискурсе, определяет метафоры.

Группа Praggleg jazz состояла из исследователей, которые представляли разные страны. Они объединили свои усилия для создания точного метода определения метафор в тексте и дискурсе. Слово «praggleg jazz» происходит от инициалов имен этих исследователей. В течение шести лет эти ученые работали со статистическими тестами для выявления метафор в тексте и дискурсе и стремились разработать полезный и надежный инструмент для экспериментальных исследований в области когнитивной лингвистики, анализа дискурса, психолингвистики и прикладной лингвистики.

Этот метод, позже усовершенствованный исследователями Амстердамского свободного университета, и названный процедурой идентификации метафор (MIPVU), состоит из нижеследующих этапов:

1. Чтобы понять общий смысл, текст читается целиком.
2. В тексте и дискурсе определяются лексические единицы.
3. а) Значение каждой лексической единицы в тексте выявляется в контексте с учетом лексических единиц, употребленных до и после нее.
б) Каждая лексическая единица проверяется на наличие основного и более современного значения, чем ее контекстуальное значение. Под основным значением имеется в виду следующее:
 - более конкретное (легко представить, увидеть, услышать, ощутить, понюхать и попробовать на вкус то, что оно выражает);
 - более точное (противоположное абстрактному);
 - более древнее.Основное значение не всегда является наиболее употребительным значением лексической единицы.
- в) Если лексическая единица вне данного контекста, т. е. в других контекстах, имеет более современное значение, противоречащее основному значению, то определяется, является ли значение в данном контексте (не)совместимым с ним.
4. Если более современное значение несовместимо с основным, то лексическая единица считается метафорой [Praggleg jazz, 2007].

В. В. Виноградов подчеркивает, что «основное вещественное значение слова никогда не гаснет до конца. Это значение всегда предполагается как фон и фундамент дальнейших смысловых изменений слова» [Виноградов, 1963, с. 117]. Но найти основное значение слова во вспомогательных частях речи сложнее, чем в основных, потому что значение основных частей речи, особенно многих существительных, бывает более конкретным и точным. Правда, глаголы уступают существительным по своей конкретности и точности, но они тоже более конкретны, нежели вспомогательные части речи, и связаны с действиями. Поскольку префиксы, союзы и другие вспомогательные части речи имеют абстрактное и схематическое значение, трудно провести различие между контекстным и основным значениями.

Другая проблема, возникающая при применении метода *Pragglejazz*, связана с историческим аспектом языка и его ролью в определении основного значения слова. При описании основного значения слова группа *Pragglejazz* сочетает конкретность и историчность и считает конкретное значение слова его древним значением, хотя не все древние значения всегда конкретны. Анализируя этот метод, Г. Стин приводит два основных значения слова *reinforce* («армировать»), взятые из Оксфордского словаря английского языка:

- 1) усилить здание, сооружение,
- 2) усилить военную мощь группы солдат или полицейских, путем обеспечения их дополнительной поддержкой людской силы или техники.

В этом примере, несмотря на то что первое значение является конкретным, второе значение имеет более древние корни [Steen, 2007, с. 15].

Для исследователей, пытающихся найти основное значение слова, несоответствие этих двух критериев (конкретного и исторического значений) создает некоторые трудности и становится причиной получения противоположных результатов в ходе исследования. Поэтому в своем исследовании Г. Стин использует только один из этих критериев – конкретность, а к историчности он обращается на более поздних этапах с целью уточнения.

Исследователи, разработавшие данный метод, утверждают, что описанная выше процедура является надежным способом определения того, имеют ли слова метафорическое значение в контексте, а не того, имеет ли в виду автор метафорическое значение при использовании конкретных слов или намеревается ли он использовать слова в метафорическом смысле.

Кроме того, описанный метод не выявляет традиционных метафор, производных от

общепринятых концептуальных, или не отражает когнитивных операций, через которые проходит среднестатистический читатель и слушатель, решая, является ли конкретное слово метафорой. Если слово не является метафорой, это не значит, что оно лишено переносного значения. Потому что слова кроме метафоры, могут являться метонимией, гиперболой, аллегорией и другими средствами художественной выразительности и использоваться в тексте в образном смысле. Цель метода определения метафор – предоставить надежный инструмент различным исследователям, занимающимся определением метафорического значения слов в тексте и дискурсе.

СЛОЖНОСТЬ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ МЕТАФОР

Изучение использования концептуальных систем для выражения абстрактных понятий, распространенных в повседневной речи и лежащих в основе повседневного языка, затруднило проведение четкой границы между прямым и переносным значениями слов. Одно из основных различий между современными и традиционными теориями метафоры заключается в разделении прямого и переносного значения. Так, традиционные теории, пытающиеся объяснить процесс понимания метафор с помощью данного деления, утверждают, что оба значения участвуют в процессе понимания метафоры по принципу последовательности. То есть утверждается, что для того, чтобы слово было понято в переносном смысле, сначала проверяется его прямое значение, а после того, как этот процесс завершается неудачей, оценивается его переносное значение.

Стандартная прагматическая теория, считающая прямое значение первичным, а переносное – вторичным, опирается на нижеуказанные этапы, определенные П. Грайсом для анализа прямого значения слова или средств художественной выразительности:

- 1) анализируется прямое значение слова;
- 2) проверяется контекстуальное значение предложения или слова;
- 3) процесс понимания завершается, если прямое значение слова совпадает с контекстуальным;
- 4) если значение неточное или нерелевантное контексту, то принимается существование переносного значения [Grice, 2002].

Данный процесс показывает, что прямое значение слова понимается легко и быстро, а переносное трудно и медленно.

Начиная с П. Грайса и Дж. Сёрла подход стандартной прагматической теории к проблеме понимания метафорического значения однозначен. Ложное, в том числе и метафорическое значение, возникает только тогда, когда выражение «дефектное». «Если при понимании прямого смысла, выражение «дефектное», то тогда необходимо искать другое значение выражения, отличное от его прямого значения» [Searle, 1979, с. 114].

Однако, если мы разделим процессы лингвистического декодирования и лингвистического понимания, мы неизбежно столкнемся с реальностью того, что выражение должно быть декодировано (фонетически, лексически, синтаксически), прежде чем можно будет понять какое-либо значение. После декодирования выражение понимается либо метафорически, либо буквально. Некоторые ученые (С. Глюксберг, П. Гильдеа, Х. Букин) утверждают, что выбор значения на этом этапе является автоматическим процессом, и даже когда прямое значение соответствует контексту, метафорическое значение выбирается первым [Glucksberg, Gildea, Bookin, 1982].

Дж. Лакофф подобно П. Грайсу считает, что метафоры не нарушают общепринятых норм общения, а их использование и понимание не требуют особого таланта [Lakoff, Johnson, 1980]. Однако многие психолингвистические исследования, особенно теории Р. Гиббса, в которых утверждается, что средства художественной выразительности понимаются путем воплощения, еще раз показывают, что художественные метафоры, как и традиционные, формируются на основе одних и тех же моделей подсознательного мышления и физических опытов [Gibbs, 2006].

Несмотря на то, что язык веками рассматривался как символическое, абстрактное и неопределенное понятие, он тесно связан с телодвижениями; человек, воспринимает слова, которые он слышит, видит и параллельно воспринимает действия, связанные с этими словами. Экспериментальные исследования в области воплощенного познания и языка основаны на том, что при разговоре о конкретных предметах и явлениях, движения тела и разных его частей, формируют мышление и речь человека. С другой стороны, некоторые психолингвисты ставят под сомнение существование теории воплощенного познания и симуляции в восприятии абстрактных понятий, таких как «справедливость» и «время», в отличие от конкретных объектов и событий. Однако в когнитивной лингвистике есть исследования, показывающие, что многие абстрактные понятия воспринимаются с помощью воплощенных концептуальных метафор.

Концептуальная метафора времени «time is motion» («время – это движение») является одной из самых обсуждаемых. Так, во многих метафорах, в которых используется абстрактное понятие времени, мы видим, что оно движется к человеку или вперед. В таких метафорах, как «время летит», «время остановилось», «время придет», «время прошло», действие переносится на время, которое является абстрактным понятием, и оно воспринимается как понятие в движении. Однако направление времени и его общее понимание все же зависит от мышления и языка. Несколько экспериментальных исследований подтвердили, что наши представления о времени на самом деле являются физическими. В одном эксперименте участникам показали изображение стула, привязанного веревкой. Половину участников попросили представить как они тянут к себе стул, держась за веревку, а другую половину представить, как они сидят на стуле и подтягиваются вперед по веревке. Затем обе группы должны были прочитать предложение *Next Wednesday's meeting has been moved forward two days* («Собрание, назначенное на следующую среду перенесено на два дня вперед») и ответить на вопрос «Первоначально в какой день планировалось провести собрание?» Однако термин *forward* («вперед») воспринимается нами неоднозначно. И причиной этому служит разница в нашем метафорическом мышлении о будущем. Таким образом, время может восприниматься нами как понятие, которое движется к нам, или как понятие, которое ведет нас вперед вместе с ним. В первом случае мы находимся в статичном положении, и нам еще предстоит принимать участие в собрании в среду, поэтому мы на этот вопрос даем ответ: «в понедельник».

На практике подавляющее большинство участников первой группы, представляя, что они тянут к себе стул с помощью веревки, так и ответили на вопрос. Во втором случае, продвигаясь вперед во времени, вторая группа участников, представляя, что они толкаются по веревке вместе со стулом, ответила, что встреча перенесена на пятницу. Таким образом, как утверждает теория воплощенного познания, даже то, что мы физически перемещаемся в пространстве или даже представляем себе свое физическое перемещение, влияет на наше восприятие времени и хронологии [Boroditsky, Ramscar, 2002].

Как видно, трудно провести четкую грань между поэтическими и традиционными метафорами, сформированными на основе одних и тех же физических опытов и моделей подсознательного мышления. Как отмечают когнитивисты, поэтические

метафоры создаются на фоне определенных концепций мышления, с использованием традиционных метафор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафоры и метонимии возникают при обнаружении ранее не осознаваемой связи между двумя объектами и со временем могут стать стереотипами в языке в результате массового использования. Хотя эти образные выражения применяются автоматически и бессознательно, они находят себе место в подсознании поколений и формируют образ мышления и ценности целого народа. Учитывая,

что возникновение метафор как в быденной разговорной речи, так и в художественных текстах происходит на фоне общих концептов, можно сделать первый шаг на пути решения таких проблем, как определение и понимание метафор. Среди методов по определению метафор выделяется метод, связанный с именами исследователей, входящих в группу «Pragglejazz». Помимо изучения этапов и преимуществ данного метода в статье отмечается и его недостатки. Но несмотря на недостатки, на наш взгляд, данный метод можно считать надежным методом исследования, позволяющим определить, имеют ли слова метафорическое значение в том или ином контексте или нет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харченко В. К. Функции метафоры: учебное пособие. Воронеж: Издательство ВГУ, 1991.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1963.
3. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A field-Guide to Poetic Metaphor. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
4. Shakespeare W. As you like it. Simon & Schuster. 2019.
5. Aristotle. The art of poetry. Translated by: I. Bywater. Oxford University Press, 1940.
6. Reddy M. J. Conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language // Metaphor and Thought / A. Ortony (ed) 2nd edition, Cambridge University Press. 1993. P. 164–201.
7. Lakoff G., Johnson M. Conceptual metaphor in everyday language // The journal of philosophy. 1980. Vol. 77, № 8. P. 453–486.
8. Gibbs Jr. R. W. Why many concepts are metaphorical // Cognition. 1996. Vol. 61. P. 309–319.
9. Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. Vol. 22, № 1. P. 1–39.
10. Steen G. Finding Metaphor in Discourse: Pragglejaz and Beyond // Culture, Language And Representation. 2007. Vol. 5, P. 9–25.
11. Grice P. Studies in the way of words. Harvard University Press. 2002.
12. Searle J. Metaphor // A. Ortony (Ed.). Metaphor and Thought New York: Cambridge University Press. 1979. P. 92–123.
13. Glucksberg S., Gildea P., Bookin H. A. On understanding nonliteral speech: Can people ignore metaphors? // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1982. Vol. 21. P. 85–98.
14. Gibbs R. Metaphor interpretation as embodied simulation // Mind and Language. 2006, 21. P. 434–458.
15. Boroditsky L., Ramscar M. The roles of body and mind in abstract thought // Psychological Science. 2002. Vol. 13. P. 185–189.

REFERENCES

1. Kharchenko, V. K. (1991). Funktsii metafory = The functions of metaphors. Voronezh: VGU. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. (1963). Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika = Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Publishing House. (In Russ.)
3. Lakoff, G., Turner, M. (1989). More than cool reason: A field-guide to poetic metaphor. Chicago: University of Chicago Press.
4. Shakespeare, W. (2019). As you like it. Simon & Schuster.
5. Aristotle (1940). The art of poetry, transl. by I. Bywater. Oxford University Press.

6. Reddy, M. J. (1993). Conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language. In A. Ortony (ed.), *Metaphor and thought* (pp. 164–201). 2nd ed. Cambridge University Press.
7. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Conceptual metaphor in everyday language. *The journal of philosophy*, 8(77), 453–486.
8. Gibbs Jr., R. W. (1996). Why many concepts are metaphorical. *Cognition*, 61, 309–319.
9. Pragglejaz Group. (2007). MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 1(22), 1–39.
10. Steen, G. (2007). Finding Metaphor in Discourse: Pragglejaz and Beyond. *Culture, Language and Representation*, 5, 9–25.
11. Grice, P. (2002). *Studies in the way of words*. Harvard University Press.
12. Searle, J. (1979). Metaphor. In A. Ortony (ed.), *Metaphor and thought* (pp. 92–123). New York: Cambridge University Press.
13. Glucksberg, S., Gildea, P., Bookin, H. A. (1982). On understanding nonliteral speech: Can people ignore metaphors? *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 21, 85–98.
14. Gibbs, R. (2006). Metaphor interpretation as embodied simulation. *Mind and Language*, 21, 434–458.
15. Boroditsky, L., Ramscar, M. (2002). The roles of body and mind in abstract thought. *Psychological Science*, 13, 185–189.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедли Гюльшан Рамиз кызы

аспирант кафедры лексикологии и стилистики английского языка
Азербайджанского университета языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mammadli Gulshan Ramiz qizi

PhD Student, Department of English Lexicology and Stylistics,
Azerbaijan University of Languages

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья
 УДК 81.373, 811.512.1, 811.13, 811.16
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_68

Особенности провербиальных фразеологизмов на примере разных языковых групп

А. А. Насиров

*Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан
 nasirovabduraxim@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются провербиальные фразеологизмы, их особенности; проводятся обзоры ареальных, типологических и сравнительно-исторических исследований, теоретическое видение провербиальных фразеологизмов в мировом языкознании. Приводятся выводы автора по концептуальному подходу к национальным провербиальным фразеологизмам, соответствующим лексическому материалу узбекского языка. Также осуществляется классификация провербиальных фразеологизмов, сообразных характеру метафор во фразеологических единицах в узбекском языке, и предлагается аппарат понятийных терминов, относящихся к провербиальным фразеологизмам. В статье проанализированы различные взгляды на основные признаки фразеологических единиц и провербиальных фразеологизмов, выявлен масштаб применения провербиальных фразеологизмов во французской, русской и узбекской лексикологии и их задачи в процессе речи.

Ключевые слова: фразеология, провербиальные фразеологизмы, семантические, стилистические, национально-культурные особенности, переносный смысл, пословица, поговорка, изречение, афоризмы, крылатые выражения, притча

Благодарности: Я благодарю анонимных рецензентов и редакцию журнала, чьи комментарии и критические замечания помогли улучшить текст.

Для цитирования: Насиров А. А. Особенности провербиальных фразеологизмов на примере разных языковых групп // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 68–78. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_68

Original article

Peculiarities of Proverbial Phraseological Units on the Example of Different Language Groups

Abdurahim A. Nasirov

*Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan
 nasirovabduraxim@mail.ru*

Abstract. This article discusses the issues of phraseology, proverbial phraseological units, their features, areal, typological and comparative historical studies, the theoretical vision of proverbial phraseological units in world linguistics and the author's conclusions on the transition to a conceptual approach about national proverbial phraseological units corresponding to the lexical material of the Uzbek language. Also, the classification of proverbial phraseological units (hereinafter PF) is carried out, based on the nature of metaphors in phraseological units (hereinafter PU) in the Uzbek language, and an apparatus of conceptual terms related to proverbial phraseological units has been developed. The article analyzes different views on the main features of phraseological units and PF, the scale of PF application in French, Russian and Uzbek lexicology and their tasks in the process of speech are revealed.

Keywords: phraseology, proverbial phraseological units, semantic, stylistic, national-cultural features, figurative meaning, proverb, saying, dictum, aphorisms, winged expressions, parable

Acknowledgements: I thank the anonymous reviewers and editorial staff of the journal, whose comments and criticisms helped improve the text.

For citation: Nasirov, A. A. (2022). Peculiarities of proverbial phraseological units on the example of different language groups. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 68–78. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_68

ВВЕДЕНИЕ

По причине отсутствия единого и совершенного видения фразеологических единиц в мировой лингвистике, проблема сущности фразеологии считается трудноразрешимой из-за разнообразия существующих точек зрения на предмет, что побудило нас исследовать характерные свойства фразеологических единиц. В области сравнительно-сопоставительных исследований необходимо отметить наличие проблем, требующих последовательного решения из-за сложности фразеологического материала и неполной разработки общей теории фразеологии.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) являются образными выражениями, созданными народами в течение нескольких веков, провербиальные фразеологизмы (далее – ПФ) составляют отдельную часть этих средств. ФЕ являются своеобразным продуктом творческой мысли народов и находят в них краткое и меткое отражение отношения человека к природе и общественным явлениям; они украшают речь, служат средством языковой экономии, помогают формированию коммуникативной компетенции. ПФ французского, узбекского и русского языков вносят свой вклад в формирование социолингвистической компетенции путем выражения национально-культурных особенностей этих народов. По утверждению ученых, каждый из нас имеет представление об около 800 пословицах, поговорках и афоризмах на своем языке (30,7%) [Бердияров, Расулов, 1984]. Они представлены в творчестве писателей, в работах лингвистов. Аристотель характеризовал ФЕ как метафору: «Метафора – перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель, 1980, с. 49]. В свое время Сократ описал термин «proverbe» как «краткое, лаконичное и запоминающееся словосочетание» [Montreynaud, 1989, с. 6]. Несмотря на то, что использование ФЕ и ПФ носителями языка воспринимается как обычное явление, их лингвистический анализ достаточно сложен и не допускает поверхностного изучения.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью выявления семантико-

стилистических и национальных особенностей ПФ на примере французского, принадлежащего к романско-германской языковой группе индоевропейской языковой семьи, русского, принадлежащего к славянской языковой группе индоевропейской языковой семьи, и узбекского, принадлежащего к тюркской языковой группе алтайской языковой семьи.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ПРОВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ВЫВОДЫ АВТОРА

Исследования фразеологизмов как отдельной независимой единицы языка проводятся со второй половины XX века. Данное направление неразрывно связано с именем швейцарского ученого Ш. Балли. Также европейские фразеологи Й. Матешеич, Ф. Стендер, А. Левитский, в частности, французские лингвисты П. Гиро, М. Мулу, Ф. Монтейно, Ж. Пино, М. Ра, А. Рэй, С. Шантро, К. Дюнотон; русские ученые В. Виноградов, Н. Амосова, С. Ожегов, В. Жуков, А. Кунин, В. Мокиенко, А. Назарян, Н. Шанский; узбекские фразеологи Ш. Рахматуллаев, Э. Бегматов, А. Маматов, М. Умархужаев, М. Содикова, Ю. Авалиани, А. Бушуй внесли достойный вклад в совершенствование научно-исследовательских трудов по фразеологии.

Первые исследования по фразеологии узбекского языка были проведены в кандидатских диссертациях Я. Пинхасова, А. Шомаксудова и М. Хусаинова. Г. Айназарова исследовала фонетико-грамматические, функционально-семантические свойства двухкомпонентных фразеологизмов каракалпакского языка, Х. Бердиев и Р. Расулов внесли неоценимый вклад в формирование паремиологии.

Образцы фольклора, пословицы, поговорки и другие ФЕ, относящиеся к иным паремиологическим жанрам, отражают многовековые национально-бытовые навыки, этические нормы и мечты вышеназванных трех этносов в сжатой и лаконичной форме.

Что касается их теоретически значимых идей, то следует отметить, что французский лингвист М. Мартель разделил ФЕ на две части, называя

фразеологизмы без пословицы «expressions proverbiales» и пословицы «proverbe». Затем он объясняет, что главной характеристикой «expressions proverbiales» является метафорическая передача значения, а главной особенностью «proverbe» является заключение [Martel, 1983].

Современной интерпретации ФЕ и ПФ посвящены диссертации Л. Ковшовой и С. Кочновой, С. Мирзахановой, С. Кравцова, С. Гнедаш и узбекских исследователей П. Бакировой, Г. Хакимовой, Ш. Шомуродовой – сравнительно-типологическому исследованию фразеологических единиц.

Ученый В. В. Виноградов, начавший первым в русской лингвистике исследовать фразеологию и разделивший ФЕ на три типа, считал, что сущностью ФЕ является их формальная устойчивость. ФЕ не проявляются в каждом акте речи отдельной формой слова, а «отображаются в сознании человека в готовом и устойчивом виде, что приводит к смысловому слиянию, подобно естественному сплаву, по меньшей мере, двух независимых слов, используемых во время общения» [Виноградов, 1977, с. 127].

Существуют различные взгляды на основные признаки ФЕ и ПФ. Например, по научному убеждению Б. Ларина, их основным признаком является невидимость отдельного смысла слов перед составным смыслом словосочетаний. Согласно утверждению А. Реформатского, они не могут быть переведены на другие языки дословно [Реформатский, 1967]. А. Кунин считает, что «признак устойчивости во ФЕ проявляется в использовании фразеологических единиц в лексическом составе, их семантике, морфологической и синтаксической структуре» [Кунин, 1972, с. 7–9].

Термин «proverbe» во французской лингвистике заимствован из латинского языка (*proverbium*) и выражает лаконичные мысли, произошедшие из жизненного опыта и поучительных выводов мудрецов и вошедшие в широкий обиход [Larousse, 1999]. Термин «мақол» в узбекском языке, заимствованный из слова «қавлун» («сказать»), стал названием одного из афористических жанров, являющегося образцом народной мудрости и означающего уместное слово, предложение или идиому. Термин «пословица» в русском языке отличается от афоризмов и крылатых выражений анонимностью, то есть отсутствием авторства, и соответствием не индивидуальной мудрости, а коллективным и народным эстетическим закономерностям.

А. Нарзикулов определил термин «провербиальный фразеологизм» следующим образом: «Притчи и поговорки независимы благодаря полноте и полноте мышления, уникальность многих пословиц и поговорок заключается в том, что они

имеют свое первоначальное значение и переносное значение, при правильном или переносном использовании они остаются независимыми, не теряя своего категориального качества, и их называют провербиальными фразеологизмами» [Нарзикулов, 1969].

Таким образом, мы пришли к выводу, что ПФ составляют определенную часть фразеологического фонда языков народов мира. Основными атрибутами ПФ являются устойчивость, метафоричность, воспроизводимость, семантическая слитность, экспрессивная эмоциональность и выразительность, и они ярко отражают специфику национальной лексики. ПФ воспроизводятся в готовом виде и используются в переносном смысле полностью или частично, являются эквивалентными предложению по структуре и цельными по семантике, выражают независимый смысл в составе контекста. Они как устойчивые сочетания, означают пословицу, поговорку, изречение, афоризм, предание, наставление, крылатое выражение, притчу и замкнутый оборот [Насиров, 2016].

ПФ имеют следующие категориальные признаки: являются художественно логической формой мысли, самым маленьким жанром национального фольклора, специфической грамматической формой, содержат атрибуты определенного этноса и имеют дидактический смысл. Различные формы ПФ иллюстрирует таблица 1.

Трудно установить четкую границу между экспрессивно-стилистическими слоями фразеологизмов. Например, в «Новом большом французско-русском фразеологическом словаре», изданном под редакцией В. Гака, не все ФЕ имеют знаки ссылки [Гак, 2005]. При их сопоставлении с ФЕ в других словарях во французском языке выявлено то, что их включение в состав ФЕ, относящихся к разговорно-бытовой или обычной разговорной речи, проявляется по-разному. Имеются также различия между знаками ссылки на ФЕ во «Фразеологическом словаре узбекского языка» Ш. Рахматуллаева и фразеологическом словаре М. Содиковой.

С целью определения места провербиальных фразеологизмов среди ФЕ другого типа был изучен вышеуказанный словарь под редакцией В. Гака и по принципу активности в речи отобрана 4541 фразеологическая единица, найдены их эквиваленты в узбекском и русском языках. Было установлено, что из 4541 ФЕ, охваченной для анализа, 1100 (24,4%) являются ПФ, 2040 (45,2%) – нейтральными ФЕ, 888 (18,6%) – разговорно-бытовыми ФЕ, 288 (6,4%) – простыми разговорными ФЕ, 238 (5,3%) – арготическими, а 37 (0,82%) – ФЕ книжного характера.

ПРОВЕРБИАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

№	Французский	Узбекский	Русский
1	Proverbe <i>Chat échaudé craint l'eau froide. Chose défendue, chose désirée.</i>	Мақол <i>Оғзи куйган қатиқни ҳам пуфлаб ичади. Аяган кўзга чўп тушар.</i>	Пословица <i>Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду. Запретный плод сладок.</i>
2	Dicton <i>En avril on ne découvre pas d'un fil. Quand le coq chante avant la nuit, signe de pluie.</i>	Матал <i>Ёзда ёпинчиғингни ташлама, қишда ўзинг биласан. Кулоғи тишлаб қўйилган.</i>	Поговорка <i>Собака на сене. Дай бог нашему теляти волка съест. И рыбу съест и хвост не намочить.</i>
3	Apophtegme <i>Qui creuse une fosse sous le pied d'un autre, y tombe le premier. Il faut être maître de soi, pour être maître du monde (Карл V).</i>	Ҳикматли сўзлар <i>Ҳар киши ким бировга қозғай чоҳ, тушгай ул чоҳ узра ўзи ногоҳ. (А. Навоий). Оз демак ҳикматга боис, оз емак сиҳатга боис. (А. Навоий)</i>	Афоризмы <i>Кто другому роет яму наперед, в нее же первый сам и упадет. Нет слаще покоя, покупаемого трудом (А. П. Чехов)</i>
4	Adage <i>Noblesse oblige. User, ne pas abuser.</i>	Ривоят, ҳадис <i>Нафсинг ва қалбинг хотиржам бўлган нарсა эзгуликдир. ичингни ғаш қилиб, кўнглингга ўрнашмаган нарса гуноҳдир.</i>	Притча <i>Все познается в сравнении. Дело не в том, кто во что одет... а в том, что в жизни, со сменой одежды (Притчи Соломона).</i>
5	Précepte <i>Aimez-vous les uns les autres.</i>	Ўғит, васият <i>Билимга ва меҳнатга чанқоқлик инсонни шахсга айлантиради. (Фаробий)</i>	Изречение <i>Счастье в воздухе не вьется – трудом дается (Рудакий).</i>
6	Sentence <i>Plus de corps est faible, plus il commande, plus il est fort, plus il obéit (Ж.-Ж. Руссо).</i>	Нақл <i>Арслон қариса, сичқон иини пойлар (III,279), Сув кўрмагунча, этик ечма. (III,431). (М. Қошғарий).</i>	Мудрые слова, изречения <i>Люди сажают деревья для потомков (китайское изречение).</i>
7	Maxime <i>Les Fables de La Fontaine sont riches en maximes: "La raison du plus fort est toujours la meilleure" – est une de ces maximes.</i>	Ҳикматлар <i>"Берди"сини айтгунча уриб ўлдиради. (Б. Машраб).</i>	Максима, пословица научного характера <i>Печь хлеб дают пекарю.</i>
8	Expression, locution <i>Chacun sent son mal. Les murs ont des oreilles.</i>	Ибора, юмуқ ибора <i>Ҳар ким ўздан ўтганини ўзи билади. Мошхўрдага қатиқ бўлма. Кўзини шира боғлабди.</i>	Выражение, крылатые выражения <i>Каждый знает сам, что у него болит. Береженного бог бережет.</i>
Все формы, использующиеся в переносном смысле, являются ПРОВЕРБИАЛЬНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ			

В анонимном опросе, проведенном для определения использования ФЕ и ПФ среди населения, участвовали 179 человек (во французском языке – 24 человека, в узбекском – 127 человек и в русском – 28 человек). Высокий результат по лучшему пониманию ФЕ показали опрошенные на русском (57,1%) и французском (54,2%) языках, а по пониманию ПФ опрошенные во французском языке показали результат в 33,3% и в русском – в 21,0%. Из всех опрошенных в узбекском языке 15,9% ответили, что не знакомы с термином «проверб». Оказалось, что 32,1% русскоязычных респондентов используют ПФ в своей речи, по этому показателю респонденты, говорящие на узбекском языке, заняли второе место (27,6%). По итогам анализа использования ПФ и ФЕ в разрезе специальностей обнаружилось, что показатели лингвистов, поэтов и писателей равны 30,7%, тогда как только 21,8% ремесленников и фермеров используют фразеологизмы. Когда результаты опроса были проанализированы в возрастном разрезе, то обнаружилось, что люди в возрасте 45–60 лет чаще других (22,9%) используют ПФ [Насиров, 2016].

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Поскольку ПФ являются продуктом языка, они неразрывно связаны с диалектическими категориями формы и содержания. Взаимоотношение формы и содержания в ПФ возникает из характера содержания, обозначаемого устойчивыми словосочетаниями. В связи с тем, что компоненты в лексическом составе ПФ не могут быть простой суммой специфических смыслов, а являются новым смыслом, созданным над ними, складывается впечатление, что в употреблении ПФ будто бы существует разрыв между планом выражением и планом содержания. Частные смыслы в ПФ не раскрывают общего смысла напрямую, поэтому связь между планом выражения и планом содержания во фразах условна. Здесь компоненты, как целое, достигают семантического прогресса на основе определенного образа путем переноса. Переносный смысл, возникший на основе определенного образа, называется фразеологическим смыслом. Для наиболее точной передачи сути обсуждаемого вопроса приведем следующие примеры, отражающие фразеологический смысл в трех языках: *Il n'y a point de feu sans fumée* – имеет в узбекском языке следующие эквиваленты:

Шамол бўлмаса, дарахтинг учи қимирламайди.
Касални яширсанг, иситмаси ошкор қилади. Бир

балоси бўлмаса, шудгорда куйрук на қилур (рус. Где огонь, там и дым. Шила в мешке не утаишь).

Как отмечалось выше, в ПФ ярко выражены признаки переносного смысла, образности. Следовательно, как видно из примеров, при использовании компонентов ПФ по отдельности нельзя добиться общего целостного смысла, поэтому не следует забывать о первичности фразеологического смысла в устойчивых сочетаниях. *Tandis que le loup muse, le brebis entre au bois* дословно переводится на узбекский язык как:

Бўри увиллаб бўлгунча қўзи ўрмонга кириб кетади. – «Пока волк закончит свой вой, ягненок убежит в лес».

В этом ПФ, эквиваленты которого даются в узбекском как *Темирни қизиғида бос*, а в русском как *Добыча ловца не ждет*, наблюдается превосходство переносного смысла фразеологизма и усиливается образность выражения по сравнению с приведенным выше дословным переводом. Это значит, что через образные представления смысл некоторых слов отходит на второй план, и сочетание, как целое, создает новый смысл [Nasirov, 2016].

Семантика ПФ определяется посредством выполнения ими дидактико-прескриптивной функции в языке и возникает в результате мысленного ситуативного расширения словосочетаний. Еще одним характерным свойством ПФ является их принадлежность к однотипным ситуациям, то есть, они всегда являются односмысловыми. Каждый ПФ подразумевает под собой определенный смысл, который зачастую скрывается в переносной, эмоциональной форме. Нельзя понять истинного смысла ПФ, не почувствовав иносказания, скрытого от глаз смысла. Например, ПФ следующего типа, означая единый, переносный и общесемантический смысл, подтверждают достоверность сказанного выше:

Tel maître – tel valet. – Мол эгасига ўхшамаса, ҳаром ўлади. – «Каков хозяин – таков и слуга».

Un maleur ne vient jamais seul,
Serrer la pince à quelqu'un.

При изучении принадлежности однокоренных слов и компонентов устойчивых сочетаний в составе около 1000 ПФ, проанализированных нами, по соотносительности к той или иной части речи с точки зрения грамматики, номинативные ПФ составили 47,5%, а ПФ, начинающиеся с имен существительных женского рода – 35,4%.

37 ПФ (3,7%) из 270 составили 14 видов и принадлежат к соматизмам; 92 (9,2%) – к зоонимам; 23 (2,3%) ПФ, относящиеся к профессиям, составляют 19 видов (3%); ПФ, относящиеся к продуктам питания – 11 видов (2,8%); ПФ, относящиеся к флоре – 12 видов (2,3%); ПФ, имеющие в составе родственные обозначения – 8 видов (3%); ПФ с компонентами одежды – 4 вида (0,8%); ПФ с собственными именами – 8 видов (1%) и ПФ, относящиеся к внешнему виду человека – 5 видов (0,7%) [Насиров, 2015].

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Если говорить о стилистических особенностях ПФ, то к ним относятся явления окказиональной трансформации. Окказиональная трансформация провербиальных фразеологизмов значит изменение их структуры непосредственно авторами.

Как пишет профессор А. Э. Маматов, «если рассматривать структурное изменение фразеологизмов как деформацию, т. е. как явление деформации формы, то внутреннее изменение, изменение смысла – это явление модификации» [Маматов, 1989, с. 38]. В результате структурных изменений возникают индивидуально-авторские идиомы. Эти идиомы широко используются в речи и занимают прочное место в литературном языке. Таким образом, язык обогащается фразеологическими единицами, и в нем появляются фразеологизмы-неологизмы.

В языкознании существует явление эллиптического и плеонастического использования языковых элементов, т. е. если эллиптический процесс означает пропуск одного из элементов в составе ПФ, то при плеонастическом явлении наблюдается добавление некоторых элементов и расширение масштаба ПФ. В большинстве случаев ФЕ применяются в речи в плеонастическом виде.

Наблюдается **расширение** состава провербиальных фразеологизмов путем добавления автором компонентов в препозиции, постпозиции или интерпозиции состава фразеологизма. Расширение структуры фразеологизма приводит не только к механическому расширению, но и к расширению плана его выражения и плана содержания. В следующем примере из романа Оноре де Бальзака «Отец Горио» видно, что идиома *Ménager la chèvre et le chou* была успешно видоизменена автором:

Les filles, qui aimaient peut être toujours leur père ont voulu ménager la chèvre et le chou, le père et le mari: elles ont reçu le Goriot, quand elles n'avaient personne. – «Дочери, еще любившие, пожалуй, отца,

хотели угодить и волкам, и овцам, и отцу, и мужьям: они принимали папашу Горио, когда были одни».

В идиоме, использованной Бальзаком в качестве речевого выражения попытки дочерей отца Горио сохранить одинаковое отношение как к своему отцу, так и к мужьям, наблюдается окказиональная трансформация, т. е. состояние расширения смысла.

В примере из произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» написано:

Но действительность в кратчайший срок развалила **построенный** воображением Адама Казимировича **воздушный замок** со всеми его **башенками, подъемными мостами, флюгерами и штандартами**.

В данном отрывке структура ФЕ *строить воздушные замки* со стороны автора «красиво» – расширена с добавлением в него театрализирующей компоненты. Здесь и наблюдается профессионализм авторов, которые сопоставляет ФЕ с предложением: «Я сделаю его калифом на час и несчастным на всю жизнь» [Ильф, Петров, 1961, с. 6]. В данном предложении авторы используют выражение «несчастливым на всю жизнь» антонимично выражению «сделаю его калифом на час», таким образом структура ФЕ расширяется.

Случаи вставки слов и словосочетаний между компонентами фразеологизмов без нарушения смысловой целостности ПФ называется «**вклинивание**» (по В. Кунину). В отрывке из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова читаем: «Рио де Жанейро – это хрустальная мечта моего детства, – строго ответил великий комбинатор, – не касайтесь ее своими лапами» [Ильф, Петров, 1961, с. 19]. В данное предложение добавляется как вклинивание компонент *хрустальная*, сама же ФЕ *это мечта моего детства* усиливается и обогащается в стилистическом плане с добавлением данного компонента *хрустальная*. Или же на другом примере можно наблюдать сложное вклинивание: «Ипполит Матвеевич, который уже стал волноваться, ходил по комнате. В голову ему лезли **неприятные хозяйственные** мысли» [там же, с. 48], здесь в ФЕ *в голову лезли мысли* вклиниваются слова: *неприятные хозяйственные*.

Неологические ПФ – случаи использования одного из лексических компонентов фразеологизмов вместо другого. Выявлены неологизмы и ПФ, вошедшие в язык под влиянием общественных процессов. Например, пословица: *Кто рано встает, тот далеко от работы живет* – является видоизмененным вариантом пословицы *Кто рано встает, тому Бог дает*. Пословица *Не имей сто процентов*,

Таблица 2

НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОВЕРБИАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Оригинальные ПФ	Неологические провербиальные фразеологизмы
Бей своих, чтобы чужие боялись	Бань своих, чтоб чужие боялись
Большому кораблю – большое плавание	Большому кораблю – большая торпеда
Пришла беда, отворяй ворота	Пришел эмо-глист, отворяй бан-лист
Сколько волка не корми, все равно в лес смотрит	Сколько волка не корми, а он все равно смотрит!
Волков бояться, в лес не ходить	Срача бояться, в комменты не ходить
Без меня меня женили	Без меня меня залогинили
Рыбак рыбака видит издалека	Тысячник тысячника видит издалека
У семи нянек дитя без глаз	У семи админов флудер без бана
На людях ангел, дома черт	В юзер-инфо пан, а на людях болван
Словами сыт не будешь	Пингами сыт не будешь
Любовь зла, полюбишь и козла	Накрутка зла, зафрендишь и козла
Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня	Не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня
Аппетит приходит во время еды	Аппетит приходит во время еды, а жадность – во время аппетита.
Новая метла по-новому метет	Новая метла по-новому метет, а как сломается – под лавкой валяется.

а *имей сто клиентов* произошла от пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей, Семь раз об дверь, один раз – об рельс* – от *Семь раз отмерь, один раз отрежь, Взятся за грудь – скажи что-нибудь* – от *Взялся за гуж, не говори, что не дюж*. Пословица *Сколько мусорное ведро ни утрамбовывай, выносить всё равно придется*, появилась на основе пословицы *Сор из избы не выносят*. Подобные пословицы в несколько видоизменной форме окказионально трансформировались и столкнулись с заменой ряда их компонентов синонимичными.

Кроме того, в настоящее время множество терминов вошло в обиход благодаря возможностям ИКТ, компьютера и Интернет, и они, в свою очередь, нашли отражение в пословицах и поговорках. Далее проследим **неологические провербиальные фразеологизмы** на современный лад, широко распространяющиеся среди молодежи. Они тоже созданы за счет замены определенных компонентов уже существующих пословиц (см. табл. 2.).

Французская пословица *Le tchat parti, les souris ne cliquent plus* произошла от *Le chat parti,*

les souris dansent («Без кота мышам раздолье»), а *Au royaume des dindes, les poules sont reines* от *Au pays des aveugles les borgnes sont roi* («В стране слепых и король – слепой»). Узбекская пословица *Мен қиламан ўттиз, танграм қилади тўққиз* – в обновленной форме: *Мен қиламан ўттиз, хотиним қилади тўс-тўс* («Я зарабатываю много денег, а моя жена сорит ими, как попало») [Шомаксудов, 2001].

В явлении **эллипсиса** элементы речи пропускаются и таким образом происходят стилистические изменения, выявляемые на основе контекстуального или семантического анализа и подразумевающиеся в тексте. Пропущенный элемент характеризуется быстрым восстановлением вследствие речевой ситуации или на основе определенного контекстуального окружения. Немногие знают полную форму идиомы *Собака на сене* – *Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает*. Также русская фраза *Голод не тетка* используется в форме эллипсиса. Интересно, почему используется «тетка», а не другой родственник. В конце концов,

это только часть фразы. Значение: «Не жди от него пощады, это бесполезно».

Структура ПФ трансформируется также с помощью **актуализации**, в последнее время в прессе наблюдаются также фразеологизмы, актуализированные молодежью, такие как:

Губа не дура, язык не лопата: знают, что горько, что сладко.

Дорога ложка к обеду, а там хоть под лавку.
Дуракам закон не писан, если писан – то не читан, если читан – то не понят, если понят – то не так.

Зайца ноги носят, волка зубы кормят, лису хвост бережет.

На чужой каравай рот не разевай, пораньше вставай да свой затевай.

Старый конь борозды не испортит, да и глубоко не вспашет.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В последние годы в области фразеологии активно исследуются лингвокультуроведение и национально-культурные свойства. Как отмечает В. фон Гумбольдт, внутренняя структура и своеобразие отдельно взятого языка – это явление, неразрывно связанное со способностью полного видения своеобразия национального духа [Гумбольдт, 1984]. Лингвокультуроведение органично связано с когнитивной лингвистикой и в ней изучаются вопросы взаимовлияния культуры и языка, триады «язык – человек – культура». Среди языковых единиц ПФ являются одновременно точно и лаконично выражающей национально-культурные свойства языковой единицей и зеркалом народного языка. Без них и фольклор немислим.

Национальный характер ПФ более всего проявляется в их составе, точнее в их компонентах: принаках, характерных для культуры французов, узбеков и русских – в обычаях, сказках, исторических афоризмах, одежде и географических названиях.

Этнокультурные свойства французов передаются в ПФ посредством черт поведения, внешнего вида французов, а также через аллегории животных.

Своеобразные проявления национально-культурных свойств идиом во **французском языке** наглядно видны из следующих примеров: в пословице *Avec un «si» on mettrait Paris en bouteille* национальное выражается через компонент «Париж» и структуру, не имеющую эквивалентов в других языках. Она означает, что можно поместить Париж

в бутылку с помощью слова *si* (если). Эльзасцы используют идиому: *La maladie arrive sur un cheval et s'en va sur un escargot* («Болезнь приходит на лошади, но уходит на улитке»), изначальная форма которой немного другая:

La maladie vient à cheval et s'en retourne à pied. – «Болезнь приходит на лошади, но уходит пешком».

В провинции Эльзас компонент *à pied* заменен лексемой *escargot*, тем самым национальное еще более выпячивается.

Национальное своеобразие фразеологизмов, принадлежащих слою национальных ПФ, отражается в непосредственном изображении социальной, экономической, культурной и бытовой жизни узбекского народа, представителей мира флоры и фауны, топонимики.

В **узбекском языке** отражение национального духа в ПФ наблюдается:

- через национальную одежду:

бош омон бўлса дўппи топилади – «если с головой всё порядке – тюбетейка найдется»
≈ Здоров будешь, все добудешь (*утешительный ПФ*);

бош ёрилса дўппи ичида, қўл синса-енг ичида – «если голова разобьется в тюбетейке, то рука сломается внутри рукава» ≈ Ссор из избы не выносятся;

тўнини тескари киймоқ – «надеть чапан наизнанку, злиться»;

- через продукты питания и названия блюд:

ошинг¹ ҳалол бўлса кўчада ич – «заработал честно, кушай смело на улице»;

камбағалнинг оғзи ошга етганда бурни қонади – «если бедный ближе к успеху, нос кровоточит, не повезет бедному»;

миннатли ошдан беминнат мушт яхши – «благодарный кулак лучше неблагодарного пловца»;

дошқозонда пишган ош хом бўлмас – «плов, приготовленный в большом казане, не будет сырым» (*коллегиальное решение*);

шавла кетса кетсин-ку, обрў кетмасин – «репутацию не теряй, даже если потеряешь шавлу»²;

- через компоненты – узбекские имена:

¹ Ош – плов – узбекское национальное блюдо.

² Шавла – узбекское национальное блюдо похожее на плов, но более мягкое.

ақл Ҳасандир, одоб Хусандир – «Ум Хасан – воспитание Хусан»;
 Али десанг, Вали дейди – «Ты скажешь Али – она скажет Вали»;
 Алиёр овга чикди, кетидан ғовға чикди – «Алияр пошел на охоту, за ним шум»;
 Бояги бояги бойхўжанинг таёғи – «все по-прежнему»;
 ишни қилади Эшмат, лофни қилади Тошмат – «работает Эшмат, хвалится Тошмат»;

- через обычаи:

ошиқ ўйнаган озар, тўп ўйнаган тўзар, ҳаммадан ҳам қўй боқиб, қуйруқ еган ўзар – «кто играет ошиқ¹, худеет; кто играет в мяч, изнашивается – всех опередит тот, кто пасет баранов и ест курдюк»;
 меҳмон келар эшикдан, ризки келар тешикдан – «гость приходит через дверь, а его доля через щель»;

- при помощи географических названий:

Тошкентнинг тариғини еган чумчуқ Маккадан қайтиб келади – «Воробей, который ел Ташкентское просо, возвращается из Мекки»;
 гап десанг қопқоп, иш десанг Самарқанддан топ (*про болтунов*);
 Хонқа² лининг бойини, Хива³ лининг камбағалини билиб бўлмайдиган – «не узнаешь Ханкинского богача и Хивинского бедняка»;

В **русском языке** такие пословицы, как:

Всяк Еремей про себя разумеет.
 Далеко кулику до Петрова дня.
 У черта на куличках.
 Не всё коту Масленица, будет и Великий пост.
 Хоть мошна пуста, да душа чиста.
 Какова погода в Чистый четверг, таково и в Вознесенье.
 У кого к Чистому понедельнику – скоромь в зубах навязнет, тот чертей во сне видит.
 В одном кармане Сочельник, в другом Чистый понедельник, –

отражают национально-культурные особенности русского народа путем упоминания традиционных русских праздников и обычаев. Например: «Чистый понедельник» – от первого понедельника во время большого Поста, а «Чистый четверг» – от

последнего четверга перед праздником Пасхи. Также национально-культурный характер русского народа проявляется в ПФ, связанных с лесом, полем, укладом жизни людей в деревнях, на хуторах, с охотой по глубокому снегу, воздухом русской зимы. Например:

Болото без черта не бывает.
 Растут как грибы после дождя.
 Заблудиться в трех соснах.
 Одного поля ягоды. Горький как полынь.
 Ни в лес, ни по дрова.
 Не картошка, зиму зимовать.
 Ни коня, ни воза.
 Сколько лет, сколько зим.
 Дела как сажа бела.
 Глядит, словно кот на сало.
 Как сыр в масле.
 Дым коромыслом.
 Липнут как мухи на мед.
 Куда ворон костей не заносил.
 Как сельди в бочке [Насиров, 2015, с. 33–38].

Как видим, национально-культурный характер в осязаемой степени отражен в вышеприведенных идиомах и пословицах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения над провербиальными фразеологизмами во французском, узбекском и русском языках позволили сделать ряд выводов.

Пословицы, поговорки, афоризмы, притчи и т. п., компоненты которых нанизаны на единую нитку, семантически цельные, по своей структуре равные предложению, независимо сформированные, воспроизводимые в готовом виде, полностью или частично использующиеся в переносном смысле, обладающие экспрессивно-эмоциональной выразительностью, считаются провербиальными фразеологизмами.

ПФ означают точную и законченную мысль. В них нет ни лишнего слова, ни лишнего описания, так как лаконичная мысль сама по себе с эстетической точки зрения имеет огромное значение. ПФ оценивают действительность как с положительной, так и с отрицательной точки зрения, отражая многие аспекты жизни народа со всеми его противоречиями.

С течением времени в семантической природе каждого ПФ возникает возможность появления множества разных выражений. Такое положение дел открывает путь для применения некоторых ПФ в рамках нескольких тем. Воспитательное значение ПФ заключается в том, что они

¹ Ошиқ – игровые кости, сделанные из копыт барана или быка.

^{2,3} Ханка и Хива – названия городов в Хорезмской области Республики Узбекистан.

дают человеку возможность сделать свой выбор, способствуют формированию общности людей, побуждают человека к действиям ради достижения своих целей.

Структурные изменения во фразеологии также рождаются на основе усиления смысла, необходимости достижения экспрессивно-эмоциональной выразительности. Измененная фразеология не только делает речь раздражающим явлением, но также придает тексту определенную стилистическую окрасченность, эмоциональность, дополнительное значение, облегчая тем самым понимание текста читателем.

Проблема трансформации ПФ и ФБ является предметом изучения, прежде всего, стилистики, целью которой является выявление средств достижения определенного стилистического эффекта, успеха, который возникает на основе представления автором того или иного события тем или иным образом или в результате стилистической потребности. Формируемые на этой основе индивидуально-авторские фразы широко используются в речи, занимают прочное место в литературном языке и в то же время обогащают фразеологический фонд конкретного языка.

Определены способы трансформации ПФ, такие как расширение структуры, вклинивание, неологизмы, явление эллипсиса, актуализация, изучены их стилистические особенности, выявлены случаи окказиональных изменений общенародных ПФ в художественном тексте на сопоставляемых языках, отмечено умелое использование этих единиц в отдельных случаях.

В процессе исследования выявлено, что превербальные фразеологизмы представляют собой значимое языковое явление, выражающее национально-культурные свойства французского, узбекского и русского народов, т. е. национально-культурные особенности представлены идиомами, отражающими культуру, обряды, уклад жизни, мировоззрение, этические и эстетические нормы нации, и выражениями в устной и письменной речи людей, использующимися в переносном смысле. Установлено, что национальное своеобразие

провербиальных фразеологизмов проявляется в непосредственном отображении социальной и бытовой жизни народов, в выражении их характера и качеств, в воспроизведении национальных обычаев и обрядов, в литературно художественном языке этих народов.

Сравнительное изучение национальных и общечеловеческих особенностей в ПФ во французском, узбекском и русском языках показывает, что национальные особенности и общие черты каждой нации олицетворяют в ПФ как национальное, так и общечеловеческое. В результате такого сопоставления выявлено несколько факторов: своеобразное прошлое, история и сегодняшний день каждой из трех наций в корне отличаются друг от друга. Эти народы имеют богатое духовно-культурное наследие. Оглядываясь назад на историю, можно увидеть, что влияние Франции на культуру, жизнь и язык России было велико, также в 1917–1991 гг., влияние русского языка на узбекский было огромным. Разумеется, это приводит к тому, что слова, фразеологизмы и провербиальные фразеологизмы в языке каждой нации заимствуются из одного языка в другой или несколько языков и служат основанием для возникновения общечеловеческих ценностей. У французов часто встречаются ПФ, связанные со своеобразными национальными блюдами, – такими как сыр, вино и лягушка, а у русских, исходя из свойств географического расположения их страны, встречаются ФЕ, имеющие отношение к растениям, животным, произрастающим и живущим в лесу, а в узбекском языке существуют ПФ, связанные с гостем и гостеприимством, чего нет в тематическом спектре французских ПФ. Эти ПФ отражают национальный колорит и национально культурные особенности узбекского народа.

Надеемся, что исследование и анализ фразеологических единиц и провербиальных фразеологизмов во французском, узбекском и русском языках, используемых в данной статье, будут полезны для преподавателей или студентов, изучающих французский, узбекский или русский языки, а также для тех, кто проводит исследования в области фразеологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бердияров Х., Расулов Р. Ўзбек тилининг паремиологик луғати = Паремиологический словарь узбекского языка. Ташкент: Ўқитувчи, 1984.
2. Аристотель. Поэтика. (Поэзия санъати ҳақида) / М. Маҳмудов ва У. Тўйчиевлар таржимаси. Ташкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1980.
3. Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire des proverbes et dictons. Paris: Le Robert, 1989.
4. Martel M. Petit recueil des proverbes français. Paris, 1983.
5. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 118–139.

6. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Наука, 1967.
7. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. М.: Международные отношения. 1972. С. 7–9.
8. Le petit Larousse. Paris, 1999.
9. Нарзикулов А. М. Французская фразеология и вопросы французско-узбекского художественного перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
10. Насиров А. А. Семантико-стилистические и национально-культурные особенности proverbialных фразеологизмов во французском, узбекском и русском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 2016.
11. Гак В. Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Дрофа, 2005.
12. Nasirov A. The semantic area of proverbial phraseological units // Oxford Review of Education and Science. 2016. Vol. 1(11). P. 555–565.
13. Насиров А. А. Семантические особенности proverbialных фразеологизмов // Российская тюркология / Институт языковедения РАН. 2015. Вып. 2 (13). С. 69–76.
14. Маматов А. Э. Очерки по французской фразеологической стилистике. Ташкент: Ўқитувчи, 1989.
15. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: Госполитиздат, 1961.
16. Шомаксудов Ш., Шарахмедов Ш. Маънолар махзани. Ташкент: Ўзбекистон миллий давлат энциклопедияси, 2001.
17. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языковедению. М.: Прогресс, 1984.

REFERENCES

1. Berdiyarov, X., Rasulov, R. (1984). Paremiological dictionary of the Uzbek language. Tashkent: Teacher.
2. Aristotel. (1980). Poetic. Translated by M. Mahmudov and U. Tuychiyev. Tashkent: Publishing House of Literature and Art.
3. Montreynaud, F., Pierron, A., Suzzoni, F. (1989). Dictionnaire des proverbes et dictons. Paris. Le Robert.
4. Martel, M. (1983). Petit recueil des proverbes français. Paris.
5. Vinogradov, V. V. (1977). Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline. Selected Works. Lexicology and lexicography. Moscow: Nauka. 118–139. (In Russ.)
6. Reformat'skiy, A. A. (1967). Introduction to linguistics. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Kunin, A. V. (1972). Phraseology of modern English. Moscow: International relations. P. 7–9. (In Russ.).
8. Le petit Larousse (1999). Paris.
9. Narzikulov, A. M. (1969). Frantsuzskaya frazeologiya i voprosi frantsuzsko-uzbekskogo xudojestvennogo perevoda = French phraseology and questions of the French-Uzbek literary translation: PhD in Philology. Leningrad. (In Russ.)
10. Nasirov, A. A. (2016). Semantiko-stilisticheskie i natsionalno-kulturnie osobennosti proverbialnix frazeologizmov vo frantsuzskom, uzbekskom i russskom yazikax = Semantic-stylistic and national-cultural peculiarities of proverbial phraseological units in French, Uzbek and Russian languages: Senior Doctoral thesis in Philology. Tashkent. (In Russ.)
11. Gak, V. G. (2005). New large French-Russian phraseological dictionary. Moscow: Drofa. (In Russ.)
12. Nasirov, A. (2016). The semantic area of proverbial phraseological units. Oxford Review of Education and Science. University of Oxford: Oxford University Press, 1 (11), 555–565.
13. Nasirov, A. A. (2015). Semantic features of proverbial phraseological units. Russian Turcology / Institute of Linguistics RAS, 2 (13), 69–76. (In Russ.)
14. Mamatov, A. E. (1989). Ocherki po frantsuzskoy frazeologicheskoy stilistike = Essays on French phraseological stylistics. Tashkent: Teacher. (In Russ.)
15. Ilf, I., Petrov, Ye. (1961). Zolotoy telenok = The Golden Calf. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
16. Shomaqsudov, Sh., Sharaxmedov, Sh. (2001). Ma'nolar maxzani = Commentary of meanings. Tashkent: National State Encyclopedia of Uzbekistan
17. Humboldt, V. fon. (1984). Izbrannie trudi po yazikovnaniyu = Selected works on linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Насиров Абдурахим Абдимуталипович

доктор филологических наук, профессор Узбекского государственного университета мировых языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nasirov Abdurahim Abdimutalipovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of Uzbekistan State World Languages University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Тема переселения в русских пословицах и поговорках и контексты лексемы «миграция» в дискурсе российских СМИ: источники формирования концепта «миграция»

Е. О. Опарина

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, Россия
ellenoparina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются смысловые параллели между контекстами употребления слова *миграция* в дискурсе российских СМИ, с одной стороны, и репрезентацией темы переселения в русских пословицах и поговорках – с другой. Цель работы – исследовать их роль как компонентов конструирования концепта «миграция». Исследование проводится на материале Национального корпуса русского языка и русских паремий, собранных В. И. Далем. Выявленные параллели позволяют считать традиционные паремии одним из источников формирования концепта «миграция» в современной русской лингвокультуре.

Ключевые слова: тема миграции в дискурсе СМИ, пословицы и поговорки, концепт, контекст, сочетаемость, язык и культура

Для цитирования: Опарина Е.О. Тема переселения в русских пословицах и поговорках и контексты лексемы «миграция» в дискурсе российских СМИ: источники формирования концепта «миграция» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 79–84. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_79

Original article

The Theme of Resettlement in Russian Proverbs and the Contexts of the Noun “Migration” in Russian Mass-Media Discourse: the Sources of the Concept “Migration”

Elena O. Oparina

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INIION RAN), Moscow, Russia
ellenoparina@gmail.com

Abstract. In this article we analyze the correlations between the use of the word migration in Russian mass-media discourse, on the one hand, and the theme of RESETTLEMENT in traditional Russian proverbs and sayings, on the other. The aim is to examine their role as elements constructing the concept ‘migration’. The study is carried out on the materials of the National Corpus of the Russian language and the collection of paremia by V.I. Dahl. The material presents traditional paremia as a source for the formation of the concept in modern Russian language and culture.

Keywords: the theme of migration in mass-media discourse, proverbs, concept, context, collocability, language and culture

For citation: Oparina, E. O. (2022). The theme of resettlement in Russian proverbs and the contexts of the noun “migration” in Russian mass-media discourse: the sources of the concept “migration”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 79–84. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_79

ВВЕДЕНИЕ

В когнитивной лингвистике стало практически общепризнанным утверждение о том, что знания и представления человека о мире и о себе в значительной степени сформированы его культурным опытом – опытом отдельной личности и представителя языкового сообщества. Темы взаимодействия языка и культуры в синхронном (точнее, панхронном) плане и в динамике, их роль в конструировании системы знаний, представлений и ценностей человека входят в основу лингвокультурологических исследований: «Предметная область лингвокультурологии – изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры – субъектов языка и культуры» [Телия, Дорошенко, 2008, с. 210–211].

Наша гипотеза состоит в том, что концепт 'миграция' как часть обиходной картины мира современного русского языка в настоящее время находится в стадии формирования. Языковые концепты конструируются и переконструируются в дискурсивных практиках, черпая смысл из разных культурных и языковых источников. Цель статьи – проследить роль двух источников в процессе формирования концепта «миграция». Объектом анализа в статье являются, с одной стороны, традиционные русские паремии, в которых говорится о теме переселения (центральной для понятия и концепта миграции); с другой – медиа-дискурс, в котором обсуждается и разъясняется явление современной миграции. Важно, что в анализируемых текстах СМИ присутствует комплекс оценочно окрашенных представлений о миграции и мигрантах, что проявляется в сочетаемости и контекстах употребления лексемы *миграция*. Ценностный параметр – один из важнейших для культуры и ее репрезентации в вербальных формах. Перефразируя высказывание Н. Н. Трошиной о стереотипах восприятия лингвокультурных типажей, можно сказать, что концепты, будучи динамичным по своей природе явлением, «конструируются в соответствии с задачами дня, т. е. в контексте определенной политической и социокультурной ситуации, которая расставляет свои концептуальные опоры в речевой практике и создает, таким образом, концептуальное поле выстраиваемого стереотипа, вербализуя соответствующие представления» [Трошина, 2016, с. 128]. Взгляд на концепт как на развивающееся, по своей сути незавершенное, явление изложен также в работе В. А. Подороги [Подорога, 2013].

Пословицы и поговорки рассматриваются как языковой локус, в значительной степени

формируемый архетипическими пластами культуры, которые и в наше время живут в культурном и языковом сознании носителей языка. Поэтому паремии стали одним из значимых объектов изучения в лингвокультурологическом направлении [Ковшова, 2017]. В новых условиях (имеются в виду последние десятилетия XX в. и XXI в.) традиционные пословицы и поговорки могут актуализироваться, формируя или перестраивая культурные концепты. Мы рассматриваем тему *переселения*, представленную в традиционных пословицах и поговорках, как предпосылку для формирования концепта «миграция» в русском языковом сознании и как одну из его составляющих.

Исследование проводится методом сопоставления данных семантики, полученных на материале сборника «Пословицы русского народа», составленного В. И. Далем [Даль, 2009], и на материале «Национального корпуса русского языка»¹, отражающего современное словоупотребление.

В задачи статьи не входит полный анализ концепта «миграция» как базового для миграционного дискурса. Детальное изучение ассоциативно-вербального поля данного концепта, основанное на ассоциативном эксперименте, было проведено в работе Е. О. Зубаревой [Зубарева, 2019].

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА

Существительное *миграция* функционирует в разных предметных сферах современного русского языка как термин. Лексема восходит к *лат. migratio* «переселение», которое, в свою очередь, происходит от глагола *migro* «перехожу». Слово обозначает признак, который непременно должен присутствовать в жизнедеятельности и в жизненных циклах, а именно «движение», «передвижение». Толковый словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой дает следующую дефиницию тому значению слова, которое относится к общественно-политической сфере и которое мы будем рассматривать в статье: «Перемещение населения в пределах одной страны или из одной страны в другую. *Внутренняя миграция. Международная миграция*»².

Ментальную основу терминов составляют понятия, фиксирующие знания о мире, которые стремятся к следованию логике и возможному на данном этапе развития научных знаний воссозданию объективности и точности: «Понятие – форма логического мышления, образ, фиксирующий

¹ URL: <http://www.ruscorpora.ru>

² URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/%D0%BC/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F?ysclid=lxxy2oj1t177127069>

общие и существенные признаки и свойства предметов и явлений»¹.

Когнитивная основа повседневного общенародного языка является иной. В антропоцентрической парадигме языкознания, в частности в лингвокультурологии, одним из базовых понятий является «обиходная языковая картина мира». Обиходная языковая картина мира несет в себе не только языковую, но также культурную информацию, обязательным компонентом которой являются ценностные коды, хранящиеся, в культурно-языковом сознании субъектов речи и языка [Телия, 1996; Опарина, 2017]. Таким образом, в обиходной языковой картине мира заключена особая, свойственная данному языку система представлений о внешнем мире и о человеке, что отличает ее от картины мира, построенной на логике.

Термин *миграция* в социально-политическом значении, в связи с важностью обозначаемого им явления для социальной жизни России и ее широким обсуждением в средствах массовой коммуникации, вышел за пределы терминосистемы и стал частью общенародного языка. Можно предположить, что семантика термина обретает черты концепта из обиходной языковой картины мира со свойственным ей культурным содержанием. Такая динамика должна проявляться в сочетаемости лексемы и в ее ближайших контекстах.

В результате изучения языкового материала в сборнике В. И. Даля мы выделили среди паремий, относящихся к нашей теме, несколько групп. Отметим, что в основе всех этих паремий прослеживается архетипическая оппозиция «свое» – «чужое» с преобладающим взглядом на чужое как подозрительное и враждебное.

Немалое количество паремий выражает идею предпочтительности «своего» пространства, в них явно прослеживается установка «жить надо на своей родной земле (*на своей стороне*), в своем доме». Для выражения этой установки используется метафора «родная земля – мать», а также другие метафоры и сравнения из природного кода культуры. Таким образом, подчеркивается «естественность» для традиционной культуры данной установки. Приведем ряд паремий:

Своя избушка – свой простор.
Своя хатка – родная матка.
Всякому мила своя сторона.
Родимая сторона – мать, чужая – мачеха.
Своя земля и в горсти мила.
Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома.

Незачем далеко, и здесь хорошо.
Где выросла сосна, там она и красна.
Всяк кулик свое болото хвалит.

А также популярное и в наши дни: «Где кто родился, там и пригодился». При этом: «На чужой стороне и весна не красна».

Прослеживается и установка, состоящая в том, что «каждое пространство, которое для кого-то “свое”, имеет право на собственные обычаи и правила». «Своеобычие» (таково название соответствующего тематического раздела в сборнике В. И. Даля) представлено как нормальное состояние:

Всяк своим умом живет.
Всякая хозяйка на свой лад.
Что изба, то и стряпня.
Что двор, то и говор.
Обычай не клетка – не переставишь.
Что конь, то и норов.

Попытки перенести «свои» обычаи в «чужой» дом не одобряются:

В чужом доме не указывают.
Дом дому (хозяин хозяйну) не указ.
В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

При этом общение со «своими» предпочитается общению с «чужими», которые могут быть опасными:

Свой своего знает (видит) издалика.
Сапог с сапогом, лапоть с лаптем.
На чужой стороне и ребенок враг [Даль, 2009].

Позволяют ли примеры из современных текстов выявить смысловые и оценочные пересечения с традиционными паремиями?

Посмотрим на массив текстов, связанный с лексемой *миграция*. Выбранные примеры, заимствованные из «Национального корпуса русского языка» и с сайта «Миграция – Викисловарь», отражают современное употребление слова – его воспроизводимую сочетаемость и контексты.

Среди воспроизводимых словосочетаний: *внутренняя миграция; внешняя миграция; массовая миграция; трудовая миграция; легальная миграция; нелегальная миграция; маятниковая миграция; миграция населения; процессы миграции*. Преобладает атрибутивная сочетаемость лексемы *миграция*, которая характеризует явление по различным объективным параметрам – по причинам и целям, по охвату определенных групп людей, по

¹ Краткий словарь философских терминов. URL: https://nenuda.ru/краткий_словарь_философских_терминов

отношению к закону и т. д.: *трудовая миграция, образовательная миграция, депортационная миграция, межрегиональная миграция, челночная миграция, расовая миграция, имущественная миграция, возрастная миграция, семейная миграция, легальная миграция, нелегальная миграция* и др.¹

Однако даже словосочетание **массовая миграция**, фиксирующее объективное положение дел, но описывающее ситуацию как выходящую за границы привычного (а значит, для сознания носителей языка, за границы нормы), часто связывается в дискурсе СМИ с оценочным отношением, основанным на тревожных ожиданиях или на имеющемся негативном опыте. Значительная доля встречающихся в НКРЯ воспроизводимых коллокаций имеет негативную оценочность.

Негативная характеристика миграции ярко проявляется также в более широких контекстах. В подобных контекстах актуализируются признаки «угроза для местного населения, для своей страны», «опасность». Миграция связывается и ставится в ряд с другими общественно опасными явлениями. Данные признаки явления миграции присутствуют и в тех контекстах, которые не стремятся представить мигрантов как врагов:

Самые устойчивые **ассоциации слова «миграция»** у нас – либо «утечка мозгов», либо наплыв дешевой рабочей силы²: *А вот незаконная миграция – это проблема кричащая. Когда неконтролируемая миграция обвалила рынок труда и дала существенный рост преступности, многие посмотрели на проблему под иным углом зрения. К проблемам подобного рода относятся: наркомания и коррупция во всех структурах власти, беспризорность, преступность против детей, инфляция, вредная экология, замусоривание территорий, незаконная миграция, фальсификация лекарств ... и многое другое*³.

Убежденность в «аномальности» миграции, перекликающаяся с пословичным представлением о том, что «правильно жить на своей земле, в своей стороне», также присутствует в современных медиатекстах. Она объясняется мотивами, понятными современному человеку:

Таковы, например, **миграция из зависти** и **миграция из-за комплекса неполноценности**. Миграция из

зависти к жителям более благополучных мест. Миграция из-за комплекса неполноценности. Некоторые индивиды не способны находить себя в повседневной жизни: таковые есть в любом обществе. Дело в том, что **миграция** – это проблема неудовлетворенных потребностей, энергия которых преобразуется в энергию перемещения⁴.

Проблема имеет международный характер, так как есть **внешняя миграция**, которая также часто **массовая, незаконная** и представляет собой опасное явление:

Массовая миграция населения, приобретающая в настоящее время глобальный характер, также превращается в серьезный источник обострения социально-экономической обстановки в мире; Мы разделяем мнение о том, что терроризм и такие проблемы, как организованная преступность, незаконный оборот наркотиков, оружия и радиоактивных материалов, а также **незаконная миграция** представляют собой угрозы для регионального и международного мира, стабильности и процветания; **Незаконная миграция** – серьезная проблема как для российских, так и для армянских властей⁵.

Приведенные примеры не означают, однако, что слово *миграция* встречается в российских массмедиа только в негативных контекстах и коллокациях, т. е. что оно формирует исключительно негативный комплекс представлений. В Национальном корпусе встречаются контексты, в которых говорится о закономерности явления, объективности вызывающих миграцию причин, а также о ее позитивных сторонах. В подобных случаях контексты выполняют функцию, которую можно назвать дидактической. Они содержат анализ ситуаций, в них объясняются причины и роль явления миграции в экономической и политической жизни общества. Этим они как бы «ведут дискуссию», имплицитную или эксплицитную, со стереотипным взглядом на миграцию и мигрантов, который восходит к традиционным представлениям, «питающимся» архетипами:

С конца 1980-х годов **миграция населения** в России определяется особенностями глубокого и затяжного трансформационного кризиса, охватившего базовые принципы организации общества, распадом СССР, а также либерализации внутренней и внешней миграции. Благодаря социально-экономическим функциям, **внутренняя миграция** является одним из средств адаптации населения к новым

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>; Миграция // Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>

² Значение слова «миграция». URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>

³ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora>

⁴ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora>

⁵ Там же.

условиям, территориального перераспределения населения под воздействием изменения отраслевой и территориальной структур производства.

Внутренняя миграция – это хороший барометр состояния страны. В современных условиях **положительная миграция** является атрибутом динамично развивающихся центров роста: в их числе г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область ... и др. **Миграция из малых городов в крупные** была всегда. Именно поэтому в России доминируют не переезды, а **трудо-вая миграция**, когда люди снимают жилье там, где они нашли работу. Особым видом **трудо-вой миграции** является так называемая «**маятниковая**» **миграция**, представляющая собой ежедневные передвижения рабочей силы к месту работы и обратно к месту жительства¹.

Отметим также, что лексемы *миграция* и *мигрант(ы)* появляются в наименованиях государственных и общественных мероприятий и организаций, т. е. участвуют в процессе номинации общественных практик. Это также свидетельствует об их роли в создании концепта, становящегося частью обиходной языковой картины мира. В основном такие наименования фигурируют в контекстах, связанных с темами опасности и законности / противозаконности:

Дополнительно проводится оперативно-профилактическое **мероприятие «Незаконный мигрант»** с целью выявления незаконных мигрантов, находящихся на территории Оренбургской области, незаконно проживающих и т. п. – **Операции** вроде «**Мигрант**» или «Иностранец» проводятся в Москве и других регионах постоянно – добавил заместитель начальника управления ГУВД. Сегодня ... около скульптуры «Легенда о пермском медведе» пройдет **пикет «Стоп, миграция»**. Гавхар Джураева – руководитель **центра «Миграция и закон»** при московском фонде «Таджикистан». Руководитель **программы «Миграция и право»** С. А. Ганнушкина².

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora>

² Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе материалов Национального корпуса русского языка можно сделать определенные выводы. Тема миграции в последние десятилетия активно обсуждается в массмедиа, она стала заметной частью дискурса СМИ. Воспроизводимая сочетаемость лексемы *миграция* и контексты ее употребления демонстрируют различия в отношении субъектов речи к обозначаемому явлению и, как следствие, противоположные оценочные знаки.

Мы рассматриваем данные факты как свидетельство того, что в языковом сознании носителей русского языка формируется концепт «миграция» как часть обиходной языковой картины мира. На его содержание оказывают влияние различные культурные и языковые источники. Среди них, с одной стороны, традиционные представления русского народа, закрепленные в пословицах и поговорках. В паремиях тема переселения со своей земли в чужую трактуется через архетипическую оппозицию «свое» – «чужое» с явным предпочтением «своего». Архетипический пласт культуры – один из наиболее глубоких и оказывает сильное влияние на мировоззрение субъектов языка и культуры [Телия, 1996]. Мы полагаем, что архетипы играют в формировании культурного концепта «миграция» роль когнитивных предпосылок – пресуппозиций.

С другой стороны, при осмыслении и обсуждении темы миграции мы имеем дело с реалиями XXI века, когда в средствах массовой коммуникации слово *миграция*, которое по происхождению принадлежит к терминосистеме (вернее, к ряду терминосистем различных предметных областей науки), стало общераспространенным. Однако к настоящему времени вследствие широкого употребления слова в дискурсе СМИ оно вышло за пределы терминосистемы и становится вербальной основой для формирования концепта «миграция» как части обиходной языковой картины мира русского языка. Можно предположить, что данный концепт формируется как «амальгама», включающая в себя компоненты, различающиеся по происхождению, смысловым и формальным характеристикам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н., Дорошенко А. В. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости нескольких словных образований // Язык. Культура. Общение: сборник научных трудов в честь юбилея С. Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 207–216.
2. Трошина Н. Н. Дискурсивное конструирование стереотипов (на примере стереотипа HOMO AUSTRIACUS) // Лингвокультурологические исследования: язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / отв. ред. М. Л. Ковшова. Москва: ЛЕНАНД, 2016. С. 128–131.

3. Подорога В. А. Как мыслит лингвист? Теория концепта и философия языка Ю. С. Степанова: (наброски к теме) // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов Первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова / под ред. В. З. Демьянкова и др. Москва: Ин-т языкознания РАН; Калуга: ИП Шилин И. В. (Эйдос), 2013. С. 13–21.
4. Ковшова М. Л. К вопросу о культурной референции пословиц: (на материале русских пословиц с образами одежды) // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 3. С. 67–93.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. 4-е изд., стереотип. Москва: Русский язык Медиа, 2009.
6. Зубарева Е. О. Языковая репрезентация концепта МИГРАЦИЯ // Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Ицина А. Б., Костева В. М. и др. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография. Пермь: Perm University Press, 2019. С. 65–112.
7. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996.
8. Опарина Е. О. Вероника Николаевна Телия // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 611–620.

REFERENCES

1. Telija, V. N., Doroshenko, A.V. (2008). Lingvokul'turologija – ključ k novoj real'nosti fenomena vosproizvodivosti neskol'koslovnykh obrazovanij = Linguoculturology as a key to the new reality of reproducibility phenomenon of analytical formations. Language. Culture. Communication (pp. 207–216): coll. of works devoted to the anniversary of S. G. Ter-Minasyan. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Troshina, N. N. (2016). Diskursivnoje konstruirovanije stereotipov (na primere stereotipa HOMO AUSTRIACUS) = Discursive constructing of stereotypes: On the example of the stereotype HOMO AUSTRIACUS. Linguoculturological researches: the language of linguoculturology: theory vs. empiry (pp. 128–131). Moscow: LENAND. (In Russ.)
3. Podoroga, V. A. (2013). Kak myslit lingvist? Teorija kontsepta i filosofija jazyka Ju. S. Stepanova: (nabroski k teme) = How does a linguist think? Ju. S. Stepanov's philosophy of language and the theory of concept: (sketches to the theme). Linguistic parameters of modern civilization (pp. 13–21). Collected papers of the First conference in memoriam Ju. S. Stepanov, academician of RAN. Moscow: The Institute of Linguistics, RAN; Kaluga: IP Shilin I. V. (Eidos). (In Russ.)
4. Kovshova, M. L. (2017). On the problem of proverbs' cultural reference (on the material of Russian proverbs with the images of clothes). Slovo.ru: baltijskij akcent, 3(8), 67–93. (In Russ.)
5. Dahl, V. I. (2009). Poslovitsy Russkogo naroda = Proverbs of Russian people. Moscow: Russkij jazyk Media. (In Russ.)
6. Zubareva, E. O. (2019). Jazykovaja reprezentatsija kontsepta MIGRATSIIA = Linguistic representation of the concept MIGRATION. In E. O. Zubareva, E. V. Isajeva, A. B. Itsina, V. M. Kosteva et al., Migration linguistics in modern humanitarian paradigm (pp. 65–112): a monograph. Perm: Perm University Press. (In Russ.)
7. Telija, V. N. (1996). Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow: Jazyki Russkoj kul'tury. (In Russ.)
8. Oparina, E. O. (2017). Veronika Nikolajevna Telija = Veronica N. Telija. Russian linguists of the XXth century (pp. 611–620). Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Опарина Елена Олеговна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oparina Elena Olegovna

Ph.D. (Philology), Senior Researcher, Senior Researcher at the Department of Linguistics,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья

УДК 81'276.3, 81'221.22

DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_85

Жестовое поведение при описании негативных событий в гендерном аспекте

А. А. Рашина¹, М. В. Томская²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹anastasiarashina@gmail.com

²scog@linguanet.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования жестов, производимых мужчинами и женщинами в нарративах о негативных событиях. Квантитативный анализ видеозаписей, аннотированных в ELAN, показал наличие различий в количестве жестов у женщин и мужчин. Данные показатели могут свидетельствовать о важной роли жеста в речевом поведении человека в зависимости от пола. Исследование также выявило увеличение количества жестов при описании негативных событий. Было обнаружено, что чаще всего оно сопровождается прагматическими жестами.

Ключевые слова: гендер, конструирование гендера, нарратив, жест, жестовое поведение, (негативное) событие

Благодарности: Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (проект № AAAA-A20-120071690041-3).

Для цитирования: Рашина А. А., Томская М. В. Жестовое поведение при описании негативных событий в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 85–92. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_85

Original article

Gesture Behavior in the Description of Negative Events: Gender Aspect

Anastasia A. Rashina¹, Maria V. Tomskaya²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹anastasiarashina@gmail.com

²scog@linguanet.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study of gestures produced by men and women in the narrative about negative events. The quantitative analyses of the video recordings, annotated in ELAN, have shown the presence of differences in the amount of gestures by women and men. This might suggest that gestures play an important role in speech behavior in respective of gender. The study has also revealed an increase in amount of gestures when describing negative events. Pragmatic gestures are most often used in the narrative about negative events.

Keywords: gender, gender construction, narrative, gesture, gesture behavior, (negative) event

Acknowledgments: The research is carried out at the MSLU within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia (project AAAA-A20-120071690041-3).

For citation: Rashina, A. A., Tomskaya, M. V. (2022). Gesture behavior in the description of negative events: gender aspect. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 5(860), 85–92. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_85

ВВЕДЕНИЕ

Философские течения, возникшие во второй половине XX века, вернули фокус внимания ученых к антропоцентрическим исследованиям, среди которых можно выделить гендерные исследования. Пол как важнейшая характеристика человека стал объектом исследования, прежде всего, благодаря феминистскому течению, развернувшему борьбу за гендерное равноправие не только в политике, социологии, экономике и т. п., но и в языкознании. Однако сформировавшаяся в конце XX века свободная от политической ангажированности гендерная лингвистика изучает в первую очередь то, как проявляется в языке и речи процесс осмысления культурой и обществом различий между полами, а также результаты этого процесса [Кирилина, 2006].

Наибольший интерес представляет изучение гендерных аспектов устной спонтанной коммуникации и в этой связи на первый план выдвигается исследование взаимосвязи вербальных и невербальных комплексов, которое соответствует современной тенденции полимодальных исследований в лингвистике, обусловленной междисциплинарностью гуманитарных наук в целом.

В настоящей статье мы сосредоточили внимание на взаимодействии вербального и невербального аспектов устного нарратива. В частности, интерес для нас представляли способы вербального и невербального конструирования событий и пережитого негативного опыта говорящими в зависимости от их гендерной принадлежности. Данная работа является продолжением полимодальных исследований, начатых Центром СКоДис МГЛУ в 2014 г. под руководством профессора А. Ченки.

Мы исходили из следующих предположений:

- 1) при описании негативных событий прошлого говорящий начинает жестикулировать с большей интенсивностью;
- 2) при описании негативных событий прошлого женщины склонны жестикулировать чаще, чем мужчины.

ЖЕСТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСТНОМ НАРРАТИВЕ

Прежде чем, обратиться непосредственно к речевому поведению говорящих, остановимся кратко на понятии нарратива. Базовым определением принято считать дефиницию, предложенную Б. Х. Смит в следующей интерпретации: «Кто-то сказал кому-то, что что-то произошло» [Smith, 1981, с. 228]. Однако современное понятие нарратива имеет гораздо больше трактовок, поскольку оно связано не столько с лингвистическими,

сколько с междисциплинарными исследованиями. Многообразие аспектов нарратива определяет возможность применения нарративного подхода в антропологических исследованиях, в том числе в изучении идентичности человека.

Нарративный подход по своей сути связан с проблематикой идентичности человека, главный вопрос при этом заключается в том, каким образом нарратив принимает участие в конструировании личности рассказчика. Ученые предлагают рассматривать нарративы как «манифестации» идентичностей и через структуру и содержание этих историй составлять представление об авторе [McAdams, 2011], анализировать контекст ситуаций повествования, исследовать конкретные обстоятельства взаимодействия, в которых конструируются идентичности, выделять шаблоны структурирования опыта и типичные истории [Брунер, 2005].

Практически любое повествование сопровождается жестами, которые играют важную роль в диалектическом взаимодействии слова и жеста. В настоящее время проведено достаточно исследований, посвященных изучению взаимосвязи речи и жестов [Kendon, 2004; Cienki, 2013; Ирисханова, Маковеева, Томская, 2021 и др.], которые позволяют расширить перспективы когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языка и речи [Кубрякова, 2004]. Невербальные знаки могут выступать вспомогательным механизмом для более точного выражения и описания ситуации [Крейдлин 2006]. Высказывание и жест взаимосвязаны во время коммуникации, поскольку каждый компонент дополняет другой, вместе они образуют так называемые мультимодальные кластеры [Гришина, 2011].

Жесты имеют особенности, которые отличают их от обычных движений, в частности они обладают:

- 1) осознанностью – движение тела производится говорящим осознанно, зачастую заменяя им слово [Kendon, 2004];
- 2) информативностью – движение превращается в жест, когда несет в себе какую-либо информацию [Моррис, 2010];
- 3) намеренностью – движения тела осуществляются намеренно для передачи какой-либо информации [Kendon, 2004].

Некоторые исследователи дополняют список особенностей жестов, к примеру, Е. А. Гришина в своей работе «Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения» называет основными параметрами жестов их контролируемость и бескорыстие. Автор утверждает, что жесты являются некой метафорой и что у говорящего всегда

есть выбор, использовать ли жест в конкретной ситуации или нет [Гришина, 2017].

Вышеизложенное позволяет нам рассматривать жестикуляцию как своего рода отражение когнитивных процессов, происходящих в голове говорящего в момент производства речи. В этой связи нам представляется актуальным рассмотрение *речевых жестов* (co-speech gestures), под которыми подразумеваются жесты, сопровождающие устную речь. Спонтанные жесты, сопутствующие речи, помогают исследователям понять, каким образом говорящий конструирует мир во время производства устной речи [Ирисханова и др., 2021].

Для этого необходимо определить, какого рода жесты используются говорящими. Во многих работах нередко применяется классификация Д. МакНила, который предлагает следующие категории жестов – иконические, копирующие наблюдаемые свойства объектов, метафорические, представляющие образ-схемы в основе метафорической концептуализации абстрактных сущностей, дейктические жесты, указывающие на компоненты коммуникативной ситуации, и жесты-биты, ритмически подчеркивающие фрагменты речи [McNeill, 1992]. В нашей работе мы взяли за основу классификацию жестов, предложенную К. Мюллер и А. Ченки, которые развивая идеи А. Кендона и Д. МакНила, выделяют следующие функциональные типы жестов, сопровождающих речь: референтные жесты, к которым относятся указательные и репрезентирующие жесты, иконически соотнесенные со свойствами объекта; прагматические жесты для выражения отношения говорящего к референту или собеседнику; жесты, структурирующие дискурс для обеспечения связности дискурса [Müller, 1998; Cienki, 2013].

Гендерный аспект жестового поведения человека рассматривался детально лишь в ряде лингвистических работ. Так, Г. Е. Крейдлин, опираясь на труды отечественных и зарубежных исследователей, утверждает, что существуют два стиля коммуникативного поведения, включая невербальное: мужской (маскулинный) и женский (фемининный). При этом они не соотносятся напрямую с полами, хотя очевидно, что у женщин преобладающим является фемининный, а у мужчин – маскулинный тип. Это позволило ввести в оборот понятие невербального стиля, внутри которого можно выделить жесты, позы и проч. Они стали оцениваться как женские и, соответственно, мужские, независимо от реального пола их носителя [Крейдлин, 2005]. Некоторые исследователи составили даже специальные формы для определения типов мужского и женского поведения, присущих представителям той или иной культуры [Barlow et al., 1979; Perkins,

1986]. Исследования невербального поведения мужчин и женщин, по-нашему мнению, нельзя назвать однозначными, поскольку на жестикуляцию влияют очень многие факторы, однако нельзя отрицать того факта, что женщины и мужчины могут жестикулировать по-разному в силу социокультурных и иных обстоятельств.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проверки выдвинутых гипотез нами проведен анализ эмпирического материала, полученного в ходе записи спонтанных нарративов, рассказанных друг другу молодыми людьми в возрасте от 18 до 23 лет, знакомых между собой и находящимися в приятельских отношениях. Все отобранные участники эксперимента имеют примерно одинаковый возраст, уровень образования, социальный статус, профессиональную направленность и проч. Языком эксперимента является русский, все испытуемые являются носителями русского языка.

Участие в эксперименте было добровольным, все участники подписали письменное согласие на участие и на использование и демонстрацию данных, собранных в ходе эксперимента, в научных целях.

Во время эксперимента испытуемым была предложена в качестве подготовительной фазы общая тема для обсуждения: расскажите о Вашем любимом месте, городе или стране. Далее были предложены несколько тем на выбор, которые должны были вызвать у них либо позитивные, либо негативные воспоминания: расскажите, когда Вы испытывали трудности в одной из приведенных ситуаций, или расскажите о случае, когда Вы сделали что-то, чем можете гордиться.

Рассказы испытуемых записывались на видеокамеру, запись велась спереди, на белом фоне, испытуемые сидели друг против друга, благодаря чему можно было видеть как движения рук и тела, так и мимику говорящих. Далее готовые записи были интегрированы в программу для аннотирования видеозаписей ELAN (см. рис. 1), которая была создана в НИИ психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене (Нидерланды).

Для данной статьи были отобраны и проанализированы 4 записи общей продолжительностью 56 минут 62 секунды – беседа между однополыми участниками эксперимента: 2 пары мужчина / мужчина, 2 пары женщина / женщина.

Из полученных записей, интегрированных в программу ELAN, были выделены фрагменты, в которых описывается негативный опыт испытуемых. Данные фрагменты были аннотированы, при этом было размечено каждое употребление жеста (см. рис. 1).

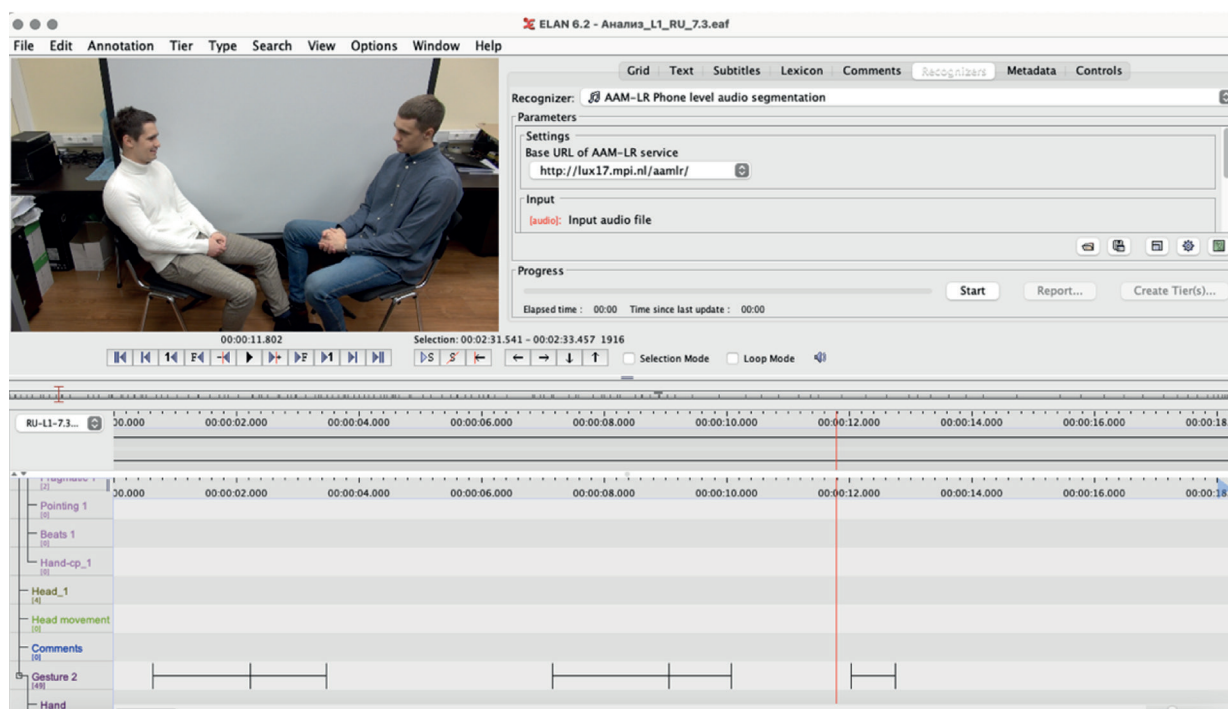

Рис. 1. Скриншот экрана с записью, интегрированной в программу ELAN

Для количественного анализа нами выделялись в соответствии с принятой классификацией следующие категории жестов:

- (само)адаптеры (потирание рук и др.);
- репрезентирующие жесты, изображающие различного рода характеристики объектов описания (см. рис. 2);
- прагматические жесты, выражающие отношение говорящего к описываемому;
- дейктические жесты, указывающие на объекты описания;
- ударные жесты – ритмичные движения рук.

Далее был проведен количественный анализ выявленных жестов по функциональным категориям в зависимости от гендерной принадлежности говорящих.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Во время сбора и анализа материала мы обратили внимание на то, что испытуемые чаще всего выбирают для описания негативные события прошлого. Все участники эксперимента в отобранных видеофайлах описывали негативные ситуации, связанные с бюрократической волокитой, аварией или конфликтами.

На данном этапе исследования мы отобрали фрагменты, содержащие описания данных событий и провели количественный анализ использованных жестов.

Выявлено, что количество жестов при описании негативных событий возрастало, испытуемые как будто заново испытывали эмоции, связанные с

Рис. 2. Репрезентирующий (изобразительный) жест:
И он согнулся вот таким углом

пережитыми неприятными событиями, участниками или свидетелями которых они стали.

При первичном анализе нами было обнаружено 280 случаев употребления жестов (см. табл. 1.), из них:

- 42 (само)адаптера;
- 35 репрезентирующих;
- 129 прагматических;
- 48 дейктических;
- 26 ударных жестов.

Как мы можем видеть из приведенных выше данных, при описании негативных ситуаций прошлого чаще всего используются прагматические жесты (129 случаев), которые выражают отношение говорящего к событию и апеллируют к слушающему. Частотность прагматических жестов подтверждается также результатами проведенных ранее полимодальных исследований спонтанной устной речи (например, при описании событий прошлого, при синхронном переводе). Данный факт может быть обусловлен также тем, что прагматические жесты, помимо функции отражения интенции говорящего, нередко выполняют функцию структурирования повествования об уже пережитом событии, привлечения внимания слушающего к описываемому и выражения, среди прочего, эмоционального состояния говорящего.

Предположение о том, что женщины склонны жестикулировать чаще мужчин, на данном материале подтверждается. Числовые данные

демонстрируют, что женщины жестикулировали почти в два раза чаще мужчин (из 280 жестов 183 произведены женщинами и 97 – мужчинами).

Обратим внимание на некоторые любопытные моменты, которые были обнаружены нами. Так, например, маскулинное речевое поведение часто стереотипно характеризуется употреблением инвектив, слов и выражений, свидетельствующих о вербальной агрессии и пр. Однако в нашем материале подобное речевое поведение наблюдалось у девушки: «Я думаю, дурак, сейчас же схлопочешь, тебя женщины вечно держать не будут», «Хотелось обоим дать затрещину», что подтверждает следующее положение: маскулинность и феминность являются конструктами, не соотносятся напрямую с характеристикой человека по половой принадлежности, а маркируют стиль поведения, в том числе речевого.

Еще одним свидетельством скорее маскулинного речевого (невербального в том числе) поведения девушки может служить пример, представленный на рисунке 3. Речь идет о пережитом конфликте, участницей которого стала рассказчица. Красочно описывая свои переживания, рассказчица активно жестикулирует, используя при этом разнообразные типы жестов, среди которых выделим репрезентирующие жесты. В частности, говоря «Я заступалась за него», испытуемая прибегает к репрезентирующему жесту удержания (holding gesture), который в сочетании с репликой может характеризоваться как «защищающий, оберегающий» жест. Такого

Таблица 1

ПОДСЧЕТ КОЛИЧЕСТВА ЖЕСТОВ ПРИ ОПИСАНИИ НЕГАТИВНЫХ СОБЫТИЙ ИСПЫТУЕМЫМИ

Типы жестов	Группа 1 (ж + ж)		Группа 2 (ж + ж)		Группа 7 (м + м)		Группа 7 (м + м)		Всего
	Q1	Q2	Q1	Q2	Q1	Q2	Q1	Q2	
(само)адаптеры	8	2	4	6	18	3	1	0	42
репрезентативные	2	1	2	10	3	17	0	0	35
прагматические	34	0	18	46	5	20	3	3	129
дейктические	7	2	0	27	1	11	0	0	48
ударные	7	0	5	2	0	12	0	0	26
Всего по отдел. участникам:	58	5	29	91	27	63	4	3	280
Всего по парам участников:	63		120		90		7		280
Всего по жен. и муж.	183				97				280

рода поведение можно расценить как маскулинное, поскольку стереотипно считается, что защита слабых, заступничество, скорее «обязанность» мужчины, однако в данном повествовании эту функцию берет на себя женщина.

В целом отметим, что при описании негативной, стрессовой ситуации говорящие начинают жестикулировать активнее, при этом нередко помимо жестов используется мимика (см. рис. 3).

Рис. 3. Использование репрезентирующего жеста: «Я заступалась за него»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного количественного анализа мы выяснили, что наблюдается определенная тенденция в частотности использования жестов мужчинами и женщинами. На данном основании мы можем сделать вывод о том, что женщины жестикулируют в целом активнее.

При описании негативных событий прошлого говорящие обоих полов начинают жестикулировать с повышенной интенсивностью, что, вероятно, обусловлено вновь переживаемым эмоциональным состоянием. Жестикуляция становится разнообразной, более частотными становятся репрезентирующие и дейктические жесты, которые классифицируются как референтные жесты. Вместе с тем удалось установить, что при описании негативных событий прошлого наиболее частотным становится использование прагматических жестов.

Таким образом, обе гипотезы о том, что при описании негативных событий прошлого говорящий начинает жестикулировать активнее и что женщины склонны жестикулировать чаще, нежели мужчины, на данном материале подтвердились. Мы можем также с осторожностью утверждать, что определенные расхождения в жестовом поведении мужчин и женщин все-таки наблюдаются, что требует, однако, более детального рассмотрения на более обширном материале.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кирилина А. В. Гендерная лингвистика // Большая российская энциклопедия. Т. 6. М.: Большая российская энциклопедия, 2006. С. 533.
2. Smith B. H. Narrative Versions, Narrative Theories // On Narrative / Ed. by W. J. T. Mitchell. Chicago: University of Chicago Press, 1981. P. 209–232.
3. McAdams D. P. Narrative identity // Handbook of identity theory and research / Ed. by S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. New York: Springer, 2011. P. 99–115.
4. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. Т. 1. № 2. С. 9–29.
5. Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Cienki A. Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization // Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction / Ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Vol. 1. P. 182–201.
7. Ирисханова О. К., Маковеева А. И., Томская М. В. «Жестовой поворот» в исследованиях профессиональной коммуникации: синхронный перевод // Когнитивные исследования языка. 2021. №1 (44). С. 190–201.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I. Жестовые удадения // Диалог 2006: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 290–296.

10. Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2011». М.: РГГУ, 2011. С. 243–257.
11. Моррис Д. Библия языка телодвижений: пер. с англ. М.: Эксмо, 2010.
12. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: ЛитРес, 2017.
13. McNeill D. Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
14. Müller C. Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich. Berlin: Berlin Verlag, 1998.
15. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005.
16. Barlow D. H., Hayes S. C., Nelson G. O., Steele D. L., Meeler M. E. & Mills J. R. Sex role motor behavior: A behavioral check list // Behavioral assessment, 1. 1979. P. 119–138.
17. Perkins R. E. The checklist of sex role motor behavior applied to European population in a natural setting // Behavioral assessment, 8. 1986. P. 285–300.

REFERENCES

1. Kirilina, A. V. (2006). Gendernaya lingvistika = Gender Linguistics. Great Russian Encyclopedia. T. 6. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 533. (In Russ.)
2. Smith, B. H. (1981). Narrative Versions, Narrative Theories. On Narrative / Ed. by W.J.T. Mitchell. Chicago: University of Chicago Press, 209–232.
3. McAdams, D. P. (2011). Narrative Identity. Handbook of Identity Theory and Research / Ed. by S.J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. New York: Springer, 99–115.
4. Bruner, J. (2005). Zhizn' kak narrativ = Life as Narrative. Postneklassicheskaya psikhologiya. Vol. 1. No. 2, 9–29. (In Russ.)
5. Kendon, A. (2004). Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Cienki, A. (2013). Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization. Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction / Ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 182–201.
7. Iriskhanova, O. K., Makoveeva, A. I., Tomskaya, M. V. (2021). “Gesture turn” in professional communication studies: simultaneous interpretation. Cognitive Studies of Language, 1 (44), 190–201. (In Russ.)
8. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and Knowledge: On the way of acquiring knowledge of the language. Parts of speech with a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
9. Kreydlin, G. E. (2006). Mehanizmy vzaimodeystviya neverbal'nykh i verbal'nykh edinit v dialoge I: zhestovye udarenija = Mechanisms of relations between verbal and non-verbal units in the dialogue I: gesture accents. Works of the international conference “Dialogue 2006”: Computer linguistics and intellectual technologies. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 290–296. (In Russ.)
10. Grishina, E. A. (2011). O mul'timodal'nykh klasterakh v ustnoi rechi = On multimodal clusters in spoken language. Computer linguistics and intellectual technologies: Works of the international conference “Dialogue 2006”. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 243–257. (In Russ.)
11. Morris, D. (2010). Bibliya yazyka telodvizhenii = Peoplewatching. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
12. Grishina, E. A. (2017). Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya = Russian gesticulation in linguistic aspect: corpus studies. Moscow: LitRes. (In Russ.)
13. McNeill, D. (1992). Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought. Chicago: University of Chicago Press.
14. Müller, C. (1998). Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich. Berlin: Berlin Verlag.
15. Kreidlin, G. . (2005). Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii = Men and women in nonverbal communication. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
16. Barlow, D. H., Hayes, S. C., Nelson, G. O., Steele, D. L., Meeler, M. E. & Mills, J. R. (1979). Sex role motor behavior: A behavioral check list. Behavioral assessment, 1, 119–138.
17. Perkins, R. E. (1986). The checklist of sex role motor behavior applied to European population in a natural setting. Behavioral assessment, 8, 285–300.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рашина Анастасия Андреевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

Мария Викторовна Томская

кандидат филологических наук, доцент; зав. лабораторией гендерных исследований Центра СКоДис,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rashina Anastasia Andreevna

Postgraduate Student of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Tomskaya Maria Viktorovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies,
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Способы эксплицитной вербализации пространства в современных немецких детективах

М. Б. Рыбакова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eva212@inbox.ru

Аннотация. Динамическое развитие детективного жанра в немецкоязычной лингвокультуре приводит к возникновению его разновидностей. Особой формой реализации детективного жанра является региональный детектив, в котором категория пространства приобретает дополнительные функции, выходящие за рамки традиционных описаний. В статье рассматриваются способы представления пространства в региональном детективе. Пространство может быть объективировано при помощи маркирующих его лексем, например, географических названий, а также при помощи языковых средств, косвенно передающих пространственные характеристики, например, названий блюд местной кухни и т. п. Также рассматривается влияние тенденций к глобализации и глокализации на способы манифестации пространства в современном немецком детективном романе.

Ключевые слова: детективный жанр; пространственные характеристики; языковые средства; глобализация; глокализация

Для цитирования: Рыбакова М. Б. Способы эксплицитной вербализации пространства в современных немецких детективах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 5 (860). С. 93–98. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_93

Original article

Ways of Explicit Verbalizing Space in Modern German Detective Stories

Margarita B. Rybakova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, eva212@inbox.ru

Abstract. The dynamic development of the detective genre in the German-speaking linguoculture leads to the emergence of its varieties. A special form of realization of the detective genre is a regional detective story, in which the category of space acquires additional functions that go beyond traditional descriptions. The article discusses ways of representing space in a regional detective story. Space can be represented with the help of lexemes marking it, for example, geographical names, as well as with the help of linguistic means that indirectly convey spatial characteristics, for example, the names of local dishes, etc. The influence of trends towards globalization and glocalization on the ways of space manifestation is also considered.

Keywords: detective genre; spatial characteristics; language means; globalization; glocalization

For citation: Rybakova, M. B. (2022). Ways of explicit verbalizing space in modern German detective stories // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 93–98. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_93

ВВЕДЕНИЕ

Детективный жанр с момента начала его бурного развития в середине XIX века и по настоящее время неизменно пользуется популярностью у читательской публики. По мнению литературоведа Петера Нуссера, детективные романы и истории по объему тиражей превосходят сегодня прочие жанры художественной литературы [Nusser, 1992]. Причина популярности жанра кроется, на наш взгляд, в желании читателя принять участие в интеллектуальной игре, которая предполагает разгадывание тайны и установление истины в ходе расследования преступления. Читателю, хорошо знакомому с канонами детективного жанра, предоставляется возможность параллельного расследования, обусловленная композиционной стереотипностью большинства произведений жанра, развитием сюжета по относительно типизированной схеме, логикой самого процесса расследования.

Исследователь Ханс Дайбер полагает, что стремление к восстановлению порядка и торжеству справедливости также побуждает читателей обращаться к детективным романам, одним из основных содержательных элементов которого является разоблачение и наказание преступника:

Im Kriminalroman ist das glückliche Ende die Wiederherstellung des Rechts und die Bestrafung des Schuldigen [Цит. по: Hilse, 1999, с. 89].

Речь идет не о личном чувстве гармонии, а о гармонизации всего мира, восстановлении чувства защищенности, безопасности. Детективный роман оставляет читателя внутренне умиротворенным, и тем самым морально удовлетворенным. Он представляет собой упрощенную модель мира, утешая, как и религиозное объяснение миропорядка: преступление – это зло, от которого будут освобождены рано или поздно пострадавшие. Затем мир снова будет в порядке. Право сильнее бесправия, мир как таковой хороший, а справедливость возможно восстановить.

В немецкой литературе принято считать одной из первых детективных историй новеллу Эрнста Теодора Амадеуса Гофмана «Мадемуазель де Скюдери» (1819). Хотя ни автор, ни издатель не определяют жанр этого небольшого произведения как детективный, в нем представлены все основные фигуры канонического детективного произведения: полицейский, шеф полиции, детектив-любитель, подозреваемый, истинный преступник. Важным является то, что в тексте Э. Т. А. Гофмана подробно описано не только полицейское, но и неофициальное расследование. Текст изобилует ссылками на реальные уголовные дела,

изложенные в 20-томном фундаментальном собрании знаменитых уголовных процессов Франсуа Гайо де Питаваля (1735), публикация которого вызвала в свое время большой интерес читающей публики и во многом способствовала развитию жанра.

В первой половине XX века в Германии на книжном рынке в основном продвигались англоязычные авторы. Пользовались популярностью американские серии с главными героями Китом Карсоном, Буфалло Биллом и Ником Картером, позднее – Джерри Коттоном, персонажем детективной серии, над которым работали разные немецкоязычные авторы. По сравнению с другими странами немецкую детективную литературу принято считать достаточно поздним явлением, что, по мнению Тобиаса Голиса, объясняется долгой традицией авторитарного мышления [Gohlis, 2008]. Популяризация немецкоязычных детективных романов связана с деятельностью издательства *Rowohlt* под началом Рихарда Флеша, которое в 60-е годы прошлого века начинает публиковать детективные романы немецких авторов Ханса-Йорга Мартина (1920–1999), Фридриха Вермейера (1930–2019), Ирене Родриан (р. 1937), Михаэля Молзнера (р. 1937). Важно подчеркнуть, что авторы не столько создавали детективы на немецком языке, сколько выражали социальные реалии немецкой жизни. Местом действия являлись крупные немецкие города: Гамбург, Штутгарт, Франкфурт, а также баварская и швабская провинции. Дальнейшее развитие немецкой детективной литературы определило становление женского детектива *Frauenkrimi* и регионального *Regionalkrimi*. Женские детективные романы выходили преимущественно в издательстве *Argumentverlag* в серии *Ariadnekrimis* (Моника Гейер, Пике Бирман, Дорис Герке и Ингрид Нолль). Одним из первых успешных авторов регионального детектива принято считать Жака Берндорфа (р. 1936) с серией *Eifelkrimis*. Романы регионального поджанра отличают обширная страноведческая информация и точные топографические описания.

В настоящее время детективный жанр развивается не только в немецкоговорящих странах, но и в литературе других стран, проявляет большой потенциал к развитию своих внутрижанровых форм. В детективном дискурсе разных стран можно выделить схожие типы детективного романа: иронический, исторический, политический, женский, юношеский, короткий и другие. Тенденцию к появлению множества гибридных форм, возникающих вследствие взаимодействия текстов детективного жанра с другими жанрами, например, музыкальным, театральным, спортивным,

кулинарным, можно представить в виде формулы «*Krimi-Plus*»-*Geschichten*, предложенной Райнхардом Яном [Jahn, 2009]. Следует отметить, что, несмотря на кажущееся размывание жанра, детективные романы сохраняют свои устойчивые жанрообразующие элементы, а именно преступление, жертва, расследующая инстанция, расследование, место преступления, сбор улик, опрос свидетелей и, как правило, успешное завершение расследования и наказание преступника. Развитию жанра способствует и его перенос в другие семиотические системы. В немецком литературоведении используется термин *Kriminalroman* как родовое понятие, краткая форма которого «*Krimi*» обозначает сам детективный роман, аудиопьесу, телевизионный сериал, художественный фильм, интернет-игру [Kniesche, 2015], что свидетельствует о мультимедийности жанра и возможностях его представления в разных семиотических системах.

СПОСОБЫ ЭКСПЛИЦИТНОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

История развития детективного жанра в Германии и, в частности, выделение поджанра регионально-го детектива, на наш взгляд, представляет интерес с точки зрения анализа категории пространства, которая в текстах детективного жанра приобретает дополнительную функциональную нагрузку, обусловленную неразрывной связью с *местом преступления*, и является ключевым понятием современного немецкого детективного романа. В ходе нашего анализа установлено, что способы представления пространства следует разделить на две группы:

- а) представление пространства при помощи лексем, его маркирующих, например, географических названий;
- б) при помощи языковых средств, косвенно передающих пространственные характеристики, например, названий блюд местной кухни и т. п.

В немецких детективах, опубликованных в период 2000–2020 гг., специфика описания пространства заключается в том, что в характеристиках места действия объективируются две тенденции: стремление к глобализации и, одновременно, к глокализации. Вслед за немецким социологом и философом Ульрихом Беком, под глобализацией мы понимаем процессы, в результате которых посредством транснациональных акторов взаимодействуют национальные государства и их суверенитет. Данные процессы реализуются в коммуникационно-техническом, экологическом, экономическом,

трудовом, культурном, гражданско-правовом измерении [Beck, 2007]. Под глокализацией английский социолог Роланд Робертсон понимает реализацию глобальных тенденций на локальном уровне и взаимодействие глобального и локального в культурном пространстве [Robertson, 1992].

В ходе анализа немецких детективов нами установлено, что эксплицитная презентация пространства на лексическом уровне осуществляется при помощи следующих -онимов, а именно, топонимов, включая ойконимы, гидронимы, урбанонимы (годонимы, агоронимы, городские хоронимы); антропонимов и эвентонимов.

Так, например, в романе немецкого писателя и сценариста культового детективного сериала «*Tatort*», идущего на немецком телевидении уже 50 лет, Штефана Брюггента «*Мальчик без тайн*» (2009) действие разворачивается в городе Кёльн, в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия. На первых страницах произведения упоминается знаменитый Кёльнский собор (*Kölner Dom*), затем следуют подробные описания отдельных кварталов и площадей: *Breslauer Platz*, *Lübecker Straße* и т. д. Встречаются также урбанонимы: *Kölnarena*, *Mediapark* или клуб *Underground*. Таким образом, осуществляется знакомство читателя с городским ландшафтом, позволяющее ему следить за передвижениями главного героя в пространственно-временном континууме. Упомянутые выше языковые средства способствуют выражению тенденции к глокализации в тексте немецкого детективного романа. В свою очередь, упоминания вьетнамского и китайского кафе дополняют картину современного многонационального города, транслируя, таким образом, тенденцию к глобализации.

Следует отметить, что в некоторых случаях сам автор напрямую предлагает читателю следить за передвижениями главных героев, подробно описывая их маршруты и окружающую их местность. Так, в эпиграфе к роману «*Тяжесть доказательства*» Манфреда Бомма (2008), действие которого разворачивается в районе Гёппинген на юге федеральной земли Баден-Вюртемберг, читатель получает приглашение проследить за передвижениями главного героя и принять участие в реконструкции событий по следам расследующей инстанции:

Ein Großteil der Handlung und die meisten Namen sind frei erfunden. Nicht aber die Schauplätze. Wer den Spuren von Kommissar Häberle folgen will, kann dies tun [Bomm, 2008, с. 7].

Приведем примеры из детектива, действие которого разворачивается не в городе, а в немецкой провинции. В романах детективной серии

Татьяны Крузе о расследованиях комиссара в отставке Зайферхельда местом действия является небольшой город Швебиш Халль, расположенный на реке Кохер в федеральной земле Баден-Вюртемберг. Такие -онимы, как собор Святого Михаила (St. Michaelskirche) на *Marktplatz*, наименования отелей *Goldener Adler*, *Adelshof*, *Scholl*, аптек *Löwen*, *Mohren*, *Dreikönig*, *Brücken*, винного погребка *Weinstube Gräter* и кафе *Pfisterer & Oettinger* и другие погружают читателя в атмосферу описываемого города, создают местный колорит и оформляют ландшафт, типичный для юга Германии. Включение клише о местных жителях также способствует созданию местного колорита. О швабской бережливости мы читаем в романе Крузе:

Jetzt war nicht der Moment für Skrupel. Und auch nicht für schwäbische Sparsamkeit [Kruse, 2010, c. 139].

В романе Брюггентиса представлены клише о жителях Кёльна. Например, об их отношении к родному городу:

Ich weiß, dass Kölner ihre Stadt nur ungern verlassen [Brüggenthies, 2009, c. 232].

Es war seltsam, was für ein merkwürdiges Gefühl von Kuscheligkeit diese Stadt erzeugte [Brüggenthies, 2009, c. 106].

Или о неспешности местных жителей:

Irgendjemand hatte irgendwo geschlafen. Köln [Brüggenthies, 2009, c. 240].

Одновременно антропони́мы в анализируемых нами немецких детективах демонстрируют реалии глобализованного современного мира: главного героя Брюггентиса зовут Збигнев, его мать родом из Польши. Имя его возлюбленной Лена распространено в славянских и скандинавских странах. Коллега Збигнева – Зейнел, курд по национальности, его жена носит имя Лейла. Имена собственные в этом случае выполняют функцию, сигнализирующую о глобальном пространстве. Збигнев, находясь в интересах следствия в итальянском Турине, читает имена жителей домов на табличках и приходит к следующему выводу:

...die Globalisierung machte auch vor Turin nicht halt [Brüggenthies, 2009, c. 81].

В романе Т. Крузе описана история здания Швебиш Халля, в котором устраивали театральные и музыкальные вечера. В XVII веке здесь ставили

пьесу «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, в которой принимали участие английские актеры, что свидетельствует об интернационализации маленького города уже в то время:

Schon 1604 führten im großen Saal englische Schauspieler Romeo und Julia darin auf, was wiederum von der Internationalität Schwäbisch Halls von alters her zeugte [Kruse, 2010, c. 280].

На фоне тенденций к глобализации явно прослеживается стремление к самоидентификации и сохранению разных видов идентичности. Подчеркивается тот факт, что место действия – Германия. Это подтверждается сравнениями, которые приводит комиссар Збигнев, анализируя методы полицейского расследования, принятые в Германии и Италии:

...der Pathologe wolle nicht, dass jemand anders sich in seine Kompetenzen einmischte. Es war fast wie in Deutschland [Brüggenthies, 2009, c. 85].

Так же сравнивается поведение врачей и водителей автобусов Германии и Франции. При этом Збигнев находится во власти этнокультурных стереотипов. В Италии он повсюду подозревает коррупцию:

Und morgen werden in der Zeitung Fotos mit der Unterschrift „Zufrieden im Santini speisend: die Elite der europäischen Polizei“ stehen, was? Wie viel Schmiergeld bekommt Ihr Commisario Baricco denn für die Werbeaktion?“ [Brüggenthies, 2009, c. 81].

Во Франции комиссар отмечает недисциплинированность курящего за рулем автобуса водителя, которая в Германии стоила бы водителю его рабочего места:

Ein Skandal, der ihn in Deutschland vermutlich den Job gekostet hätte [Brüggenthies, 2009, c. 427].

Стереотип, отражающий немецкое стремление к порядку и совершенству, находит свое подтверждение в том, что Збигнев, отмечая высокий уровень организованности преступной группы, на след которой он выходит, делает вывод, что ее действия соответствуют высоким стандартам «немецкого качества». И, следовательно, данная группа могла быть образована и могла управляться из Германии:

Die ganze Perfektion der Organisation mutete deutsch an [Brüggenthies, 2009, c. 487].

Die Organisation war eine deutsche. In vollständiger Perfektion [Brüggenthies, 2009, с. 491].

Пример уважительного отношения к высоким стандартам западногерманского качества находим в романе Бомма:

Was wusste dieser Kerl da schon von dem Qualitätsbegriff „Made in West-Germany“? [Bomm, 2008, с. 10].

Приведем следующий пример. Главный герой романов Крузе вышивает на сувенирных подушках, предназначенных на продажу японским туристам, фразу: «I love Germany».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На фоне эксплицитного представления пространства нами отмечены случаи косвенного указания на пространство, которое реализуется через иные языковые средства. В проанализированных детективах манифестации пространства

с точки зрения тенденции к глокализации способствуют следующие языковые средства: диалектные вкрапления, например, в речь персонажей (*Kölsch*, *Nordstadtkölsch*); названия местных напитков, которым отдают предпочтение главные герои (пиво *Kölsch*, *Haller Löwenbräu*, вино *Trollinger*); блюда местной кухни (например, швабские блюда: *Maultaschen*, *Kutteln*); наименования локальной прессы (*Kölner Stadt-Anzeiger*, *Haller Tagblatt*); ссылки на художественные фильмы (*Kölner Tatort*); местные праздники (*Haller Herbst*) и др.

Подчеркнем, что средства вербализации пространства немецких детективов транслируют преимущественно идею глокализации, а именно, стремление к сохранению национально-культурной специфики на общем фоне тенденций к глобализации. Современное пространство в немецком детективе вербализуется при помощи языковых средств, выражающих элементы лингвистического и культурного ландшафта, социолингвистические параметры и этнокультурный компонент.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nusser P. Der Kriminalroman. Stuttgart: Metzler, 1992.
2. Hilse Ch. Die Geschichte des Kriminalromans im Spiegel des aktuellen Medienmarktes. Stuttgart, 1999. URL: https://hdms.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/162/file/Hilse_Christoph.pdf
3. Gohlis T. Mord und Totschlag in Deutschland. 2008. URL: <http://www.goethe.de/kue/lit/thm/de26884.htm>
4. Jahn R. Krimis in Deutschland und Frankreich – ein Spiegel der Gesellschaft? Regionalkrimis. 2009. URL: <http://www.alligatorpapiere.de/spexial2regionalkrimijahn.html>
5. Kniesche Th. Einführung in den Kriminalroman. Darmstadt: WBG, 2015.
6. Beck U. Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2007.
7. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.
8. Bomm M. Beweislast. Meßkirch: Gmeiner-Verlag GmbH, 2008.
9. Kruse T. Kreuzstich, Bienenstich, Herzstich. Kommissar Seifferheld ermittelt. München: Knaur Taschenbuch, 2010.
10. Brüggenthies St. Der geheimnislose Junge. Frankfurt am Main: Eichborn AG, 2009.

REFERENCES

1. Nusser, P. (1992). Der Kriminalroman. Stuttgart: Metzler.
2. Hilse, Ch. (1999). Die Geschichte des Kriminalromans im Spiegel des aktuellen Medienmarktes. Stuttgart. URL: https://hdms.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/162/file/Hilse_Christoph.pdf
3. Gohlis, T. (2008). Mord und Totschlag in Deutschland. URL: <http://www.goethe.de/kue/lit/thm/de26884.htm>
4. Jahn, R. (2009). Krimis in Deutschland und Frankreich – ein Spiegel der Gesellschaft? Regionalkrimis. URL: <http://www.alligatorpapiere.de/spexial2regionalkrimijahn.html>
5. Kniesche, Th. (2015). Einführung in den Kriminalroman. Darmstadt: WBG.
6. Beck, U. (2007). Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
7. Robertson, R. (1992). Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage.
8. Bomm, M. (2008). Beweislast. Meßkirch: Gmeiner-Verlag GmbH.
9. Kruse, T. (2010). Kreuzstich, Bienenstich, Herzstich. Kommissar Seifferheld ermittelt. München: Knaur Taschenbuch.
10. Brüggenthies, St. (2009). Der geheimnislose Junge. Frankfurt am Main: Eichborn AG.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Маргарита Борисовна

старший преподаватель кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybakova Margarita Borisovna

Senior lecturer at the Department of German Language and Translation and Interpreting,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в гибридном тексте (на материале современного немецкоязычного фельетона)

Е. А. Северина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ratriniada@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию феминитивов на материале современных немецкоязычных фельетонов. Автор проводит комплексный анализ понятия «феминитив», описывает специфику его функционирования, а также рассматривает различные варианты подбора слов, обозначающих гендер в гибридных текстах. Интенсивное применение феминитивов в немецкоязычном фельетоне свидетельствует о формировании определенных тенденций в социально-политической сфере и реализуется в журналистском дискурсе.

Ключевые слова: гибридные тексты, современный немецкоязычный фельетон, гендерные исследования, феминитив

Для цитирования: Северина Е. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в гибридном тексте (на материале современного немецкоязычного фельетона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 5 (860). С. 99–104. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_99

Original article

Feminitives as a Tool of Gender Differentiation in the Media (based on the modern German-language feuilletons)

Ekaterina A. Severina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ratriniada@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of feminitives based on the material of modern German-language satirical articles. The author conducts a comprehensive analysis of the concept of “feminitive”, describes the specifics of its functioning, and considers various options for choosing words denoting gender in hybrid texts. The intensive use of feminitives in the German satirical article testifies to the formation of certain trends in the socio-political sphere of society, which is realized in journalistic discourse.

Keywords: hybrid texts, modern German-language feuilleton, gender factor, feminitive

For citation: Severina, E. A. (2022). Feminitives as a tool of gender differentiation in the media (based on the modern German-language feuilletons). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 99–104. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_99

ВВЕДЕНИЕ

Современный немецкоязычный публицистический дискурс характеризуется тенденцией динамичного развития, выбора злободневного для широкого круга читателей факта, явления или ситуации. Немаловажной является тенденция к соблюдению принципа экономии, которая проявляется в стремлении журналиста доступно и кратко изложить собранный материал, не опуская при этом значимые для понимания сути вопроса детали при описании окружающей действительности. В настоящее время в современном немецкоязычном публицистическом дискурсе намечается также тенденция к усилению использования феминитивов в гибридных текстах, в том числе в фельетоне.

Вслед за О. К. Ирисхановой современный немецкоязычный фельетон мы относим к гибридным текстам по следующим параметрам: наличие комбинированных средств выразительности, собственных разным стилям, жанрам и видам дискурса; сочетания различных текстовых моделей и форм повествования; сопряжения стандарта и экспрессии, позволяющих журналисту сократить дистанцию с читателем и расставить определенные акценты в тексте [Ирисханова, 2010].

Для анализа нами были отобраны девять фельетонов на немецком языке, опубликованных в период с 2005 по 2021 гг., которые представлены в следующих изданиях: «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Süddeutsche Zeitung», «Gymnasium helveticum», «Physioklin», «Lernende Schule», «Der Spiegel», «Deutschlandradio».

Описывая новые аспекты общественной жизни, журналист прибегает к различным средствам языка, комбинируя их в зависимости от социально-политической обстановки, культурологического своеобразия общества, заинтересованности широкого круга читателей в представленном материале. Также немаловажную роль играет редакционная политика того или иного издания.

Серьезное влияние на изменения в социальной сфере в последнее время оказали процессы глобализации, а также развитие и распространение информационных и коммуникативных технологий. Подобные перемены нашли свое отражение в гендерных исследованиях. Глобальные социальные изменения влекут к преобразованиям в языковой системе, которые реализуются через использование новых языковых единиц, прежде всего, в медиатекстах. Так, в последнее время широкое освещение в средствах массовой коммуникации, в том числе и в современном немецкоязычном фельетоне, получил вопрос гендера как «конфликтного фактора» [Гусейнова, 2021, с. 43], так как согласно исследованиям различных ученых [Городникова,

2002; Гусейнова, 2021; Томская, 2021] «языковые данные указывают на наличие гендерного дисбаланса в разных сферах деятельности» [Томская, 2021, с. 135]. Таким образом, в последнее время актуальным стал вопрос использования феминитивов в средствах массовой информации.

В словаре представлено следующее определение данного понятия: «Феминитивы (от лат. femina – «женщина») – имена существительные женского рода, которые обозначают женщин, образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин, и являются парными к ним» [Беркутова, URL].

Необходимость образования и использования феминитивов обусловлена возросшей активностью и вовлеченностью женщин в различные сферы общественной жизни, которые «изначально считались исключительно мужскими» [Назарова, 2019, с. 55].

Развитие женского движения во второй половине XX века, как отмечает И. В. Зыкова, актуализировало вопросы о «понятийной обусловленности категории рода» [Зыкова, 2001, с. 37]. В частности, в отечественной лингвистике рассматривалась возможность использования существительных мужского рода в значении гендерно нейтральных понятий [Кирилина, 1997].

Как отмечают И. Г. Ольшанский и А. Е. Гусева, представительницы феминистского движения критикуют немецкий язык за преобладание в нем мужских форм для обозначения профессий, в то время как женские формы представлены в языке недостаточно широко: «Frauen sind sprachlich untergeordnet» [Ольшанский, Гусева, 2018, с. 201].

Итак, востребованность феминитивов связана не только с гендерным балансом в профессиях, но и с заметным ростом феминистского движения, который наметился в конце прошлого века. В связи с этим в современном немецкоязычном фельетоне наблюдается интерес к словам, обозначающим лиц женского пола по профессиональной сфере деятельности, социальной или религиозной принадлежности, месту жительства, интересам и т. д., которые созданы при помощи различных словообразовательных средств.

СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ ФЕМИНИТИВОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Лингвистические гендерные исследования сфокусированы на изучении как лексических, так и грамматических языковых средств, использующихся для обозначения реализации в языке понятий «женского» и «мужского» посредством

анализа стиля и родовых форм в языке, путем рассмотрения гендерных стереотипов.

Тенденция к использованию различных словообразовательных средств для обозначения лиц женского рода созрела в Германии приблизительно в 1980-х гг. [Pusch, 1990, с. 218]. Некоторые немецкие исследователи (Х. Марлис, К. Бирбах, Г. Дивальд, А. Штейнхауер и др.) высказывались довольно радикально, заявляя об избыточной «лингвистической маскулинности» в языке [Самойленко, Стеклёнова, 2019, с. 127], которая притесняет женщин: «das 'generische Maskulinum' ist frauenfeindlich» [Diewald, Steinhauer, 2017, с. 117]. В начале 90-х использование парных форм, обозначающих профессии «Sprachliche Gleichbehandlung von Frau und Mann in der Gesetzes- und Verwaltungssprache», было закреплено на законодательном уровне [Elmiger, Tunger, Schaeffer-Lacroix, 2017, с. 10].

В немецком языке термин «феминитив» не используется. Для обозначения данного феномена немецкие ученые используют целый ряд терминов.

1. **Geschlechtsspezifische Einzelformen** используется в том случае, если при обращении необходима специфическая гендерная формулировка «geschlechtsspezifische Formulierung» [Hellinger, Bierbach, Christine, 1993, с. 4].

В немецком языке такие формы образуются зачастую при помощи прибавления суффикса *-in* в женском роде к существительным мужского рода, обозначающим профессию. В качестве примера можно привести существительное *die Kanzlerin*, которое переводится, как «женщина канцлер». До избрания Ангелы Меркель на должность канцлера, форма женского рода у этого существительного отсутствовала за ненадобностью. В период пребывания А. Меркель на посту канцлера существительное *die Kanzlerin* активно использовалось журналистами, стало нормой и было включено в словари Duden [Duden, URL]. В качестве примера приведем короткий отрывок из фельетона:

Angela Merkel: Wie die Kanzlerin heimlich den Sozialismus eingeführt hat (Tietz. Spiegel. 16.08.2020)¹.

Также во время занятия должности канцлера госпожой Меркель появился феминитив: *die Chefin in Kanzlerbüro* (F.A.Z. 28.10.2005)².

До назначения А. Меркель на пост канцлера в современных немецкоязычных фельетонах

ее обозначали как *die Kanzlerkandidatin* (Zudeick. Deutschlandradio. 15.09.2005)³.

Следует отметить определенную особенность, которая присутствует в текстах немецкоязычного фельетона при обозначении профессии канцлера на момент осени 2021 г. Полномочия А. Меркель заканчивались, однако, к тому времени еще не было известно, кто следующим займет пост канцлера, и журналисты использовали следующую форму: *wer wird im September Kanzler(in)?* (Lalee. Energate.de. 23.04.2021)⁴. В словаре Duden также с недавних пор появилось слово *die Ex-Kanzlerin* или *die Exkanzlerin* [Duden, URL]. Поскольку данный феминитив является на сегодняшний день неологизмом, то у него пока отсутствует единообразие в написании.

2. **Paarformen** (см.: [Vervecken, Hannover, 2015, с. 78]). В трудах И. Г. Ольшанского данное явление обозначается как «Paarformulierungen» [Ольшанский, Гусева, 2018, с. 202]. Данный термин употребляется при одновременном упоминании обоих полов или единовременном обращении как к мужчинам, так и к женщинам, например, в брошюрах, рекламных проспектах и т. д. Таким образом, парные формы существительных зачастую встречаются во множественном числе, избегая гендерной асимметрии в обращении.

Парные формы образуются путем прибавления суффиксов в женском роде *-innen*. В мужском роде прибавляется нулевой суффикс к существительным сильного типа склонения. К существительным слабого типа склонения прибавляется окончание *-n*, например:

Immerhin sind die Lehrerinnen und Lehrer... (Mayer. Süddeutsche Zeitung. 22.01.2021)⁵.

При использовании парных форм сначала стоит существительное во множественном числе женского рода, а затем мужского рода, например:

Wer bildet die zukünftigen Ärztinnen und Ärzte aus, wer macht die akademische Lehre? (Physioklin. 21.01.2020)⁶.

3. **Neutral- und Pluralwörter** как термин используются для обозначения существительных

³ URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/der-mann-das-auto-und-die-kanzlerkandidatin.1013.de.html?dram:article_id=165338 (дата обращения: 26.06.2021).

⁴ URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/der-mann-das-auto-und-die-kanzlerkandidatin.1013.de.html?dram:article_id=165338 (дата обращения: 26.06.2021).

⁵ URL: <https://www.sueddeutsche.de/leben/homeschooling-eltern-schueler-muedigkeit-1.5179645> (дата обращения: 26.06.2021).

⁶ URL: <https://www.physioklin.de/physiovaria/kuriosa/medizin-ohne-mediziner-eine-glosse.html> (дата обращения: 26.06.2021).

¹ URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/angela-merkel-wie-die-kanzlerin-heimlich-den-sozialismus-eingefuehrt-hat-glosse-a-376b85b5-c16f-4a40-a3e9-04d3e89e45c8> (дата обращения: 26.06.2021).

² URL: <https://www.google.ru/amp/s/m.faz.net/aktuell/feuilleton/glosse-feuilleton-merkels-mirakel-1277337.amp.html> (дата обращения: 26.06.2021).

как мужского, так и женского рода [Grundordnung der Ludwig-Maximilians-Universität München, URL]. Такие слова обозначают людей нейтрально с гендерной точки зрения как в единственном, так во множественном числе, например:

die Eltern *Pl* вместо der Elternteil *Sg*;
die Mitglieder *Pl* вместо das Mitglied *Sg*;
die Personen *Pl* вместо die Person *Sg*;
die Lehrkräfte *Pl* вместо die Lehrkraft *Sg*.

Стремясь к гендерно нейтральным формулировкам, журналисты используют данную категорию слов в медиатекстах. Однако наличие подобных слов придает тексту сухую, бюрократическую тональность, поэтому их используют в современном немецкоязычном фельетоне «с осторожностью», при крайней необходимости. В то же время нередко вышеуказанную категорию феминитивов разбавляют в фельетоне различными средствами выразительности, например разговорной лексикой, чтобы избежать официально-делового тона текста, например:

Tipps für Lehrkräfte, München
(Reber, Schönauer-Schneider. *Lernende Schule*. 2017)¹.

Следующий пример из журнала «Gymnasium helveticum», посвященного среднему и высшему образованию, демонстрирует данную категорию слов, избегая гендерных обозначений *der Lehrer* или *die Lehrerin* различными способами:

Wir, das sind gut 20 Arbeitsgruppen a je 3 bis 5 Personen, die Projektleitung und einige Experten
(Meyer. *Gymnasium helveticum*. 2020. B. 5)².

4. **Geschlechtsabstraktionen** [Elmiger, Tunger, Schaeffer-Lacroix, 2017, с. 198]. Исторически многие слова, обозначающие профессии, имели только форму мужского рода, что было связано с отсутствием женщин в управлении общественной жизнью. Таким образом, использование мужской формы для обозначения некоторых профессий считалось приемлемым для обоих полов. Однако с изменением гендерного распределения в

различных профессиях появилась необходимость в номинации женщин, занятых в той или иной профессиональной или общественной сфере. Во избежание недопонимания в некоторых случаях абстрагируются от гендерного наименования профессий, например:

die Lehrkräfte *Pl* (ср.: *рус.* учителя)
das Gericht *Sg* (ср.: *рус.* суд)
die Lehrerschaft *Sg* (ср.: *рус.* факультет)
das Lehrerkollegium *Sg* (ср.: *рус.* преподавательский состав)
das Team *Sg* (ср.: *рус.* команда).

В следующем примере журналист не использует в тексте современного немецкоязычного фельетона слова, обозначающие гендер, заменяя их понятиями, включающими оба пола, например английское заимствование *das Team* вместо существительного *die Sportler* в следующем фрагменте: *das Team der UdSSR im fernen Moskau* (SZ. 07.12.2017)³.

Журналисты в гибридных текстах, в частности в современном немецкоязычном фельетоне, активно используют различные языковые средства, избегая языковой маскулинности и гендерной асимметрии. Учитывая жанровые особенности текста фельетона, журналисты прибегают к различным средствам выразительности, чтобы текст фельетона за счет использования феминитивов не приобретал излишнюю официальную и бюрократическую тональность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрены случаи использования феминитивов в средствах массовой информации на материале текстов современного немецкоязычного фельетона, опубликованных с 2005 по 2021 годы. Перемены в обществе и изменение репрезентации женщин в медиапространстве обуславливают актуальность данного исследования, однако, спрогнозировать дальнейшее развитие тенденции использования феминитивов в гибридных текстах СМИ и, в частности, в немецкоязычном фельетоне, а также дальнейшее появление феминитивов-неологизмов на сегодняшний день довольно сложно. В то же время можно говорить о возросшем интересе средств массовой информации к словам, которые обозначают лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности и месту жительства.

¹ URL: https://www.friedrich-verlag.de/schulleitung/unterrichts-schulentwicklung/im-rausch-der-tiefe-1471?%5CSimpleSAML%5CAuth%5CState_exceptionId=_6c5b97c9af4650b0bf9ab33315f4ed547ef65835ed%3Ahttps%3A%2F%2Fwww.friedrich-verlag.de%2Fsaml%2Fmodule.php%2Fcore%2Fas_login.php%3FAuthId%3Ddefault-sp%26ReturnTo%3Dhttps%253A%252F%252Fwww.friedrich-verlag.de%252Fschuleitung%252Funterrichts-schulentwicklung%252Fim-rausch-der-tiefe-1471%253Flogintype%253Dlogin (дата обращения: 26.06.2021).

² URL: https://www.vsg-sspes.ch/fileadmin/user_upload/publikationen/Gymnasium_Helveticum/GH-Digital/GH-digital_2020-05_d/GH_2020_05_d_26_Meyer_Glosse.pdf (дата обращения: 26.06.2021).

³ URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/glosse-das-streiflicht-1.3778825?reduced=true> (дата обращения: 26.06.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ирисханова О. К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания // Жизнь человека и этноса в языке. М.: Рема, 2010. С. 27–44.
2. Гусейнова И. А. Гендерный конфликт в институциональной коммуникации // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик. Тезисы докладов II Международной конференции. 2021. С. 42–43.
3. Городникова М. Д. Гендер в коммуникативной интеракции // Гендер: язык, культура, коммуникация. Докл. Второй международной конференции. МГЛУ, 22–23 ноября 2001. М., 2002. С. 70–76.
4. Томская М. В. Лингвокультурологические особенности объективации гендерного фактора (на материале научных трудов М. Д. Городниковой) // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик. Тезисы докладов II Международной конференции. 2021. С. 135–136.
5. Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект. URL: <http://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-istoricheskij-aspekt.html/> (дата обращения: 23.06.2021).
6. Назарова Е. М. Функционирование феминитивов в текстах традиционных СМИ // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. С. 55–57.
7. Зыкова И. В. Гендерные исследования в современной лингвистике. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. 2001. № 4. С. 37–45.
8. Кирилина А. В. Категория gender в языкознании // Женщина в российском обществе. М., 1997. № 2. С. 15–20.
9. Ольшанский И. Г., Гусева А. Е. Лексикология. Современный немецкий язык. Практикум / Lexikologie. Die deutsche Gegenwartssprache: Übungsbuch. М., 2018.
10. Pusch L. F. Amtweibling und Amtfrau (1986) // Alle Menschen werden Schwestern: feministische Sprachkritik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1990, S. 218–246.
11. Самойленко Н. С., Стеклёнова А. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 126–131.
12. Diewald G., Steinhauer A. Historischer Abriss // Richtig gender. Wie Sie angemessen und verständlich schreiben. Berlin, 2017. S. 116–124.
13. Elmiger D., Tunger V., Schaeffer-Lacroix E. Geschlechtergerechte Behördentexte: Linguistische Untersuchungen und Stimmen zur Umsetzung in der mehrsprachigen Schweiz. Université de Genève. 2017.
14. Hellinger M., Bierbach C. Eine Sprache für beide Geschlechter – Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch. Bonn, 1993.
15. Duden. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Kanzlerin> (дата обращения: 26.06.2021 г.)
16. Vervecken D., Hannover B. Yes I can! Effects of gender fair job descriptions on children's perceptions of job status, job difficulty, and vocational self-efficacy // Social Psychology, 46. 2015. S. 76–92.
17. Grundordnung der Ludwig-Maximilians-Universität München. 24. Juli 2021. URL: <https://www.frauenbeauftragte.uni-muenchen.de/genderkompetenz/sprache/index.html#> (дата обращения: 26.06.2021).

REFERENCES

1. Irishanova, O. K. (2010). About language hybridization, lexical hybrids and focus attention. Human and ethnos life in language (pp. 27–44). Moscow: Rema. (In Russ.)
2. Guseinova, I. A. (2021). Gendernyi konflikt v institutsionalnoi rjmmunikatsii = Gender conflict in institutional communication. Linguocultural aspects of globalization processes: sociocultural context and dynamics of speech practices (pp. 42–43). Moscow. (In Russ.)
3. Gorodnikova, M. D. (2002). Gender v kommunikativnoi interaktsii = Gender in communicative interaction. Gender: language, culture, communication (70–76). Moscow: Rema. (In Russ.)
4. Tomskaya, M. V. (2021). Lingvokulturologicheskie osobennosti obektivatsii gendernogo faktora = Linguocultural features of gender objectification. Linguocultural aspects of globalization processes: sociocultural context and dynamics of speech practices (pp. 135–136). Moscow. (In Russ.)
5. Berkutova, V. V. (2018). Feminativy v russkom yazyke: istoricheskii aspekt = Feminatives in Russian: a historical aspect. Philological aspect. <http://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-istoricheskij-aspekt.html/> (дата обращения: 23.06.2021). (In Russ.)

6. Nazarova, E. M. (2019). Funktionirovanie feminitivov v tekstah tradicionnyh SMI = Functioning of Femininitives in Traditional Media Texts. *Science today: basic and applied research* (pp. 55–57). Moscow. (In Russ.)
7. Zykova, I. V. (2001). Gendernye issledovaniya v sovremennoi lingvistike = Gender studies in modern linguistics. *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 6, 4*, 37–45. (In Russ.)
8. Kirilina, A. V. (1997). Kategoriya gender v yazykoznanii = Category gender in linguistics. *Woman in Russian society*. Moscow, 2, 15–20. (In Russ.)
9. Olshanski, I. G., Guseva, A. E. (2018). *Leksikologiya. Sovremenniy nemetskiy yazyk. Praktikum = Lexicology: Modern German language*. Moscow. (In Russ.)
10. Pusch, L. F. (1990). *Amtweibling und Amtfrau (1986). Alle Menschen werden Schwestern* (S. 218–246). Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
11. Samoilenko, N. S., Steklenova, A. A. (2019). Feminitivy kak instrument gendernoi differentsiatsii = Femininitives as a tool for gender differentiation in the media. *Topical issues of modern philology and journalism*, 2(33), 126–131. (In Russ.)
12. Diewald, G., Steinhauer, A. (2017). *Historischer Abriss. Richtig gender. Wie Sie angemessen und verständlich schreiben* (S. 116–124). Berlin.
13. Elmiger, D., Tunger, V., Schaeffer-Lacroix, E. (2017). *Geschlechtergerechte Behördentexte: Linguistische Untersuchungen und Stimmen zur Umsetzung in der mehrsprachigen Schweiz*. Université de Genève.
14. Hellinger, M., Bierbach, C. (1993). *Eine Sprache für beide Geschlechter – Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch*. Bonn.
15. Duden. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Kanzlerin> (дата обращения: 26.06.2021).
16. Vervecken, D., Hannover, B. (2015). Yes I can! Effects of gender fair job descriptions on children's perceptions of job status, job difficulty, and vocational self-efficacy. *Social Psychology*, 46, 76–92.
17. Grundordnung der Ludwig-Maximilians-Universität München. 24. Juli 2021. <https://www.frauenbeauftragte.uni-muenchen.de/genderkompetenz/sprache/index.html#> (дата обращения: 26.06.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Северина Екатерина Андреевна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Severina Ekaterina Andreevna

Senior Lecturer, the Department of the Second Foreign Language,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Гендерная корректность в немецкоязычной коммуникации

Н. Н. Трошина

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
troshinat@mail.ru

Аннотация. Гендерная корректность в речевой коммуникации отражает гендерную принадлежность говорящего / пишущего или учитывает таковую партнером по общению. В речевых практиках феминистского дискурса сформировалась система вербальных и невербальных символов, используемых для гендерно-корректного общения, прежде всего, в письменной коммуникации. После длительной дискуссии в СМИ Немецкий орфографический совет отказался включить эти символы в официально утвержденные правила правописания, что, однако, не привело к завершению дискуссии в немецкоязычном социуме.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, гендерно-корректный язык; гендерная маркировка, гендерная пауза, Gender Maskulinum, Gender Femininum

Для цитирования: Трошина Н.Н. Гендерная корректность в немецкоязычной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 105–111. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_105

Original article

Gender Correctness in German Speaking Communication

Natalia N. Troshina

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
troshinat@mail.ru

Abstract. Gender correctness in speech communication shows the gender origin of the speaker / writer or takes into account the one by the partner of communication. In speaking practices of the feminist discourse there has formed the system of verbal and nonverbal symbols, used for gender-correct communication, first of all in writing communication. After long discussion in media the German orthographic council refused to include these symbols in the officially approved rules of orthography, which however didn't stop discussions in the German speaking society.

Keywords: gender, gender identity, gender-correct language, gender marking, gender pause, gender masculinum, gender femininum

For citation: Troshina, N.N. (2022). Gender correctness in German speaking communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 105–111. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_105

ВВЕДЕНИЕ

В современной гендерной лингвистике гендер трактуется, в основном как социальный конструкт, создаваемый с опорой на принятые в данном лингвокультурном сообществе символы, традиционной трактовке этих символов, задающей вектор их интерпретации в процессе общения и определяющей языковую социализацию личности.

Термин «гендер» (gender) первоначально обозначал в лингвистике категорию рода, но затем был заимствован социологами, философами, культурологами, чтобы избежать нежелательных концептуальных пересечений с понятием биологического пола (sexus): «Термин 'гендер' был призван подчеркнуть не природную, а социальную причину межполовых различий» [Кирилина, 2005, с. 8]. В новом значении термин «гендер» стал использоваться в междисциплинарных лингвистических исследованиях, что было обусловлено «поиском новой эпистемы в самой лингвистике, связанным с критикой структурализма» [там же, с. 11] и влиянием философии постмодернизма. В рамках последнего воспринимаемая действительность есть не что иное, как социально фрагментируемый феномен, формирующийся в сознании человека под влиянием языка. Существенно, что восприятие человеком действительности и самого себя ситуативно, т. е. оно изменчиво. На основании этого положения постмодернизма сегодня утратило актуальность понятие «гендерлект» как основанное на не оправдавшей себя трактовке пола как неизменного важнейшего признака идентичности личности, подчеркивают М. Фладрих и В. Имо, гораздо важнее выбор стиля поведения, в том числе и речевого, диктуемого контекстом [Fladrich, Imo, 2020]. Из этого следует, что гендерная идентичность трактуется как феномен, конструируемый в соответствии с положениями теории социального конструктивизма. Согласно данной теории, поведение человека в обществе не полностью определяется его биологическим полом и заданными условиями воспитания, так как человек не является пассивным объектом воздействия со стороны обществ, а активно взаимодействует с ним, формируя свои взгляды, нормы и модели поведения. Начиная с 1970-х гг. в Германии развернулась феминистская критика немецкого языка, точнее, его использования для обозначения людей разного биологического пола. Фурор произвела вышедшая в 1984 году книга Луизы Ф. Пуш «Немецкий как язык мужчин: Диагноз и терапевтические рекомендации» [Pusch, 1984]. Автор возмущалась по поводу отсутствия в немецком языке слова «капитан» в грамматической форме женского рода – *Kapitänin*. Сегодня это слово никого не удивляет, а тогда оно казалось верхом экстравагантности. Кроме того,

автора не удовлетворяло общепринятое обращение *Damen und Herren* «Дамы и господа», так как оно не охватывало тех лиц, которые не причисляют себя ни к тем, ни к другим (небинарные персоны).

ГЕНДЕРНЫЕ МАРКЕРЫ В ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Конструирование гендерной идентичности (doing gender) отражается в языке с помощью специальных гендерных маркеров, т. е. социо- и лингвокультурных индексов, свидетельствующих о принадлежности говорящего / пишущего к определенному гендерному типу (или о выражении уважения к такому статусу партнера по общению) в соответствии с принципом indexing gender. Эти маркеры называются в статье У. Цифонун «Демократические обязанности и система языка: Возобновившаяся дискуссия о гендерно-корректном использовании языка»:

- 1) гендерная звездочка (Gendersternchen*), например: Wähler*innen избиратель*ницы»;
- 2) внутреннее I (Binnen-I), например: SchülerInnen «школьники И школьницы»;
- 3) косая черта, например: Schulpreisträger/in «обладатель/ница школьной премии»;
- 4) двойные формы (Doppelformen), т. е. обозначения лиц разного биологического пола с помощью слов und «и», oder «или» и сокращения bzw. «или ... соответственно», например: Frauen und (oder, bzw.) Männer «женщины и (или ... соответственно) мужчины»;
- 5) нижнее подчеркивание (Unterstrich, Gender gap), например, Zwölfklassler_innen «двенадцатиклассники_двенадцатиклассницы» [Zifonun, 2018, с. 44–48].

Под влиянием философии постмодернизма фокус лингвистических исследований сместился в сторону лингвопрагматики, т. е. парадигмы, основанной на понятии антропоцентризма. Внимание исследователей сосредоточилось на реальном говорящем со всеми его индивидуальными особенностями, определяемыми его социокультурной, профессиональной, национальной и гендерной принадлежностью. Однако в рамках этого подхода не может не учитываться актуальное состояние языковой системы и степень приемлемости для нее инноваций, инициируемых речевой практикой. Возникают вопросы о степени устойчивости языковой системы и об отношении рядовых носителей языка и специалистов, занимающихся языковой кодификацией, к инновациям, на которых настаивают отдельные социокультурные группы, в том числе и гендерные. Сегодня существует, по разным подсчетам, до 300 (!) типов гендера, в

связи с чем в немецкоязычной специальной литературе появился обобщающий термин «миноритарные виды пола» (minoritäre Geschlechter).

ГЕНДЕРНАЯ КОРРЕКТНОСТЬ В ВЕРБАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ И ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОГО МУЖСКОГО РОДА

При всем сегодняшнем гендерном разнообразии основной лингвистической проблемой в сложившейся ситуации является проблема так называемого универсального мужского рода (geschlechtsübergreifendes Maskulinum), т. е. проблема адекватности и, следовательно, оправданности использования имен существительных мужского рода для обозначения лиц не мужского пола, например: *der Mensch* «человек», *der Preisträger* «лауреат премии». Противники универсального мужского рода видят в этом проявление сексизма, т. е. языковой дискриминации женщин по признаку биологического пола, обусловленной преимущественно андроцентричным характером языковой картины мира. Следует отметить, что пейоративная стилистическая окраска термина «сексизм» привела к появлению в специальном дискурсе более нейтрального термина «гендерная асимметрия», который обозначает просто особенности представления в вербальной коммуникации лиц мужского и женского пола [Кирилина, 2005, с. 11].

Вопрос о правомерности использования слов универсального мужского рода для обозначения смешанных групп, т. е. состоящих как из мужчин, так и из женщин, вызвал в Германии бурную дискуссию о различении понятий «грамматический род» (Genus) и «биологический пол» (Sexus). В ней приняли активное участие не только лингвисты, но и многочисленные непрофессионалы с весьма разным уровнем языковой компетенции. Защитники универсального мужского рода (противники введения гендерных корректировок в речевые немецкоязычные практики) выдвигают два аргумента в защиту своей позиции:

- 1) некоторые имена существительные мужского рода могут обозначать также и женщин (см. примеры выше);
- 2) грамматический род не связан жестко с биологическим полом, что проявляется в наличии артиклей мужского и среднего рода у некоторых имен существительных, обозначающих женщин (*der Vamp* «роковая женщина», *das Weib* «баба»), и артикля женского рода у некоторых имен существительных, обозначающих мужчин (*die Schwuchtel* «гомик, педик»).

Противники универсального мужского рода (сторонники гендерно-корректного немецкого языка) выдвигают свои контраргументы:

- 1) во многих случаях именно грамматический род является единственным маркером биологического пола называемого лица (*der Kranke* «больной», *die Kranke* «больная»);
- 2) грамматический род в значительной степени влияет на представление о биологическом поле называемого лица и на его восприятие в социуме (слова мужского рода *Terrorist* «террорист», *Spion* «шпион», *Physiker* «физик» чаще всего воспринимаются как обозначения лиц мужского пола; не являются исключением и слова *Kosmetiker* «косметолог», *Florist* «флорист», хотя в реальной жизни косметологами и флористами являются, как правило, женщины).

Таким образом, делают вывод Х. Лобин и Д. Нюблинг, «язык направляет восприятие людей, ... грамматический род непосредственно влияет на представление о биологическом поле» (Sprache lenkt die Wahrnehmung von Menschen, ... Genus hat direkte Auswirkungen auf die Vorstellung von Sexus) [Lobin, Nübling, 2018]. Цитированные авторы используют для грамматической характеристики таких слов термин «социальный пол» (soziales Geschlecht), степень выраженности которого зависит от устойчивости социальных стереотипов в обществе.

ДИСКУССИЯ О ГЕНДЕРНО-КОРРЕКТНОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Противники универсального мужского пола предлагают использовать грамматическую форму Genus Femininum для обозначения только женщин, например, *Kontoinhaberin* «владелица банковского счета», а не *Kontoinhaber* «владелец банковского счета». Против гендерного нововведения 26 мая 2020 года выступил Высший конституционный суд ФРГ. Это решение было принято в 2018 году как ответ на жалобу гражданки ФРГ Марлиз Кремер на то, что в банковских документах для обозначения лиц женского рода предлагают использовать только слова мужского рода.¹

Вместе с тем высшие административные инстанции страны учитывают настроения различных гендерных сообществ: так, 15 августа 2018 года парламент ФРГ одобрил предложение кабинета министров ФРГ о признании третьего

¹ In dem Verfahren über die Verfassungsbeschwerde. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Downloads/DE/2020/05/rk20200526_1br107418pdf?__blob=publicationFile&v=2

пола, утвердив для него название *divers* «другое», чем вызвал новую дискуссионную волну в СМИ, которые используют также обозначения *Inter*, *Trans*, *Queer* [Geschlecht „divers“... 2018]¹.

В дискуссии о гендерно-корректной вербальной коммуникации проявляется противоречие между лингвосоциокультурным аспектом этой проблемы и орфографической нормой современного немецкого языка, причем по ожесточенности эти дебаты не уступают таковым в связи с орфографической реформой 1996 года (последние не закончились до сих пор). Самым решительным критиком и противником гендерных инноваций в немецком языке является германист Петер Айзенберг – профессор Потсдамского университета, лауреат премий Конрада Дудена (2008), Зигмунда Фрейда (2015), Якоба Гримма (2019) и премии за заслуги в области немецкой языковой культуры (Kulturpreis Deutsche Sprache, 2019).

В статье «Если грамматический род и биологический пол...», опубликованной в 2018 году в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung», автор выражает убеждение, что «гендерная идеология» (Genderideologie) разрушает систему немецкого языка [Eisenberg, 2018]. Его мнение разделяют и большинство немецких СМИ, тексты которых должны соответствовать критериям доступности, краткости и точности. Однако многие объявления о вакансиях (публикуемые в газетах), сформулированные с использованием только универсального мужского рода, выглядят сегодня весьма анахронично, например: *Wir können Ihnen einen Vollzeitjob als Kurrierfahrer in einer dynamischen Logistikbranche anbieten* «Мы можем предложить Вам полную ставку автокурьера в динамично развивающейся сфере логистики».

Дискуссия обострилась настолько, что этим вопросом в 2018 году был вынужден заняться Немецкий орфографический совет (Rat für deutsche Rechtschreibung), одной из основных задач которого является «сохранение орфографического единства во всем немецкоязычном пространстве, учитывая при этом необходимость строгого соблюдения прав лиц, принадлежащих к различным группам, в том числе и гендерным», подчеркивает С. Кромме [Krome, 2020, с. 66]. Перед Советом, который не является «лингвополитической нормотворческой инстанцией (der Rat hat sprachpolitisch keine normgebende Kompetenz) [там же, с. 76]», стояла исключительно сложная задача – найти баланс между соответствием грамматическим, орфографическим, морфологическим и семантическим

законам немецкого языка, с одной стороны, и гендерно-справедливыми речевыми практиками – с другой. Возникшая проблема требует не только профессионального обсуждения, но и учета мнения немецкого социума. При этом некоторые социальные группы (младшие школьники; лица, для которых немецкий язык является иностранным; лица с проблемами умственного развития, для которых созданы учебные пособия «Простой язык») могут оказаться не вовлеченными в дискуссию, т. е. их мнение не будет учтено. На базе текстовых корпусов Института немецкого языка (Маннхайм) Совет предложил 16 ноября 2018 года для обсуждения следующие варианты гендерной маркировки лица в письменном общении:

- 1) сокращенное написание: через косую черту (Lehrer/in «учительница»); через косую черту и дефис Lehrer/-in; через внутреннее заглавное I (LehrerIn, MitarbeiterInnenbüro «офис сотрудниц»); через скобки (Lehrer(in));
- 2) нижнее подчеркивание: jede_r Lehrer_in «каждый учитель_ каждая учительница»;
- 3) астериск (гендерная звездочка): Lehrer*innen (для лиц, которые не идентифицируют себя с полом, указанным в акте гражданского состояния);
- 4) x-форма, мн.ч.: xs (Dix Studierx «учащиеся»);
- 5) аббревиатуры: Azubi (Auszubildende «стажер на производстве»)².

Как пишет С. Кромме, рекомендации (иногда весьма своеобразные) предлагают также некоторые немецкие вузы. Так, например, в Лейпцигском и Потсдамском университетах требуется использовать в письменной коммуникации только форму универсального женского рода Generis Femininum, отсутствующую в немецкой грамматике, и отказаться от слова *Frau* при обращении к профессору-женщине, например: *Herr Professorin* вместо *Frau Professorin* [Krome, 2020, с. 72]. В Гамбургском университете разработано пособие по гендерно-корректной речевой коммуникации, в котором рекомендуется при обращении к незнакомому человеку избегать слов *Herr* и *Frau*, если по имени и фамилии нельзя определить его пол. В таком случае обращение будет выглядеть следующим образом: *Guten Tag, Gerrit Schmidt!* «Добрый день, Геррит Шмидт!». В электронных письмах рекомендуется давать информацию о своем биологическом поле, например, *Gerrit Schmidt (er, seine)* «Геррит Шмидт (он, его) или *mein Pronomen ist 'sie / ihr'* «мое местоимение – 'она / её'». Во всех пособиях рекомендуется использовать гендерно-нейтральные обозначения, например, двойное название лиц (*Studentinnen und Studenten* «студентки

¹ Geschlecht „divers“ soll möglicher Geburtenregister-Eintrag werden.
URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2018/kw41-de-geburtenregister-570762>

² anlage_3_bericht_ag_geschlechterger_schreibung.pdf

и студенты») и не использовать универсальный мужской род [Geschlechtergerechte Sprache an der Universität Hamburg, 2021].

Ожесточению споров профессионалов и непрофессионалов по поводу гендерного языка в немалой степени поспособствовала онлайн-публикация дуденовского пособия по гендерно-корректному использованию языка [Duden-Ratgeber]¹, вызвавшего множество откликов в СМИ. Влиятельная газета Die Welt, например, обвинила это известное издательство в «тайной гендеризации Дудена» [Lorenz, 2021]. Сотрудница Института немецкого языка Гизела Цифонун в статье «Лингвистка размышляет о гендерной звездочке» констатирует активное использование в письменной речи астериска (*Steuerzahler*innen* «налогоплательщицы») и (реже) нижнего подчеркивания (*Steuerzahler_innen*). Однако автор отмечает проблемы со склонением слов в такой орфографии, например, в дательном падеже множественного числа приходится писать (*den Steuerzahler_innen*). Далеко не все справятся с такой орфографической задачей. Кроме того, проблема затрагивает не только имена существительные, но и имена прилагательные и местоимения, в которые тоже приходится вставлять гендерные маркеры, что не упрощает написание таких слов, например, в местоимениях *jeder* и *sein*: *Jede*r ist seines / ihres Glückes Schmied* «Каждый / каждая сам / сама кузнец своего счастья» [Zifonun, 2021].

Особенности гендерно-корректной коммуникации в устной речи исследованы гораздо меньше, чем в письменной. В этом плане интерес представляют результаты опроса, изложенные в статье В. Мишо, Ж. Мендес и Х. Апеля «Гендер в устной речи? Охотно. Но как?» [Michaux, Méndez, Apel, 2021]. Авторы провели опрос 945 человек в возрасте от 12 до 79 лет (41,7% – женщины, 43,7% – мужчины, 5,9% – небинарные персоны, 8,7% участников не указали свой пол). Цель опроса – выяснить отношение к гендеризации устной речи. Выяснилось, что если респондент в принципе принимает традиционную бинарную систему биологических полов, то для него маркировка гендера в речевой коммуникации возможна или как феминизация с использованием двойных форм (*jede und jeder* «каждая и каждый», *Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter* «сотрудницы и сотрудники»), или как нейтрализация (использование субстантивированных прилагательных и причастий, названий общественных институтов вместо представляющих их лиц, форм пассива и множественного числа, в которых пол

не различается). Эти речевые стратегии используются и в письменной речи. В устной же речи возможен также твердый приступ, т. е. образование гортанной смычки (Glottisschlag, Knacklaut) перед первым гласным суффикса или корневой морфемы. В 1985 году с этим предложением выступила Л. Ф. Пуш (см. выше); с 2019 года это явление получило также название «гендерная пауза» и было принято как термин Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache), которое, приняв этот термин, возражает против самого использования гендерной паузы. Тем не менее, начиная с 2020 года, она все чаще применяется дикторами в устных СМИ, при озвучивании гендерной звездочки или нижнего подчеркивания в письменном тексте (*Forscher*innen* «исследовательницы»). Такой способ маркировки гендера в устной речи был неоднозначно воспринят руководителями многих немецких СМИ.

В. Мишо, Ж. Мендес и Х. Апель провели свой опрос уже на фоне развернувшейся в СМИ дискуссии, предложив респондентам для прослушивания три высказывания в исполнении профессиональных дикторов. Во всех случаях речь шла об объявлении о поиске сотрудников с опытом работы. В каждом из этих высказываний использовались пять различных способов гендерного маркирования (содержание сохранялось), например:

- 1) нейтральная формулировка: *Wir suchen Mitarbeitende mit Erfahrung*;
- 2) гортанная смычка (гендерная пауза): *Wir suchen Mitarbeiter[?]innen mit Erfahrung*;
- 3) двойное обозначение: *Wir suchen Mitarbeiter und Mitarbeiterinnen mit Erfahrung*;
- 4) универсальный мужской род: *Wir suchen Mitarbeiter mit Erfahrung*;
- 5) универсальный женский род: *Wir suchen Mitarbeiterinnen mit Erfahrung*.

Как наиболее удачные были восприняты нейтральные формулировки и двойные обозначения; универсальный мужской род и гортанная смычка заняли среднюю позицию между «абсолютно не подходит» и «абсолютно подходит»; универсальный женский род был отвергнут во всех случаях. Мужчины чаще выбирали универсальный мужской род, женщины – нейтральные формулировки и двойные обозначения, небинарные персоны – нейтральные формулировки и гортанную смычку. В целом, опрос показал, что 49,2% респондентов считают необходимым соблюдать гендерную корректность в устном общении.

Возникает вопрос, насколько все же затруднительно гендерно-корректное произношение, а именно, гортанная смычка не для профессиональных дикторов, а для обычных говорящих.

¹ Duden-Ratgeber: Geschlechtergerechter Sprachgebrauch.
URL: <https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Geschlechtergerechter-Sprachgebrauch>

Рекомендации даны на специальном интернет-сайте: маленькая пауза, обеспечивающая твердый приступ, хорошо знакома немцам, например, по произношению слова *Theater* «театр», в котором она делается перед гласным [a]. Кроме того, именно она позволяет семантически различать слова, например, *verreisen* «уезжать» и *vereisen* «оледеть» [So geht Gender beim Sprechen].

Итог дискуссии по гендерно-корректной орфографии подвел Немецкий орфографический совет, опубликовав 26 марта 2021 года свои рекомендации (Empfehlungen): все виды маркировки «гендерно-корректного немецкого языка» отклоняются и в настоящее время не включаются в утвержденные орфографические правила (werden nicht in das Amtliche Regelwerk aufgenommen)¹. Это решение было принято с учетом того, что проблема гендерного языка не может быть решена только в рамках орфографии: это задача социально-политического масштаба. Утвержденные правила правописания обязательны для школ, вузов и административных учреждений, а также для сферы правоприменения.

Немецкий орфографический совет исходит из следующих критериев (geschlechtersensible Schreibung): тексты должны быть тематически и предметно корректны, понятны, легко читаемы и воспроизводимы в устной форме (vorlesbar), а также приемлемы для других стран, где наряду с немецким языком используются языки национальных меньшинств (Швейцария, Южный Тироль, Восточная Бельгия, Австрия и Германия). Кроме того, такие тексты должны обеспечивать концентрацию внимания читающего / слушающего, прежде всего, на наиболее важной сообщаемой информации; они не должны затруднять овладение немецким языком как иностранным.

Знаки гендерной маркировки речи отвергаются и в связи с тем, что они используются для других

целей, например, в издательской сфере, в информатике, и в связи с тем, что они затрудняют машинный перевод письменных текстов.

Немецкий орфографический совет намеревается продолжать наблюдения за тенденциями в письменной коммуникации, исходя из вышеназванных критериев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После опубликования постановления Немецкого орфографического совета дискуссия в немецкоязычном ареале не прекратилась и общество не пришло к какому-либо консенсусу по поводу гендерного языка. В октябре 2021 года Федеральное статистическое ведомство (Statistisches Bundesamt) опубликовало данные опросов об отношении немцев к гендерному языку: 48% участников считают эту проблему не заслуживающей внимания; 25% респондентов считают ее очень важной: они полагают, что в вербальной коммуникации должны быть адекватно представлены все виды биологического пола².

Не до конца выяснена ситуация и для высшей школы (für den Hochschulbereich erscheint fraglich): насколько должно учитываться мнение студентов и преподавателей по этой проблеме при оценке письменных работ [Geschlechtergerechte Schreibung: Empfehlungen vom 26.03.2021].

В свете сказанного представляется небезосновательным утверждение Петера Айзенберга, что «усилия сторонников гендерного языка не увенчаются успехом, но оставят после себя на длительное время разрушительный след (auf die Dauer eine Spur der Verwüstung) в немецкой грамматике» [Eisenberg 2020, с. 15].

¹ Geschlechtsgerechte Schreibung: Empfehlungen vom 26.03.2021. URL: <https://www.rechtschreibrat.com/geschlechtergerechte-schreibung-empfehlungen-vom-26-03-2021/>

² Wie wichtig finden Sie es, dass die Medien auf eine geschlechtergerechte Sprache achten? URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1250599/umfrage/bedeutung-von-genderneutraler-sprache-in-den-medien/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 7–30.
2. Fladrich M., Imo W. ♀ □ = ♂ □? Oder: Das Gelächter der Geschlechter 2.0.: Emodji-Gebrauch in der WhatsApp-Kommunikation // Deutsch in sozialen Medien. Interaktiv – multidimensional – vielfältig. Berlin: de Gruyter, 2020. S. 95–122.
3. Pusch L. F. Das Deutsche als eine Männersprache: Diagnose und Therapieansätze. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984.
4. Zifonun G. Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion um einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch // Sprachreport. 2018. Jg. 34. №. 34. S. 44–56.

5. Lobin H., Nübling D. Tief in der Sprache lebt die alte Geschlechtsordnung fort. 2018. URL : <https://www.sueddeutsche.de/kultur/genderdebatte-tief-in-der-sprache-lebt-die-alte-geschlechterordnung-fort-1.4003975>
6. Eisenberg P. Wenn das Genus mit dem Sexus. 2018. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/gendergerechte-sprache-wenn-das-genus-mit-dem-sexus-15470481.html>
7. Krome S. Zwischen gesellschaftlichem Diskurs und Rechtschreibnormierung: Geschlechtergerechte Schreibung als Herausforderung für gelungene Textrealisation // Muttersprache. 2020. Jg.130, 1, S. 64–78.
8. Geschlechtergerechte Sprache an der Universität Hamburg. 2021. URL: <https://www.uni-hamburg.de/gleichstellung/download/empfehlung-geschlechtergerechte-sprache-2021.pdf>
9. Lorenz M. Wie der Duden heimlich gegendert wird. 2021. URL: <https://www.welt.de/kultur/plus223755314/Gendersprache-im-Duden-Wie-das-Woerterbuch-12-000mal-gegendert-wird.html>
10. Zifonun G. Eine Linguistin denkt nach über den Genderstern // Sprachreport. 2021. Jg. 37. № 2. S. 46–51.
11. Michaux V., Méndez J., Apel H. Mündlich gendern? Gerne. Aber wie genau? Ergebnisse einer Akzeptanzuntersuchung zu Formen des Genderns in der Mündlichkeit // Sprachreport. 2021. Jg. 37. № 2. S. 34–41.
12. So geht Gendern beim Sprechen. URL: www.genderleicht.de/Sprechen
13. Eisenberg P. Die Vermeidung sprachlicher Diskriminierung im Deutschen // Muttersprache. 2020. № 1. S. 3–16.

REFERENCES

1. Kirilina, A. V. (2005). Gendernye issledovaniya v lingvisticheskikh disciplinakh = Gender investigations in linguistic sciences. Gender i yazyk. Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury. 7–30. (In Russ.)
2. Fladrich, M., Imo, W. (2020). ♀□ = ♂□? Oder: Das Gelächter der Geschlechter 2.0.: Emodji-Gebrauch in der WhatsApp-Kommunikation. Deutsch in sozialen Medien. Interaktiv – multidimensional – vielfältig. Berlin: de Gruyter, 95–122.
3. Pusch, L. F. (1984). Das Deutsche als eine Männersprache: Diagnose und Therapieansätze. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
4. Zifonun, G. (2018). Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion um einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch. Sprachreport, Jg. 34, 34, 44–56.
5. Lobin, H., Nübling, D. (2018). Tief in der Sprache lebt die alte Geschlechtsordnung fort. <https://www.sueddeutsche.de/kultur/genderdebatte-tief-in-der-sprache-lebt-die-alte-geschlechterordnung-fort-1.4003975>
6. Eisenberg, P. (2018). Wenn das Genus mit dem Sexus. <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/gendergerechte-sprache-wenn-das-genus-mit-dem-sexus-15470481.html>
7. Krome, S. (2020). Zwischen gesellschaftlichem Diskurs und Rechtschreibnormierung: Geschlechtergerechte Schreibung als Herausforderung für gelungene Textrealisation. Muttersprache, 130, 1, 64–78.
8. Geschlechtergerechte Sprache an der Universität Hamburg. (2021). <https://www.uni-hamburg.de/gleichstellung/download/empfehlung-geschlechtergerechte-sprache-2021.pdf>
9. Lorenz, M. (2021). Wie der Duden heimlich gegendert wird. <https://www.welt.de/kultur/plus223755314/Gendersprache-im-Duden-Wie-das-Woerterbuch-12-000mal-gegendert-wird.html>
10. Zifonun, G. (2021). Eine Linguistin denkt nach über den Genderstern. Sprachreport. Jg. 37, 2, 46–51.
11. Michaux, V., Méndez, J., Apel, H. (2021). Mündlich gendern? Gerne. Aber wie genau? Ergebnisse einer Akzeptanzuntersuchung zu Formen des Genderns in der Mündlichkeit. Sprachreport. Jg. 37, 2, 34–41.
12. So geht Gendern beim Sprechen. www.genderleicht.de/Sprechen
13. Eisenberg, P. (2020). Die Vermeidung sprachlicher Diskriminierung im Deutschen. Muttersprache, 1, 3–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трошина Наталья Николаевна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Troshina Natalia Nikolaevna

PhD (Philology), Leading Researcher of Linguistic Department,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_112

Лингвостилистическое оформление текстов туристической рекламы (на материале немецкоязычных туристических буклетов)

Э. Б. Яковлева^{1,2}

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

²Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, jakovlevaemma@mail.ru

Аннотация. В статье представлен лингвостилистический анализ буклетных текстов туристической рекламы. Этот вид рекламы имеет свою специфику и только ему свойственную стратегическую направленность. Креолизованный характер буклетного текста нацелен на массового потребителя, стремящегося удовлетворить свои гедонистические, эстетико-культурные, познавательные потребности. Для языковой экспликации стиля текстов туристических буклетов используются разнообразные средства всех языковых уровней. Автор ставит цель, показать на основе лингвостилистического анализа текстов туристической рекламы, какими средствами достигается её суггестивный эффект.

Ключевые слова: туристическая реклама, буклетные тексты, креолизованный текст, лингвостилистический анализ, языковая экспликация, суггестивный эффект

Для цитирования: Яковлева Э. Б. Лингвостилистическое оформление текстов туристической рекламы (на материале немецкоязычных туристических буклетов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 112–119. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_112

Original article

Linguistic and Stylistic Design of Tourist Advertising Texts (based on the texts of tourist booklets)

Emma B. Yakovleva

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow, Russia, jakovlevaemma@mail.ru

Abstract. The article presents a linguistic and stylistic analysis of booklet texts of tourist advertising. This type of advertising has its own specifics and only its own strategic orientation. The creolized nature of the booklet text is aimed at the mass consumer that are seeking to satisfy their hedonistic, aesthetic, cultural, cognitive needs. For the linguistic explication of the style of the texts of tourist booklets, various stylistic means of all language levels are used.

Keywords: tourist advertising, booklet texts, creolized text, linguistic and stylistic analysis, linguistic explication, suggestive effect

For citation: Yakovleva, E. B. (2022). Linguistic and stylistic design of tourist advertising texts (based on the texts of tourist booklets). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 112–119. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_112

ВВЕДЕНИЕ

Глобализационные процессы способствуют динамизации миграций, в том числе туристических. Туризм становится неотъемлемой частью жизни современных людей и важной статьей дохода многих государств. Туристический бизнес интенсивно развивается и совершенствуется¹. Данные тенденции являются импульсом для всестороннего научного освещения туризма как социально-культурного явления, особенно его языкового воплощения, поскольку суггестивные свойства языка в данном случае играют первостепенную роль. Лингвистический анализ туристического дискурса как особого вида речевой (рекламной) деятельности представляется весьма актуальным, учитывая его междисциплинарный, поликодовый, синкретичный характер.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа языковых механизмов воздействия туристической рекламы на сознание ее потребителя. Количество рекламы данной таргетной специфики неуклонно растет. В связи с этим востребованными становятся проблемы повышения ее качества, наращивания креативного потенциала, увеличения суггестивной функциональности, действенного донесения до потребителя, эффективного языкового воплощения.

Цель исследования состоит в выявлении лингвостилистических средств, оформляющих текст туристической рекламы как эффективного инструмента воздействия на сознание немецкоязычного потребителя.

В круг задач исследования входит:

- 1) кратко охарактеризовать рекламный текст туристического буклета;
- 2) представить лингвостилистический анализ средств выразительности в данном виде текста на разных языковых уровнях.

Материалом для данной работы послужили тексты рекламных туристических буклетов и проспектов на немецком языке.

В основу исследования положена гипотеза, согласно которой суггестивный эффект в текстах туристической рекламы достигается благодаря использованию стилистических средств разных языковых уровней.

Основными методами исследования являются: метод сплошной выборки, лингвостилистический анализ языкового материала.

¹ По данным Всемирной туристической организации ООН (UNWTO), в 2021 г. международный туризм вырос на 4 % по сравнению с 2020 г., когда туристическая отрасль понесла огромные убытки из-за пандемии коронавируса Covid-19. Данный показатель 2021 г. еще значительно уступает допандемическим значениям 2018–2019 гг., однако ситуация, тем не менее, улучшается (<https://www.tadviser.ru/index.php>).

Теоретической базой послужили работы М. П. Брандес, Л. П. Тарнаевой, Э. Ю. Новиковой, Н. Н. Кислицыной, А. Н. Рак, Е. В. Шелестюк и др.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУКЛЕТНОГО ТЕКСТА ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Большинство исследователей определяют туристический дискурс как новый вид институционального дискурса, подчеркивая его самостоятельность [Тарнаева, Дацюк, 2013; Сакаева, Базарова, 2014; Кислицина, Рак, 2016; Овчинникова, Овчинникова, 2018; Серегина, 2021 и др.]. Тем не менее «туристический дискурс является особым подвидом рекламного дискурса, который объединяет различные виды рекламы туризма и является нацеленным на позиционирование и продвижение туристических услуг с помощью стратегий аргументации, которые имеют лингвокогнитивный характер» [Панченко: цит. по: Кислицина, Рак, 2016, с. 92]. Он может быть структурирован с помощью разных текстовых составляющих, в том числе и нелингвистических компонентов, которые функционально связаны между собой.

Текст рекламного туристического буклета-проспекта является специфическим, хотя и самым распространенным жанром туристического дискурса, сочетающим в себе как вербальные, так и невербальные компоненты. Его креолизованный характер нацелен на туристов, в первую очередь, стремящихся удовлетворить свои гедонистические, эстетико-культурные, познавательные потребности. Как правило, буклетный текст, небольшой по объему и гибридный по структуре, включает в себя очень краткую историческую справку о рекламируемом туристическом регионе, фотографии основных культурных объектов, а также информацию с указанием стоимости, дат и времени экскурсий, об основных музеях и других достопримечательностях, популярных ресторанах, кафе, магазинах, адреса туристических информационных центров и т. д.

Языковая манифестация стиля текстов туристической рекламы имеет свою экспрессивно-аксиологическую природу, свой ассоциативный ряд и ярко выраженный суггестивно-психологический эффект. В данном виде рекламы используется широкий спектр средств выразительности на всех языковых уровнях: лексико-стилистические, синтаксико-стилистические, морфологические, риторические фигуры. Эти средства в совокупности создают общую экспрессивную тональность текста и усиливают прагматико-суггестивный эффект данного типа текста.

СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ СУГГЕСТИВНОГО ЭФФЕКТА

Эти средства усиления суггестивного эффекта включают в себя разные коммуникативные типы предложений, их объем как выразительное средство стилистического синтаксиса, транспозицию типов предложений, изменение структуры предложений и др.

ОБЪЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО СТИЛИСТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА

Рекламный текст туристического буклета, как указывалось выше, небольшой по объему, однако в нем используются предложения разной длины. Правда, стоит отметить тенденцию к преобладанию коротких и средних предложений. Длинные предложения встречаются реже.

Короткие предложения в тексте туристической рекламы выступают основным средством создания эмоционального фона. Они часто напоминают слоганы, так как имеют такую же сжатую структуру и выражают сконцентрированную, семантически ёмкую мысль, отражающую основной принцип маркетинговой стратегии. Такие короткие предложения оформляются яркими, броскими языковыми «мазками»:

Der Tag, der bleibt in Erinnerung! Mit uns zu schönen Ausflugszielen. Für nur 28 Euro. Und 3 Euro je Mitfahrer. Lübeck für Kenner!

Предложения средней длины также типичны для указанного вида текста. Они являются достаточно ёмкими для выражения основных содержательно-мыслительных связей, поэтому они доступны для легкого зрительного восприятия. Они могут быть как сложными (сложносочиненными, сложноподчиненными), так и простыми распространенными:

Zum Verweilen bei typisch fränkischen Gerichten laden fränkische Gaststuben ein.

Dieser Spaziergang führt zu den Stätten, die mit der Familie Mann und einigen ihrer Romanfiguren verbunden sind.

Es gab im Mittelalter über hundertachtzig Gänge, und heutzutage sind es immer noch über achtzig.

Длинные предложения также представлены в разных видах: как простые распространенные

и как сложные. Периоды с разветвленной многоступенчатой системой придаточных встречаются редко. В основном это распространенные предложения с перечислением.

Folgen Sie uns in die Nürnberger Felsengänge, in ein faszinierendes Labyrinth aus einer Vielzahl von weit verzweigten Gängen und Kellern, erkunden Sie im Rahmen einer Führung dieses einzigartige Stollensystem und erfahren Sie dabei Interessantes über Recht und Gesetz in den Felsenkellern über die vielfältigen Nutzungen in den letzten 700 Jahren und über die handwerkliche Bierherstellung in der Hausbrauerei Altstadtthof.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Наряду с использованием разнообъемных предложений как выразительного средства для достижения нужного суггестивного эффекта в текстах указанной таргетности широко распространен прием повышения выразительности высказывания за счет оформления его содержания разными коммуникативными типами предложений. В анализируемом материале встречаются их разные коммуникативные типы, однако наиболее частотны восклицательные предложения:

Hexerei, Zauberei, raben-und schwarzkatzentfrei – spannende Geschichten aus alten Zeiten!
Ein Ausklang Ihres Tages, wie er schöner nicht sein kann!
Ab ans Meer – auf eine Entdeckungsreise!

Восклицательные императивы представлены, как правило, третьей и первой формами императива:

Tauchen Sie ein in die bewegte Dresdner Geschichte und erleben Sie eine Zeitreise der besonderen Art im Panometer Dresden!
Lassen Sie sich überraschen!
Erleben Sie die schönsten Ecken des Seebades bei einem Spaziergang!
Entdecke und erlebe Augsburg!

ТРАНСПОЗИЦИЯ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Стилистическая транспозиция вопросительного предложения связана с его положением в контексте речи [Брандес, 2004]. **Риторические** вопросы эмоционального содержания представляют собой типичный вид такой транспозиции. Они, как правило, не предполагают ответа:

Was ist Lübecker Rotspon? Welche Geschichte verbindet diesen Wein aus Bordeaux mit der Hansestadt Lübeck, der Rotweinstadt des Nordens?

В **вопросно-ответных конструкциях** первая часть конструкции тоже содержит риторический вопрос. Ответная реплика, как правило, императивное предложение, приглашающее туриста совершить то или иное действие:

– Ist Schinken kosher? Können Frauen Rabbinerinnen werden? Und was ist eigentlich Ritualbad?
– Besuchen Sie das jüdische Museum Franken in Fürth!

НАРУШЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В кратких буклетных текстах туристической рекламы синтактико-стилистические приемы, связанные с **изменением порядка слов** в предложении, нечасты, тем не менее они имеют место. Данный прием подразумевает вариации в рамках строгих канонизированных правил; эти вариации появляются в контексте и имеют повышенную выразительность. Имеют место сдвиги изменяемой части сказуемого, помещение его и второстепенных членов в форфельд, нарушение закона рамки и др.:

Ist große Auswahl an herzhaften Speisen, vegan und glutenfrei!
Das ultimative High Speed Erlebnis auf dem Wasser bieten wir Ihnen.
Der Tag, der bleibt in Erinnerung!
An die Kirche unmittelbar angebaut ist das sogenannte „Lange Haus“.

Прием разрыхления рамочной структуры предложения используется для акцентирования внимания реципиента на важности сообщаемого.

К наиболее распространенным нарушениям структуры предложения в буклетном тексте относятся и **присоединительные конструкции**, имеющие широкий диапазон выразительности, в данном случае он служит для привлечения внимания туристов к деталям экскурсии или досуговым целям:

Hier lebten im Mittelalter die Arbeiter, die Sackträger.
In keinen Gangbuden.

Auch die kleine Schwesterstadt von Nürnberg hat jede Menge zu bieten. Für Kulturinteressierte, für Kabarettfreunde, für Nachtschwärmer.

РЕДУКЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Усечение синтаксической структуры предложения связано с намеренным «опусканием» одного или нескольких необходимых членов предложения. Хотя данный прием доминирует в спонтанной устной речи, в письменной речи такие элиминации являются специальным стилистическим приемом.

В анализируемом материале наиболее частотными редуцированными структурами оказались парцелляции, эллипсис. Стяженные гипотаксисные структуры встречаются редко.

Тип редукции синтаксической структуры в виде изолированных коротких предложений (парцелляции) является одним из часто используемых стилистических средств в рекламе. **Парцелляция** – усечение конструкции с целью выделения, придания статуса самостоятельного высказывания отдельным членам предложения. В тексте указанного вида рекламы это подчеркивание важности деталей:

Fugger und Luther, Casanova und der Kaiser!
Entdeckt jetzt das Abenteuer! Erlebt Nervenkitzel und Spannung! Auf völlig neue Art und Weise!

В туристической рекламе весьма эффективно употребление **эллипсиса** для достижения желаемого суггестивного эффекта:

Genußfachhändler im Herzen der Altstadt!
Das Leben genießen und ausgelassen feiern! Das alles unsere Ratskellerphilosophie!

Имеет место и эллиптизированный гипотаксис со стяженным главным и элиминированным главным предложениями:

Hier alle Weihnachtstraditionen, die aus allen Regionen rings um Dresden vertreten sind.
Weil wir für Sie Ihren Traum erreichbar machen!

ЭКСПАНСИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Среди приемов изменения синтаксической структуры в анализируемом материале была выделена и ее экспансия, т. е. усложнение и рекуррентность отдельных элементов.

Самым распространенным видом синтаксической экспансии в буклетных текстах является употребление **инфинитива**: расширенного инфинитива, инфинитивных конструкций, инфинитивных оборотов:

Mit der Straßenbahn nostalgisch fahren!

Nach Herzenslust schlemmen, Tradition einatmen!
Der Entdeckerpass für die gesamte Region: Kommen!
Staunen! Bleiben!

Die Metropolregion Nürnberg hat für Entdecker jeden Alters und jeder Herkunft wahre Freizeitschätze zu bieten!

Doch auch in den kleinen Gassen gibt es Trendiges zu erleben!

Der „Blaue Stein“ in Gold und Silber ist direkt am Albrecht Dürer-Haus zu finden.

Eine Bootsfahrt mit dem Heckraddampfer durch den Radelsee ist zu empfehlen.

Um Sie mit dieser Nordperle bekannt zu machen, laden wir Sie zu einer Seeüberquerung per Schiff.

Перечисление как один из видов экспансии синтаксической структуры и одно из самых пространственных средств усиления суггестивного эффекта весьма часто употребляется в описываемом виде рекламных текстов. По своей структуре оно может быть с разным составом элементов: одночленным, парным, двучленным, многочленным, союзным, бессоюзным:

Die Weihnachtsstadt, die Lebkuchenstadt, die Spielzeugstadt!

Hexerei, Zauberei, Sagen, Legenden, Aberglaube, Geheimnisse!

Hier geht es um Kaiser und Könige, um die steinreichen Augsburger Kaufleute, um die Mozarts und um andere prominente Namen, die jeder kennt oder kennen lernen sollte.

Синдетическая связь как один из распространенных видов экспансии синтаксической структуры и экспрессивное средство в буклетных текстах также играет важную роль в подчеркивании требуемых нюансов. **Полисиндетическая и асиндетическая связь** [Брандес, 2004, с. 307] создает эффект пролонгированного комфорта, удовольствия от экскурсии, познавательного и приятного времяпрепровождения:

Nordbayerns größter Reisemarkt, ein vielfältiges Gastronomie-Shopangebot, ein Konferenz- und Tagungszentrum, eine kostenfreie Besucherterrasse sorgen für ein rundum entspannendes Flughafenerlebnis.

In der spektakulären Neupräsentation werden nicht nur Bestand und Funktion der Kaiserburg anschaulich erklärt, sondern auch Wissenswertes über das Heilige Römische Reich Deutscher Nation und die Rolle Nürnbergs im Spätmittelalter für große und kleine Besucher faßlich und spannend und anregend vermittelt.

СТИЛИСТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ СУГГЕСТИВНОГО ЭФФЕКТА

Стилистико-морфологические средства дают меньше эмоционально-экспрессивных окрасок, нежели синтактико-стилистические средства, так как морфологический уровень языка устойчив к воздействию различных жанров, функциональных стилей и типов речи [Брандес, 2004]. Этих средств в анализируемом виде дискурса обнаружено значительно меньше, чем синтаксико-стилистических.

Особенности данных средств в аспекте стилистики текстов туристической рекламы проявляются в различных формах. В нашем материале все формы **степеней сравнения прилагательных** подчеркивают напряженность ситуации. Особенно много примеров с прилагательными в суперлативе, который является одним из важнейших средств создания экспрессивности. В данном виде дискурса они часто употребляются для «подогревания» гедонистических устремлений туриста:

Der schnelle Weg zur großen Einkaufsvielfalt!

Wir machen es für Familien billiger!

Wenn die Schatten länger werden (Stadtführung am Abend).

Die beste Küche ist bei uns!

Wir verarbeiten edelste Schokoladen aus aller Welt per Hand zu leckersten Trüffeln und Pralinen!

Nürnbergs süßeste Verführung bietet die größte Auswahl an leckersten Torten, Kuchen und Pralinen!

Помимо использования положительной, сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных, в исследуемом материале обнаружена **стилистико-морфологическая синонимия** – дублетные формы глаголов в повелительном наклонении: разговорный вариант глагола в императиве: *Bleib` in unserer Heißen Ecke! Erleb` nächtliches Hafenpanorama!* вместо литературной нормативной *bleibe, erlebe*. Дублетных форм других частей речи не обнаружено.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ СУГГЕСТИВНОГО ЭФФЕКТА

В буклетных текстах туристической рекламы встречается немалое количество лексических единиц, придающих особую эмоциональную окраску этому виду рекламы.

Рекламные тексты содержат эмоционально окрашенные слова, чтобы привлечь и удержать внимание реципиента. Их языковая экспликация

зависит от направленности на массовую аудиторию. Вся лексика в этом субжанре рекламы направлена на то, чтобы побудить ее потребителя к совершению действий, нужных продавцу услуг. Для достижения данной цели употребляются различные лексические изобразительно-выразительные средства. В нашем материале это в основном англицизмы, композиты, облагораживающая лексика, усилительные элементы квалифицирующего характера в составе сложных слов, локализмы, историзмы, иностранные слова и др.

Для «подогрева» робинзонных настроений туриста создатели рекламных туристических текстов часто прибегают к использованию колоритной лексики. В основном, это локализмы, экзотизмы, историзмы.

В исследуемом материале роль **локализов** часто выполняют диалектная лексика разной тематики, территориальные дублеты:

Mit unseren köstlichen Schmankerln aus der süddeutschen Küche möchten wir Sie das ganze Jahr über verwöhnen.

Somit wünschen wir Ihnen viele genußvolle Stunden in unserem Hause und unterhaltsame Lesefreude mit diesem kleinen Bläddle.

Die Geschichte der Spätzle geht zurück bis in das 18. Jahrhundert und fügte alles, was aus Mehl zubereitet wurde, unter dem Namen „Spätzle“ oder „Knöpfle“ zusammen.

При кратком описании исторических объектов употребляется **историческая лексика**, создающая колорит прошлого.

Am linken Elbufer befindet sich das historische Zentrum Dresdens mit Bauwerken aus Renaissance, Barock und 19. Jahrhundert.

Der Fürstenzug in der Augustusstraße verbindet Georgentor und Johanneum.

Das bekannteste Denkmal Dresdens zeigt Kurfürsten Friedrich August I., bekannt als August der Starke.

Многочисленные **англицизмы**, доля которых в глобализирующемся мире значительно возросла, «перекрывают» употребление интернациональной лексики греческого или латинского происхождения (*Das ist **Plaza** mit eigenartigem **Panoramablick***):

Spazieren und dinieren – Dine around in Nürnberg.
Escape Agency – Live Escape Game.

Discovery Tour.

Alster round trip by the Alstertouristik shipping company.

A Walk in the Dark.

Весьма популярными в данном жанре рекламы остаются **компози́ты**. Кроме основной функции компрессирования мысли, здесь они выполняют и прецизионную роль:

Das Quer-durchs-Land-Ticket, das KaiserAugustusDenkmal, die Rathausplatzführung, die MartinLutherstätten in der Reformationsstadt Augsburg, das Trinkwasserversorgungsdenkmal.

Основная функция **облагораживающей лексики** в текстах туристической рекламы состоит в привлечении внимания реципиента к рекламируемому объекту:

Poesie der Reise! Die Poesie der Venezianischen Malerei! Über das Schöne in der Poesie! Schwerin. Magische Momente erleben!

Характеристика рекламируемого объекта с помощью употребления **лексики с положительной стилистической окраской** также имеет целью привлечь внимание реципиента:

Über 11000 Millionen zufriedener Kunden!
Wir laden Sie zu einer faszinierenden Rundfahrt.

Unberührte und einsame Landschaften mit über 2.000 Seen, endlosen Stränden, sehenswerten Städten, Schlössern, Kunst und Kultur.

Der feine Sandstrand bietet perfekte Bedingungen für einen entspannenden Tag am Strand mit der ganzen Familie und einen hervorragenden Blick auf Warnemünde.

РИТОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ СУГГЕСТИВНОГО ЭФФЕКТА

Из риторических фигур в анализируемом материале можно выделить фигуры количества, качества, неравенства, противоположности.

В текстах анализируемой тематики использует сравнение для создания образа:

Die nächtliche Stadt wie in einem Märchen erleben!

Fünf kunstvoll gestaltete Themenhöfe beherbergen kleine Restaurants und Cafés, originelle Galerien und individuelle Geschäfte wie auf Bestellung.

Метафора также служит выразительности в данном виде рекламы:

Der Ausflug ins Sächsische Elbland ist eine unvergeßliche Abwechslung im grauen Alltag.

С помощью **персонафикации** осуществляется перенос черт живого существа на неодушевленный предмет:

Heiderbräu, Restaurant und Café am Nauener Tor verwöhnen ihre Gäste mit köstlichen saisonalen Speisen.

Die Sonne lacht, der Wasserfall redet, gemütliches Natureckchen lädt ein!

Рифмовки и пословицы также находят место в текстах туристической рекламы:

Das Christkind zu seinem Markte ein, und wer da kommt, der soll willkommen sein.

Hexerei, Zauberei, raben-und schwarzkatzefrei – spannende Geschichten aus alten Zeiten!

Klein aber fein und frisch renoviert ist das Feuerwehrmuseum auf dem Dachboden der Feuerwache 3 am Jakobsplatz.

В исследуемом материале были найдены предложения с элементами антитезы:

Mehr entdecken – weniger zahlen.

Климакс как фигура нарастания, интенсификации иллюстрирует качество и значительность предмета, к которому относится высказывание. Нарастание градации качества определенной характеристики происходит постепенно, в результате возникают отношения неравенства между следующими друг за другом частями высказывания. В рекламе шопинга для туристов нарастание достигается за счет употребления сравнительных форм прилагательного:

Fein, feiner, am feinsten! Unser Fachgeschäft mit der größten Auswahl an feinsten Modestoffen, Knöpfen und Kurzwaren beeindruckt Ihre Phantasie.

Гиперболический эффект усилительных элементов увеличивает экспрессивную оттеночность. В качестве усилительных элементов квалифицирующего характера выступают префиксы, наречия, прилагательные, существительные: *aktiv, all, doppel, fein, groß, hoch, intensiv, multi, Riesen, Sonder, Spitzen, super, Traum, ultra, ur, voll, Welt, ganz, Maximum*.

Traumreise, Traumstadt, Traumfahrt.

Auf den Spuren einer Stadtgeschichte von Weltformat. Maximum-Genießen

Die allerbesten Erholungsmöglichkeiten

Das Sonderangebot für Familienerholung

Die Hafenrundfahrt ist ein Riesenvergnügen!

Ein Riesengelände, ein Riesenangebot, ein Riesenvergnügen!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью нашего исследования являлось выявление способов языкового оформления текстов туристической рекламы. Этот вид рекламы имеет свою специфику и только ему свойственную стратегическую направленность. Целью данной рекламы является воздействие на потенциального потребителя для реализации своего турпродукта.

Для достижения этой цели важна эффективная языковая презентация этого вида рекламы. Тексты туристических буклетов и проспектов характеризуются использованием стилистических средств различных языковых уровней, которые реализуют аттрактивную и суггестивную функции названных текстов. Лексико-стилистические, синтактико-стилистические, морфологические средства, а также риторические фигуры создают в совокупности общую экспрессивную тональность буклетного текста и способствуют усилению его суггестивной функции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарнаева Л. П., Дацюк В. В. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики // Вестник Санкт-Петербургского государственного ун-та. 2013. Сер. 9. Вып. 3. С. 229–235.
2. Сакаева Л. Р., Базарова Л. В. Понятия «туризм» и «туристический дискурс» в современной научной парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1 (36), 2014. С. 159–161.
3. Кислицина Н. Н., Рак А. Н. О некоторых аспектах изучения туристического дискурса // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 2 (68). № 2. Ч. 1. 2016. С. 90–97.
4. Овчинникова М. С., Овчинникова П. А. Туристический дискурс – современная реальность? // Cross Cultural Studies: Education and Science. Volume 3, Issue III, 2018. P. 151–155.

5. Серегина М. А. Туристический дискурс: лингвосомиотические особенности функционирования паремий // Филология: научные исследования, № 3. 2021. С. 59–66.
6. Брандес М. П. Стилистика текста. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М. 2004.

REFERENCES

1. Tarnaeva, L. P., Dacjuk, V. V. (2013). Tourist discourse: linguopragmatic characteristics. Vestnik of Saint-Petersburg State University. Ser. 9. 3, 229–235. (In Russ.)
2. Cakaeva, L. R., Bazarova, L. V. (2014). The concepts of “tourism” and “tourist discourse” in the modern scientific paradigm. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 6–1 (36), 159–161. (In Russ.)
3. Kislicina, N. N., Rak, A. N. (2016). On some aspects of the study of tourist discourse. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2 (68), 2. Ch. 1, 90–97. (In Russ.)
4. Ovchinnikova, M. S., Ovchinnikova, P. A. (2018). Turisticheskij diskurs – sovremennaja realija? = Tourist discourse – modern reality? Cross Cultural Studies: Education and Science. Vol. 3. Issue III, 151–155. (In Russ.)
5. Seregina, M. A. (2021). Tourist discourse: linguosemiotic features of the functioning of paremiyas. Filologija: nauchnye issledovanija, 3, 59–66. (In Russ.)
6. Brandes, M. P. (2004). Stilistika teksta = Stylistics of the text. Moscow: Progress–Tradicija; INFRA–M. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлева Эмма Борисовна

доктор филологических наук, профессор, зав. отделом языкознания ИНИОН РАН,
профессор кафедры романо-германских языков факультета лингвистики
(научно-учебный комплекс «Фундаментальные науки»)
Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yakovleva Emma Borisovna

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics INION RAS,
Professor of the Chair of Romano-Germanic Languages, Department of Linguistics
(Fundamental Sciences – Scientific and Educational Complex),
Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья
 УДК 821.14(38), 821.131.1, 82-96
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_120

О толковании в эпоху Чинквеченто аристотелевского учения о хороших характерах

Е. В. Лозинская

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
 jane.lozinsky@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены созданные в эпоху Чинквеченто интерпретации аристотелевского тезиса о том, что в поэзии следует подражать хорошим характерам. Показано, что концепции итальянских критиков XVI в. (в частности, Ф. Робортелло, В. Маджи, Дж. Б. Пиньи, П. Бени, А. Пикколомини) во многих случаях основаны на ином, чем у Аристотеля, понимании воспитательной функции поэзии и нередко приводят к переосмыслению отдельных категорий и общих положений «Поэтики», в частности к разделению социального и этического критериев в оценке характера.

Ключевые слова: «Поэтика» Аристотеля, комментарий, характер, добродетель, *arête*, воспитательная функция поэзии, *decorum*, жанр

Для цитирования: Лозинская Е.В. О толковании в эпоху Чинквеченто аристотелевского учения о хороших характерах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 120–126. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_120

Original article

On the Interpretation of the Aristotelian Doctrine of Good Character in the Cinquecento

Evgeniya V. Lozinskaya

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 jane.lozinsky@gmail.com*

Abstract. The article considers Cinquecento interpretations of the Aristotelian thesis that poetry should imitate good characters. It shows that many theories suggested by the 16th century Italian critics (namely F. Robortello, V. Maggi, G.-B. Pigna, P. Beni, A. Piccolomini) are based on the different understanding of educational function of poetry, and often lead to the reinterpretation of some categories and general ideas of *Poetics*, and in particular to the separation of social and ethical criteria in character assessment.

Keywords: Aristotle's *Poetics*, commentary, character, virtue, *arête*, educational function of poetry, *decorum*, genre

For citation: Lozinskaya, E. V. (2022). On the interpretation of the Aristotelian doctrine of good character in the Cinquecento. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 120–126. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_120

ВВЕДЕНИЕ

Знаменитый феррарский поэт, трагедиограф и теоретик поэзии Джамбаттиста Джиральди Чинцио жаловался в посвящении к «Орбекке» на трудности, возникающие при понимании некоторых основополагающих тезисов «Поэтики», включая определение трагедии: «Хотя Аристотель и дает нам способ их <трагедий> сочинения, он, не говоря уж о его природной сложности, которая (как вы знаете) весьма велика, остается полон темных и туманных мест»¹ [Giraldi Cinthio, 1972, с. 411].

Действительно, процесс освоения «Поэтики» в Италии XVI в. протекал не без сложностей, и жалоба Джиральди имеет под собой реальные основания, актуальные не только в то время, но и сейчас: «Поэтика» написана сжатым, лаконичным стилем, а дошедшие до нас манускрипты содержат разночтения и лакуны. Джиральди ссылается на внешние обстоятельства, препятствующие легкому пониманию аристотелевского сочинения: утрачены работы тех авторов, на которых Аристотель опирался, выстраивая свою систему, равно как и произведения поэтов, используемые им в качестве примеров. Но мы, взглянув на литературную теорию XVI в. в исторической перспективе, можем увидеть более глубокую причину затруднений, возникших у комментаторов «Поэтики»: им требовалось осмыслить новые, непривычные теоретические категории, усвоить новый взгляд на поэзию в целом.

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, освоение «Поэтики» в эпоху Чинквеченто во многом шло через адаптацию аристотелевских понятий к привычным для теоретиков того времени мыслительным парадигмам – горацианской, риторической, неоплатонической [Herrick, 1946; Weinberg, 1961; Hathaway, 1962]. Кроме того, у авторов XVI в. сохранялись и теоретические установки предыдущих веков, порожденные необходимостью «защитить» поэзию от обвинений в безнравственности – в первую очередь с помощью акцента на ее воспитательной роли, приспособленной к христианскому образу жизни. Иным был и культурный контекст: представления о человеке и поэзии в эпоху Тридентского собора и в древних Афинах не могли не различаться принципиальным образом. Все это влияло не только на общие теоретико-литературные идеи, но и на понимание отдельных терминов и тезисов «Поэтики». Например, понятие *hamartia* (трагическая ошибка) вначале передавалось с помощью слов, означающих «ошибка», а затем – как «грех». Отчетливая христианизация этой категории сделана лишь в комментарии Лодовико Кастельветро,

однако в дискуссии о трагедии Сперони «Канака и Макарею» обсуждение было сконцентрировано на связанном с христианской концепцией греха вопросе о том, совершает ли трагический герой свою ошибку невольно или по собственной воле, а в комментариях Пьетро Веттори, несмотря на отсутствие эксплицитных религиозных мотивов в истолковании *hamartia*, акцент смещался в сторону моральной, а не когнитивной ошибки [Brazeau, 2018].

При этом переводы и комментарии «Поэтики», созданные в эпоху Чинквеченто, породили традицию, определявшую многие экзегетические и переводческие решения последующих веков [Else, 1957, с. VIII]. Так, идея *hamartia* как «моральной ошибки» сохранялась в европейской культуре вплоть до конца XIX в. Мы остановимся на одном из положений Аристотеля, которое, возможно, вызывает не столь бурную полемику, как катарсис, *hamartia*, мимесис, но все же порождает некоторые трудности в анализе аристотелевского учения или приводит к его ненамеренному (или намеренному) переосмыслению. Речь идет о рекомендации, чтобы характеры в трагедии были «хорошими» (1454a16).

«ХОРОШИЕ ЛЮДИ» У АРИСТОТЕЛЯ

Характер в «Поэтике» обозначается словом ἦθος (*êthos*), и, как подчеркивал С. Хэллиуэлл, аристотелевское понимание характера отличается от современного, пост-романтического, в котором центральное место отводится внутренней жизни человека, его психологическим особенностям и индивидуальности [Halliwell, 1986, с. 139]. По Аристотелю, характер проявляется исключительно в сознательном действии, в котором человек реализует этический выбор (или же в суждении, имеющем этическое измерение).

Там, где нет осуществления этического выбора, нет и характера (поэтому, кстати, Аристотель и говорит, что бывают трагедии без характеров). При этом действие – это не только проявление характера, но и инструмент его формирования: «...добродетель мы обретаем, прежде [что-нибудь] осуществив (*energesantes*), так же как и в других искусствах. <...> совершая правые [поступки], мы делаемся правосудными, [поступая] благоразумно – благоразумными, [действуя] мужественно – мужественными» (Аристотель. Никомахова этика, 1103a31. Пер. Н. В. Брагинской). «Фундаментальный принцип аристотелевской теории о развитии характера заключается в том, что мы становимся такими, как мы действуем, наши действия кристаллизуются в характер» [Whalley, 1997, с. 50; см. также: Janko, 1987, с. 225; Else, 1957, с. 70].

¹ Здесь и далее перевод наш, если в тексте не указано иное. – Е. Л.

В воспитании хорошего характера важную роль играет приобретение способности испытывать чувства, подобающие ситуации и ей соразмерные, поскольку именно они позволяют человеку принять правильное решение. И поэзия дает возможность научиться таким эмоциональным реакциям. «Эмоционально реагируя на представление, мы учимся вызывать у себя правильные эмоциональные реакции и в жизни. Аристотель говорит это о музыке, в которую он включает поэзию, в восьмой главе “Политики” (1340a14–25)» [Janko, 1987, с. xviii]. Именно в таком ключе Аристотель понимает воспитательную роль поэзии и в частности трагедии, и такое понимание не имеет ничего общего с назидательностью, моральными рецептами и прочим, что традиционно ассоциируется с этой концепцией (например, в применении к литературе русского классицизма). Хороший характер зритель приобретает не в наблюдении за персонажами как образцами поведения и не в осмыслении происходящего на сцене с этической точки зрения, а в процессе «тренировки» своих чувств. Поэзия же обеспечивает для нее материал – объекты, по отношению к которым эти чувства можно испытывать.

Для выполнения этой функции трагедия должна иметь правильную организацию: только тогда изображенное в ней действие породит у зрителей правильные эмоции (человеколюбие, страх и сострадание), в противном же случае вызовет лишь возмущение. Одним из компонентов трагедийной структуры является характер, и первое и главное требование к нему Аристотеля – он должен быть хорошим (что, конечно, не подразумевает его безупречности, трагический герой совершает ошибку, которая и лежит в основе сюжета). При этом к героям трагедии относится тот же принцип, что и к реальным людям: действующее лицо «будет иметь характер, если, как сказано, обнаружит в своих речах или поступках какой-то выбор; <и оно будет иметь> хороший <характер>, если хорошим <будет его выбор>» (Аристотель. Поэтика, 1454a17–18. Здесь и далее пер. М. Л. Гаспарова).

Но что такое «хороший»? В «Поэтике» используется несколько слов с близкими значениями. В приведенной выше цитате в греческом тексте стоит слово *χρηστός*. Однако там, где вводится само разделение характеров на хорошие и дурные (1448a2), употреблено другое – *σπουδαῖος*, которое затем появляется в определении трагедии и в отрывках о сходстве эпоса и трагедии, т.е. при трактовке жанровой специфики предмета подражания. Переводческая традиция неслучайно демонстрирует некоторую неустойчивость в отношении этих слов: их семантика пересекается, но не эквивалентна, – и это важно для понимания

аристотелевского учения о характерах. Показателен русский перевод: М. Л. Гаспаров избирает для *χρηστός* русский эквивалент «хороший», но для *σπουδαῖος* – «хороший» только в 1448a2 и 1448a26, когда же речь заходит о предметах подражания в эпосе и трагедии (1449b9, 1449b24), это слово переводится как «важный». Р. Янко, приняв аналогичное переводческое решение, дает следующее пояснение: «48a2 “хороший”. Этот эпитет (*spoudaios*), который я также перевел как “серьезный”, относится к человеку, которого мы должны принимать всерьез одновременно в социальном и моральном плане» [Janko, 1987, с. 71].

Д. Л. Мунтеану называет *σπουδαῖος* обозначением для человека в некотором смысле выдающегося, проводя параллель между использованием этого эпитета в «Поэтике» и тем, как в третьей главе «Политики» Аристотель характеризует *σπουδαῖος* гражданина: он имеет стремление к тому, чтобы обрести высшую добродетель и стать общественным лидером, и у него есть к тому задатки, хотя и необязательно, что ему удастся достичь своих целей. В характеристике лица как *σπουδαῖος* социальный и моральный аспекты неотделимы друг от друга, поскольку общественное положение и сопутствующие ему ресурсы являются необходимыми условиями для достижения счастья (включающего в себя добродетель), не будучи его компонентом [Munteanu, 2020, с. 155].

Дж. Элс также подчеркивает, что в противопоставлении *σπουδαῖος* (хороший) и *φάυλος* (дурной) «оба термина относятся настолько же к общественному, политическому и экономическому плану, насколько и к этическому» [Else, 1957, с. 75]. При этом *σπουδαῖος* «несет себе коннотацию к старому героическому и аристократическому кодексу *ἀρετή*» [Else, 1957, с. 457]. Содержание и значимость категории «арете» подробно раскрыты В. Йегером в его знаменитой работе «Пайдейя: воспитание античного грека» (1934), и в самом общем плане можно сказать, что «арете» ориентирована на героический идеал. Муж, устремленный к арете, это человек действия, а не созерцания, воин и политик, а не философ. Доблесть и желание почестей сочетаются в нем с готовностью к самопожертвованию, в котором проявляется «высшая любовь к себе», с «подвигами высшего нравственного героизма» [Йегер, 2001, с. 29–42].

При этом оппозиция *σπουδαῖος* / *φάυλος* «означает не добродетельность и порочность как наличные состояния, но два разных отношения к добродетели» [Else, 1957, с. 77]. *Σπουδαῖος* – это тот, кто устремлен к *ἀρετή*, но не воплощает абсолютное совершенство, может ошибаться (в этом и суть трагической фабулы). *Φάυλος* – тот, кто

к ἀρετή не стремится и «просто живет», что в то же время не означает его полную порочность. В этом контексте Дж. Элс интерпретирует использование слова χρηστός, а не σπουδαῖος в разделе о четырех требованиях к характеру. Герой греческой трагедии репрезентирует нравственно-социальный тип σπουδαῖαι и идеал ἀρετή, однако «помимо него трагедия представляет нам других людей всех слоев и состояний, и аристотелевское предписание, чтобы характер был хороший (χρηστός), затрагивает также их, каждого согласно его типу» [Else, 1957, с. 457]. Они, не будучи σπουδαῖαι, все равно могут быть хорошими в этическом плане – в той степени, которая определяется их положением [Else, 1957, с. 458].

«ХОРОШИЕ ЛЮДИ» В ТРАКТАТАХ ЭПОХИ ЧИНКВЕЧЕНТО

В латинских и итальянских переводах «Поэтики» слово ἦθος передается словами *mos* и *costume*, которые в большей степени подчеркивают смысл нрава как обычая или даже набора характеристик, не всегда напрямую связанных с действием и этическим выбором. Это, как будет показано ниже, окажет определенное влияние на истолкование учения о характерах, однако главную роль сыграет унаследованное из прошлого представление о том, как именно поэзия призвана наставлять аудиторию в моральном плане, улучшать нравы.

Мысль о моральной пользе поэзии отчетливо выражена уже в первом комментарии к «Поэтике» – «Разъяснениях к книге Аристотеля о поэтике» (1548) Франческо Робортелло. Рассуждая о целях поэзии, Робортелло использует формулировки, подчеркивающие ее сходство с хвалебным родом красноречия, и фактически не разграничивает риторическое и поэтическое высказывания. «Если речь, и в частности подражание, имеет предмет добродетель и восхваление каких-либо достойных мужей, тогда она побуждает людей к добродетелям; если же она, напротив, пороки изображает, то вызывает сильную к ним неприязнь, и таким образом люди от них отвращаются с большей силой, чем если бы мы использовали любую другую форму убеждения» [Robortello, 1555, с. 3]. Механизм воспитательного воздействия у Робортелло совершенно иной, чем у Аристотеля, поэзия уподобляется проповеди, использующей *exempla*, из которых аудитория извлекает моральный урок. Автор поэтического текста, подобно проповеднику, использует «подражания» (художественные репрезентации) как аргументы. Именно поэтому, по Робортелло, не следует представлять в поэзии плохих людей, разве только в комедии, когда целью поэта является их осмеяние и унижение.

Автор второго по времени публикации комментария «Общепонятных объяснений к книге Аристотеля о поэтике» (1550) Винченцо Маджи яростно критиковал «ошибки и упущения» Робортелло, но так же, как и тот, во многом оставался в рамках поэтологических теорий предыдущих столетий. Механизм воспитательного воздействия поэзии Маджи раскрывает с использованием горацианского термина *prodesse*: «...поэты в первую очередь стремятся принести пользу (*prodesse*) человеческому роду» [Lombardi, Maggi, 1550, с. 153]. Польза от поэзии двоякая: с одной стороны, в ней показывается, что дурные нравы влекут за собой несчастья, а с другой – изображаемые в ней хорошие характеры должны стать примером для зрителей (*debent exemplar facere*). Слово «пример» (*exemplar*) возникло в комментарии Маджи не на пустом месте. Аристотель весьма лаконично пишет: «пример <изображения> жестокосердия <представили в> Ахилле Агафон и Гомер». Если опираться на использование слова παράδειγμα (пример) в предшествующих отрывках, можно понять, что Ахилл у Агафона и Гомера – это пример того, как можно представить человека с недостатками таким, каков он есть, и в то же время достойным. Но Маджи видит в этом тексте иной смысл: Ахилл у Агафона и Гомера – это пример собственно жестокосердия как такового, а не его изображения. И далее он толкует «пример» как платоновскую Идею, которая «означает природу, рассмотренную саму по себе (*natura secundum se consyderata*), а не то, как она проявляется в той или иной вещи». Отсюда он выводит прием, с помощью которого предлагается изображать хороший характер: поэту следует «выразить в нем наивысшее проявление добродетели (*in moribus summum probitatis illius personae exprimere*)» [Lombardi, Maggi, 1550, с. 175].

Мысль о «высшем проявлении добродетели» в герое эпической поэмы или трагедии достигнет кульминации у Торквато Тассо. В более раннем «Рассуждении о поэтическом искусстве» (опубл. 1587) поэт выдвинет теорию «распределения добродетелей»: каждый из персонажей эпической поэмы обладает высшей степенью того или иного достоинства; так, высшая степень доблести представлена в «Илиаде» Ахиллом, а осмотрительности – Улиссом. Позже в «Рассуждении о героической поэме» (1594) Тассо поставит под сомнение прежнюю точку зрения и склонится к мысли о том, что главный герой должен быть воплощением сразу множества добродетелей, возведенных в высочайшую степень, каким показан Эней у Вергилия. Но в обоих трактатах Тассо под добродетелью подразумевает некоторое качество лица, устойчивую его характеристику, а не проявление

в действии. Нам представляется, что квазиплатоническая «Идея добродетели», будучи на самом деле гипостазированным качеством в превосходной степени, гармонирует с представлением о *mos* или *costume* как о комплексе человеческих черт и привычных моделей поведения, образующих характер, который как категория становится ближе к понятию *ῥαῖκτήρ*, а не *ἦθος*.

Маджи заходит по пути от *ἦθος* к *ῥαῖκτήρ* еще дальше, чем Тассо. В комментарии к отрывку 1450b4–10, где Аристотель говорит о возможности проявления характера в речах, Маджи обращает внимание на использование слова *ἀρμόττοντα* (сообразны), и это дает ему основание связать характер с горацанской категорией *decorum*, обозначающей соответствие между речами и типом персонажа. В результате у Маджи «Идеи немедленно преобразуются в сочетание характеристик, традиционно связываемых с определенными типажам: слуга прожорлив и думает только о еде, его хозяин – о чести и славе, царь должен говорить и делать то, что подобает царю» [Weinberg, 1961, с. 415].

В известном смысле такое прочтение опирается на текст самой «Поэтики», поскольку Аристотель говорит о том, что и «женщина бывает хорошая, и даже раб» (1454a19), хотя они оба хуже свободного мужчины. Ренессансные критики существенным образом перетолковывают эту мысль. Робортелло еще довольно близок к исходному тезису Аристотеля, когда, рассуждая именно о его первом требовании к характерам, пишет: «Словом, заслуги, украшающие простых людей, перестают быть заслугами, когда их приписывают выдающимся, и если наделить нравами доброго слуги благородного и славного мужа, он станет не только хуже, а просто дурен: высшая доблесть слуги в нем – высший порок» (пер. В. Бибикина) [Робортелло, 1981, с. 116]. Однако аристотелевское слияние социального и этического аспектов добродетели превращается у него в сочетание двух взаимосвязанных, но отдельных характеристик – социальный статус и разновидность нравственных достоинств. И все же концепция *decorum* у Робортелло лишь дополняет этический аспект его толкования аристотелевского учения о характерах.

У Джованни Баттисты Пиньи в трактате «Горацанская поэтика», где он прослеживает параллели между Горацием и Аристотелем, происходит практически полное вытеснение этического компонента из толкования раздела 1454a16–28. Четыре аристотелевских указания на то, что характеры должны быть *χρηστοί* (хорошими), *ἀρμόττοντα* (сообразными), *ὅμοιοι* (похожими) и *ὁμαλοί* (последовательными), Пинья сводит к четырем разновидностям *decorum* и подчиняет их

принципу правдоподобного. *Χρηστός* – слово, которое в «Поэтике» (1454a18) означает «хороший», т. е. «обнаруживающий в речах или поступках хороший выбор», у Пиньи толкуется как соответствие образа нашим знаниям о том или ином человеческом типе, взятом вне связи с другими людьми. «Если женщина рассматривается только как женщина, тогда она кроткая, что и есть *decorum* <вида> *χρηστὸν*» [Pigna, 1561, с. 45]. Хорошая женщина – это не женщина, которая совершает хорошие поступки, и не платоновская Идея женского, а хорошее отражение характерных женских черт, какими мы их наблюдаем в действительности. В такую женщину мы готовы поверить, поскольку она соответствует нашему представлению о женщинах.

Как упоминалось выше, один из вариантов слова «хороший» – *σπουδαῖος* – появляется сначала в общем противопоставлении хороших и дурных характеров, а затем в контексте жанровых характеристик трагедии и эпопеи. При этом именно *σπουδαῖος* обладает наиболее выраженными социальными и классовыми коннотациями наряду с этическими и отсылает к идеалу *ἀρετή*, который, однако, стал совершенно не актуален в христианском обществе. Более того, с точки зрения христианской морали герои классической эпической поэмы или трагедии не слишком добродетельны. Это порождает в эпоху Чинквеченто жанровую типологию, которая разделяет социальный и этический компоненты действия и характера и акцентирует скорее первый из них. Такая мысль проводилась с разной степенью отчетливости у многих авторов от Робортелло до Якопо Маццони, а ближе к концу века Алессандро Пикколомини в «Примечаниях к книге о Поэтике Аристотеля» (1575) счел этические характеристики совершенно непригодными для дифференциации жанров. Вместо того следует «различать людей благородных и высокого звания от людей среднего звания и частных лиц подчиненного положения; эта разница и делает трагедию отличной от комедии» [Piccolomini, 1575, с. 45].

На самом излете эпохи Чинквеченто, в начале XVII столетия в «Комментарии к Поэтике Аристотеля» Паоло Бени (1613) дает синтез всех предшествующих идей. При интерпретации тезиса «Поэтики»: «Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то <характеру> подобает говорить или делать то-то; это и стремится <показать> поэзия» (1451b8), – Бени понимает «по необходимости» как моральное долженствование и толкует выражение «подобает говорить или делать» в том смысле, что герой поэтического произведения должен действовать в соответствии с высшей степенью добродетели и, стало быть, давать образец

поведения для аудитории. У Бени, как и у некоторых его предшественников, этот тезис приобретает платонический оттенок: «...поэт дает нам определенную идею или форму, так чтобы люди каждый в своем состоянии могли бы узреть, чего следует избегать, а чему следовать и подражать» [Beni, 1613, с. 277]. Привлекает внимание и уточнение «каждый в своем состоянии», которое Бени в дальнейшем раскрывает. Жанрово-социальное разграничение теперь касается и аудитории: комедия наставляет обычных людей, трагедия дает руководство царям и правителям, а эпическая поэзия обеспечивает модель поведения для героев. Здесь, как и у Маджи, парадоксальным образом переворачиваются аристотелевская концепция подражания: не поэзия подражает действиям людей, а, наоборот, люди подражают поэтическим героям. Теряется и комплексный идеал *ἀρετή*: у каждого социального класса – свой собственный образец для подражания, представленный в том или ином жанре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комментаторы «Поэтики» Аристотеля честно стремились прочесть и понять аристотелевский текст, однако на пути у них стояли серьезные препятствия. Аристотелевская концепция, в которой

поэзия помогает выработать хороший характер через «тренировку» правильных чувств, была непривычной. Намного ближе человеку эпохи Тридентского собора идея морального образца, которому следует подражать и который преподается аудитории некоторой авторитетной инстанцией (личностью или институцией). Поэтому «хорошие люди» из индивидов, действительно устремленных к *ἀρετή*, хотя и допускающих на пути к нему ошибки, стали превращаться в готовые этические модели, средоточия множества добродетелей.

Мысль о том, что истинно хороший человек непременно должен быть в то же время и значительным лицом, также чужда христианству. Поэтому социальная составляющая характера отделилась от нравственной. Тем не менее ее значение в поэтике сохранилось, хотя и стало иным, чем у Аристотеля. С одной стороны, возникла теория, в которой социальное положение персонажей служило для различения жанров. С другой стороны, социальное было заново встроено в характеристику персонажа – с помощью концепции *decorum*, но данное изменение в структуре персонажа последовало в результате и при условии того, что в теориях поэтики характер-*ἦθος*, проявляющийся исключительно в действии, был вытеснен характером-нравом (*costume*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Giraldi Cinzio G. Dedicata all'Orbecche // Trattati di poetica e retorica del cinquecento / ed. di Weinberg B. Bari : Gius. Laterza & Figli, 1972. Vol. 1. P. 411–413.
2. Herrick M. T. The fusion of horatian and aristotelian literary criticism, 1531–1555. Urbana : Univ. of Illinois press, 1946.
3. Weinberg B. A history of literary criticism in the Italian Renaissance : in 2 vol. – Chicago ; London : The University of Chicago press, 1961.
4. Hathaway B. The age of criticism : the late Renaissance in Italy. Ithaca, N.Y., 1962.
5. Brazeau B. «My Own Worst Enemy» : translating Hamartia in Sixteenth-Century Italy // Renaissance and Reformation = Renaissance et Réforme. 2018. Vol. 41, N 4. P. 9–42.
6. Else G. F. Aristotle's Poetics, the Argument. Cambridge, Mass. : Harvard University press, 1957.
7. Halliwell S. Aristotle's Poetics. Chapel Hill : Univ. of North Carolina press, 1986.
8. Whalley G. Translation-and-Commentary // Aristotle's Poetics : translated and with a commentary by George Whalley / ed. by Baxter J., Atherton P. Montreal etc : McGill-Queen's university press, 1997. P. 43–139.
9. Janko R. Introduction ; Notes to Poetics I // Aristotle. Poetics I with the Tractatus Coislinianus. A Hypothetical reconstruction of Poetics II. The fragments of the On Poets / transl., notes by Janko R. Indianapolis ; Cambridge : Hackett publishing company, 1987. P. IX–XXVI; 66–158.
10. Munteanu D. L. Varieties of characters : the better, the worse, and the like // The Poetics in its Aristotelian context // ed. by Destrée P., Heath M., Munteanu D. L. London ; New York : Routledge, 2020. P. 145–163.
11. Йереп В. Пайдейя : воспитание античного грека / пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М. : ГЛК Ю. А. Шичалина, 2001. Т. 1.
12. Robortello F. Francisci Robortelli Utinensis, in librum Aristotelis de arte Poetica, explicationes. Basileae : Per Ioannem Hervagium, 1555. URL: <https://archive.org/details/imgl12MiscellaneaOpal>
13. Lombardi B., Maggi V. Vincentii Madii Brixiani et Bartholomaei Lombardi Veronensis In Aristotelis librum de poetica communes explanationes: Madii vero in eundem librum propriae annotationes. Venetia : in officina Erasmiana, Vincentij Valgrisi, 1550. URL: https://archive.org/details/bub_gb_i8SyrGyNBYC
14. Робортелло Ф. Толкование всего, относящегося к искусству комедии // Эстетика Ренессанса. М. : Искусство, 1981. Т. 2. С. 110–121.
15. Pigna G. B. Ioan. Baptistae Pignae Poetica Horatiana. Venetiis : apud Vincentium Valgrisium, 1561. URL: https://archive.org/details/bub_gb_6Ku-vt5z3qsC

16. Piccolomini A. Annotationi di m. Alessandro Piccolomini, nel libro della Poetica d'Aristotele; con la traduzione del medesimo libro, in lingua volgare. Vinegia : Giovanni Guarifco, 1575. URL: https://archive.org/details/bub_gb_k2C2xrsWVw8C/
17. Beni P. Pauli Benii Eugubini In Aristotelis Poeticam commentarii. Patavii : Per Franciscum Bolzettam, 1613. URL: <https://books.google.ru/books?id=tLISzQEACAAJ>

REFERENCES

1. Giraldis Cinzio, G. (1972). Dedicata all'Orbecche. In B. Weinberg (Ed.). Trattati di poetica e retorica del cinquecento. Bari: Gius. Laterza & Figli. Vol. 1, 411–413.
2. Herrick, M. T. (1946). The fusion of horatian and aristotelian literary criticism. Urbana: University of Illinois press, 1531–1555.
3. Weinberg, B. (1961). A history of literary criticism in the Italian Renaissance: in 2 vols. Chicago, London: University of Chicago Press.
4. Hathaway, B. (1962). The age of criticism: the late Renaissance in Italy. Ithaca: Cornell university press.
5. Brazeau, B. (2018). "My Own Worst Enemy": Translating Hamartia in Sixteenth-Century Italy. Renaissance and Reformation. Renaissance et Réforme, 41(4), 9–42.
6. Else, G. F. (1957). Aristotle's Poetics, the Argument. Cambridge, Mass.: Harvard university press.
7. Halliwell, S. (1986). Aristotle's Poetics. Chapel Hill: Univ. of North Carolina press.
8. Whalley, G. (1997). Translation-and-Commentary. In Aristotle's Poetics (pp. 43–139), translated and with a commentary by G. Whalley. Montreal etc: McGill-Queen's university press.
9. Janko, R. (1987). Introduction; Notes to Poetics I. In Aristotle. Poetics I with the Tractatus Coislinianus. A Hypothetical reconstruction of Poetics II. The fragments of the On Poet (pp. xi–xxvi; 66–158). Indianapolis ; Cambridge : Hackett publishing company.
10. Munteanu, D. L. (2020). Varieties of characters: the better, the worse, and the like. In P. Destrée, M. Heath, D. L. Munteanu (eds.), The poetics in its Aristotelian context (pp. 145–163). London; New York: Routledge.
11. Jaeger, W. (2001). Pajdejya: vospitanie antichnogo greka = Paideia : the upbringing of an ancient Greek. Vol. 1. Moscow: GLK Yu. A. Shichalina. (In Russ.)
12. Robortello, F. (1555). Francisci Robortelli Utinensis, in librum Aristotelis de arte Poetica, explicationes. Basileae : Per Ioannem Hervagium. <https://archive.org/details/imgGI12MiscellaneaOpal>
13. Lombardi, B., Maggi, V. (1550). Vincentii Madii Brixiani et Bartholomaei Lombardi Veronensis In Aristotelis librum de poetica communes explanationes: Madii vero in eundem librum propriae annotationes. Venetia : in officina Erasmiana, Vincentij Valgrisi. https://archive.org/details/bub_gb_i8SyrGyNBVC
14. Robortello, F. (1981). Tolkovanie vsego, otnosyashhegosya k iskusstvu komedii = Explanation of everything pertaining to the art of comedy. E'stetika Renessansa (vol. 2, pp. 110–121). Moscow: Iskustvo. (In Russ.)
15. Pigna, G. B. (1561). Ioan. Baptistae Pignae Poetica Horatiana. Venetiis : apud Vincentium Valgrisium. https://archive.org/details/bub_gb_6Ku-vt5z3qsC
16. Piccolomini, A. (1575). Annotationi di m. Alessandro Piccolomini, nel libro della Poetica d'Aristotele; con la traduzione del medesimo libro, in lingua volgare. Vinegia : Giovanni Guarifco. https://archive.org/details/bub_gb_k2C2xrsWVw8C/
17. Beni, P. (1613). Pauli Benii Eugubini In Aristotelis Poeticam commentarii. Patavii : Per Franciscum Bolzettam. <https://books.google.ru/books?id=tLISzQEACAAJ>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лозинская Евгения Валентиновна

старший научный сотрудник отдела литературоведения

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lozinskaya Evgeniya Valentinovna

Senior Researcher, Literary Studies Department,

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_127

Городской ландшафт в романе Г. Служителя «Дни Савелия»: социальные аспекты

М. Б. Раренко

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

rarenco@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются городские локации, определяющие пространственные границы романа Г. Служителя «Дни Савелия» и выступающие декорациями для развертывающейся перед глазами читателя-зрителя истории жизни кота. Описание в романе локаций служит созданию особой доверительной атмосферы, в которой читатель знакомится с жизнями и судьбами котов и людей. Роман Г. Служителя «Дни Савелия» – философский роман с элементами романа воспитания, облаченный в форму приключенческого романа.

Ключевые слова: Г. Служитель, «Дни Савелия», современная российская проза, философский роман, роман воспитания, приключенческий роман, городской ландшафт

Для цитирования: Раренко М. Б. Городской ландшафт в романе Г. Служителя «Дни Савелия»: социальные аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 127–132. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_127

Original article

The Urban Landscape in the Novel by G. Sluzhitel' “The Days of Savelij”: Social Aspects

Maria B. Rarenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

rarenco@rambler.ru

Abstract. The article examines urban locations that define the spatial boundaries of the novel by G. Sluzhitel' “The days of Savelij” and act as scenery for the unfolding cat's life story before the eyes of the reader-viewer. The description of the locations in the novel serves to create a special confidential atmosphere in which the reader gets acquainted with the lives and destinies of cats and people. The novel by G. Sluzhitel' “The days of Savelij” is a philosophical novel with elements of a novel of upbringing, dressed in the form of an adventure novel.

Keywords: G. Sluzhitel', “The days of Savelij”, modern Russian prose, philosophical novel, novel of upbringing, adventure novel, urban landscape

For citation: Rarenko, M. B. (2022). The urban landscape in the novel by G. Sluzhitel' “The days of Savelij”: social aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 127–132. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_127

ВВЕДЕНИЕ

Социальную функцию художественной литературы, ее влияние на формирование ценностных ориентиров в обществе отмечали многие известные общественные и политические деятели, представители разных областей гуманитарного знания. Л. Гудков и Б. Дубин предлагают рассматривать литературу как «социальный институт», таким образом, подчеркивая ее исключительно важную роль в обществе [Гудков, Дубин, 2020].

В настоящее время литературный процесс переживает, можно сказать, переломный момент. Все большее значение на книжном рынке занимают произведения, которые относят к так называемой массовой (в противовес элитарной) литературе. Следует отметить, что массовая литература по своему составу весьма разнообразна.

Григорий Михайлович Служитель (род. 1983) – автор романа «Дни Савелия» (2018), получившего приз читательских симпатий премии «Ясная Поляна» и занявший второе место в голосовании жюри премии «Большая Книга». Дебютный и единственный на сегодня роман Г. Служителя получил высокую оценку современных российских прозаиков. Так, Евгений Водолазкин в предисловии к роману отметил, что «прочитав несколько начальных абзацев», он «уже не смог оторваться» [Водолазкин, 2020, с. 7], объясняя свои импресии тем, что «герои Служителя – кто бы они ни были, коты или люди – настоящие» [там же, с. 9].

Роман «Дни Савелия» – повествование кота по имени Савелий о своей жизни от момента появления на свет в одном из московских дворов до последней минуты кошачьей жизни под колесами грузовика, отличающее мягким юмором, любовью к жизни, котам и людям. Кот Савелий, как и его литературный предшественник кот Мурр из романа Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения Кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera, случайно уцелевшими в макулатурных листах», – прирожденный философ, наблюдатель, умеющий в то же время анализировать полученную информацию; он тонкий ценитель искусства, особенно музыки и живописи, он созерцателен и в то же самое время деятелен, он гурман, он воспринимает жизнь такой, какая она есть, стараясь найти в ней максимально возможные для себя предпочтения. Одним словом, кот Савелий – многогранная личность и при этом исключительно положительная. Благодаря выбранной бесприщипной форме романа – приключенческой – автору удалось представить во всем многообразии мировоззрение кота Савелия – целую философскую систему, включающую в себя его взгляды на современное

мироустройство, ценности и чаяния современных людей – жителей мегаполисов, принадлежащих разным социальным слоям.

Роман «Дни Савелия», вне всякого сомнения, следует отнести к произведениям массовой литературы. Данный термин подразумевает, что роман предназначен для широкой читательской аудитории, поскольку в нем затрагиваются актуальные социальные проблемы современного общества, касающиеся каждого его члена.

МОСКОВСКИЕ ЛОКАЦИИ В РОМАНЕ

Несмотря на то, что роман «Дни Савелия» Г. Служителя был опубликован совсем недавно, ему посвящены несколько критических статей (см. например, [Дзайкос, Зеленина, 2021; Глазкова, 2021; Багратион-Мухранели, 2021; Осипова, 2021; Тишина, Рогова, 2020]), авторы которых стараются осмыслить сюжет романа, художественный метод писателя, его приемы, способы подачи материала и пр.

В статье И. Л. Багратион-Мухранели отмечается, что «действие романа Григория Служителя «Дни Савелия» имеет точный географический адрес», а «все перемещения героя, все упоминаемые места действия строго документальны и узнаваемы» [Багратион-Мухранели, 2021, с. 56]. И действительно, роман интересен еще и тем, что в нем читатели (глазами кота) видят современную Москву. Представления центрального героя о географическом пространстве Москвы определяются оппозицией «старая Москва – новые районы», которые в романе не фигурируют, но лишь упоминаются. Для кота Савелия, или Саввы, как его называла мама-кошка и потом Грета, новые районы – terra incognita. Далекий район Строгино ассоциируется только с местом, куда возят на медицинские обследования его заболевшую возлюбленную Грету. Именно там она и нашла свое последнее пристанище.

Кот Савелий – потомственный москвич. Его предки (мама, тетя и дядя) родились в окрестностях Золотого Рожка (Лефортовского ручья), этим можно объяснить его интерес к Москве и отличное знание города. Отметим, что события, описанные на страницах романа «Дни Савелия», происходят в центральных районах Москвы, хорошо знакомых и автору, судя по тому, как подробно и детально воссозданы локации. Текст романа изобилует названиями московских локаций. Некоторые из них подробно описываются в романе, другие лишь упоминаются. Упоминание расположенных на пути кошачьего семейства из Шелапутинского переулка в Сыромятнический шлюз (этот путь семейство совершает каждое воскресенье, навещая их сестру и тетю Мадлен) московских объектов – трех храмов Святителя

Алексия, преподобного Сергия Радонежского, Мартина Исповедника в районе Никольской улицы, чуть далее Сергия Радонежского, а также дома купцов Вишняковых, ремонтной мастерской «У дяди Коли», на вывеске которой было изображено надкусанное яблоко и человеческая рука, заботливо пришивающая к яблоку откусанный кусочек, что недвусмысленно указывало, какие именно услуги оказывались в этой мастерской, старой каланчи, банков, магазинов, салонов красоты, аптек, тату-салона, Андроникова монастыря на Андроньевской площади, а затем и видневшиеся вдалеке высоток Сити и пр. – позволяет автору органично вплести в ткань повествования истории жизни людей, населяющих мегаполис: жизнь кота Савелия и других представителей кошачьих в романе тесно оказывается связанной с жизнью и судьбами людей.

ШЕЛАПУТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

История главного героя, уличного котенка, получившего от его молоденькой мамы Глории свое имя в знак благодарности производителям ее «любимого трехпроцентного творога «Саввушка», которым она питалась на протяжении всей беременности» [Служитель, 2020, с. 21] благодаря равнодушной кассирше Зине из расположенного поблизости магазина «АБК», а, может быть, и в честь Саввы Морозова, началась (как и его сестричек и братца) под накрытым брезентом «Запорожцем» в «старом купеческом районе Таганки, в Шелапутинском переулке, на высоком берегу Яузы» [там же, с. 22]. Первые месяцы жизни котят прошли там же, домом служила коробка из-под бананов (заботливо заранее подготовленная одним из покровителей кошачьего семейства – все той же Зиной еще до того, как котят Глории предстояло появиться на свет), размещенная у старого заброшенного особняка Морозовых, – при Морозовых служившего богадельней для представителей всех сословий, при советской власти ставшего родильным домом имени Клары Цеткин.

Особняк Саввы Морозова упоминается в романе дважды – в самом начале повествования и в конце. Жизнь Савелия начинается рядом с ним и фактически здесь же завершается.

СЫРОМЯТНИЧЕСКИЙ ШЛЮЗ

Подробное описание заброшенного особняка сменяется еще одной важной для романа локацией Сыромятнического шлюза, где в переделанном из старой стиральной машинки фирмы Ariston домике в летние месяцы жила сестра мамы-кошки бездетная тетя Мадлен, а в зимние перебиралась в здание шлюза, пользуясь добротой зрителя

шлюза Вячеслава. Именно там, в районе Сыромятнического шлюза, кот Савелий и закончит свой земной путь. Следует отметить, что Сыромятнический шлюз (гидроузел) в настоящее время стал достопримечательностью Москвы, он – старожил среди водных объектов Москвы, отметивших свое 80-летие в 2019 г. Посещение Мадлен, таким образом, можно рассматривать не только как поддержание родственных связей, но и как факт ознакомления подрастающего кошачьего семейства с местными достопримечательностями, т. е. как воспитательно-эстетический момент.

ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Упоминание в романе Третьяковской галереи связано с новым поворотом в судьбе главного героя – он был отловлен специальной командой, подыскивающей подходящих кошачьих «экземпляров» для «службы» во имя искусства: в Третьяковской галерее завелись крысы, и под угрозой оказалось народное достояние, которое нужно было срочно спасать. Перенимая успешный опыт Эрмитажа, сотрудники галереи обратились к проверенному способу борьбы с грызунами – к котам. Так, на время Савелий стал служить в Третьяковке, а его новым покровителем оказался вахтер Сергеич, с которым Савелий быстро нашел общий язык. Третьяковка – еще один важный географический ориентир в романе. Это отдельный мир, в котором действуют свои внутренние законы, а мир искусства удивительным образом соседствует «с говяжьим Дошираком в кастрюльке теплой водки» [Служитель, 2020, с. 134], таинственные коты, появляющиеся в стенах Третьяковской галереи по ночам, – со странными посетителями во всем черном, молча стоящими перед портретом Марии Лопухиной и внимательно картину созерцающими, не обращая внимание ни на кого вокруг.

ДЕНИСОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Особого внимания заслуживает упоминание в романе Денисовского переулка, где оказывается кот, подвергнувшись неожиданному нападению и избитый до полусмерти неизвестным «пожилым господином в темном костюме и бесцветной шляпе» [Служитель, 2020, с. 147], набросившимся на кота безо всякой причины. В доме 24 по Денисовскому переулку, представлявшим собой «старую двухэтажную постройку» [там же, с. 182], у входа которого висела табличка с надписью «Отделение по району Басманный УФМС ЦАО г. Москвы»¹,

¹ Отметим, что дом по этому адресу действительно существует и выглядит именно так, как описан в романе. Это деревянный дом 1912 г. (архитектор В.А. Рудановский). – Прим. авт.

«в большой комнате на первом этаже» [там же, с. 180] проживали гастарбайтеры – спасители кота Савелия, случайно обнаружившие его в крови, без сознания в общественном туалете ЦПКиО имени Горького.

Часть шестая, в которой описывается пребывание Савелия у гастарбайтеров, – одна из самых социально напряженных и драматичных в романе. Помимо страданий самого Савелия детально описываются лишения и мучения, выпавшие на долю киргизам (отметим, что и они не вели, конечно, исключительно праведный образ жизни и часто предавались «вредным привычкам»), вынужденным соглашаться на любые условия труда и проживания, откровенный грабёж со стороны так называемых работодателей («Квартплата был непомерной. Ни один известный друзьям заработок не мог покрыть этой суммы. К тому же о переводах домой, родным семьям, не стоило и думать» [там же, с. 187]), в частности, «дорогого начальника Юрочки». Коррупция («друг полковника рассудил, что справедливее будет платить подчиненным только две трети заложенных в бюджет денег» [там же, с. 188], «друзьям не пришло в голову спросить, на что дорогой начальник Юрочка собирался употребить оставшуюся треть» [там же, с. 188]), продажность («все шесть бригад (гастарбайтеров – прим. Наше, М. Р.) в парке Горького были расквартированы по адресам, числящимся за УФМС» [там же, с. 221], «за прошедшее лето полковник успел заработать и на дачу, и на свадьбу дочери» [там же, с. 221]), угрозы, нездоровая конкуренция оказываются неотъемлемой частью жизни власть предержащих. Особенно нелепой выглядит описанная в романе сцена задержания полковника Чернодона Л. П. нагрянувшими с проверкой сотрудниками УФМС, которые, собственно говоря, вовсе и «не “нагрянули”, а просто перешли из одной комнаты в другую, предварительно надев на голову маски, взяв в руки автоматы и включив для эффективности камеру» [там же, с. 220]; «... дверь в его кабинет распахнулась, и с криками *Лежать!* к нему подбежали его же собственные подчиненные и сослуживцы. Полковника уложили на пол и заломили руки. Затем стражи порядка вместе с арестантом прошествовали в комнату гастарбайтеров. При этом сослуживцы полковника делали вид, что все это им в новость: с преувеличенным удивлением окали и акали на камеру, как будто ничего не знали о тайной комнате в их учреждении» [там же, с. 221]. Приведенная выше сцена в романе представлена через призму видения кота, что придает ей еще большую нелепость, так сказать, «театральный характер» [там же, с. 221], а целью было – «напугать и предупредить Чернодона о будущих рисках» [там же, с. 221].

Парадоксально, но единственным «пострадавшим» в ходе проверок оказался ... кот: «Вечером киргизам сообщили, что они могут жить тут и дальше, но с условием выселить кота...» [там же, с. 222].

БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР В БЫВШЕМ СЕЛЕ ЕЛОХОВО

Еще один адрес в романе, заслуживающий особого внимания, – Богоявленский собор в бывшем селе Елохово, неподалеку от станции метро «Бауманская», где кот нашел временный приют, вынужденно покинув общежитие в Денисовском переулке. Пребывание на территории Елоховского собора, знакомство с котами, проживающими там, позволяет коту Савелию понять, как устроена изнутри «кошачья коммуна», такая «гавань справедливости и милосердия в океане горя и зла» [Служитель, 2020, с. 229], а заодно и жизнь в Елоховском подворье в целом. Наблюдения Савелия за поведением отдельных кошачьих особей, которых он видел на территории собора в большом количестве, и людей, служивших в храме или заходивших туда по разным надобностям, а также нескончаемые разговоры Савелия с котом Оливером, пользовавшимся определенным авторитетом у местного кошачьего прайда, заставили Савелия по-иному взглянуть на социальные отношения и в «человеческом» сообществе, и в кошачьем, а также и на отношения, возникающие между представителями кошачьих и людьми. Неудивительно, что центральным вопросом бесед двух котов становится вопрос о ценностях, а также вопрос о смысле жизни.

САД ИМЕНИ БАУМАНА

Встреча Савелия с Гретой в саду имени Баумана, описанная в восьмой части романа, носящей многозначное название «Ради чего», – эмоциональная кульминация романа. Жизнь кота Савелия наполняется смыслом: «В этот день я обрел свое «ради чего»» [Служитель, 2020, с. 260]. Грета, несмотря на ее юность, оказалась Савелию необычайно близка: «Мы о многом говорили, рассказывали. Но у нас было такое чувство, будто мы не узнавали друг о друге что-то новое, а вспоминали» [там же, с. 260], «Наши истории перепутались, и порой мы уже не могли сказать наверняка, какая с кем случилась» [там же, с. 262]. Этот период был самым счастливым временем в жизни Савелия, кота, которого жизнь не щадила. В этот период он просто жил, наслаждался обществом Греты и даже, по его собственным словам, «совсем перестал думать» [там же, с. 262].

Сад имени Баумана в романе представлен как своего рода кошачий Эдем, в котором котам был предоставлен и корм (каждый день в сад приходил порывачить Анатолий Палыч, и пока он спал, коты «похищали из пакета карася» [там же, с. 268]), и кров (домом служила бывшая собачья будка, – Грета предусмотрительно «решила испросить разрешение у собачьего духа пожить в его бывшей будке» [там же, с. 266]). Помимо того, котов подкармливали завсегдатаи парка, вечерами они слушали игравшие в парке оркестры, посещали киносеансы, принимали участие в народных гуляниях.

ВСЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ СВОЯ: ОСОБНЯК САВВЫ МОРОЗОВА И ПРИЮТ

Покинув в силу различных причин собачью конуру в Саду Баумана, Савелий и Грета на короткое время обрели дом в бывшем особняке Морозова, где, с одной стороны, все напоминало Савелию о первых днях и месяцах его жизни, а с другой, все было незнакомым и чужим.

Жизнь в особняке Морозова не налаживалась, и уверенности в будущем дне ни Савелий, ни Грета не чувствовали, поэтому с наступлением холодов ими было принято решение найти «кафе, где живут коты» [Служитель, 2020, с. 345]. В результате пара котов оказалась в кафе «КОТОПОЙНТ» на Покровском бульваре. Собственно говоря, это адрес последнего пристанища кота Савелия и Греты. Люба и Сеня, обоим было «хорошо за тридцать» [там же, с. 349] пришли к идее открыть котокафе в результате долгих, мучительных поисков себя и смысла жизни.

Повествуя о жизни людей и котов, Савелий рассуждает о превратностях и неумолимости судьбы, о неумолимом течении времени, о предназначении каждого живого существа – человека или кота. Неизбежная смерть Греты заставила Савелия пересмотреть его отношение к жизни. Добровольный

уход кота из жизни – акт во имя любви. Совершив его, Савелий недвусмысленно дает понять, что все в этом мире лишь призрачно, тщетно, все, кроме любви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, Г. Служитель не первый писатель, воспроизводящий в своем произведении точные городские адреса, достаточно вспомнить Ф. М. Достоевского с его Петербургом или Б. Акунина, по романам которого можно изучать старую Москву. Г. Служитель не ставит своей целью описать город, упоминание и описание московских локаций служат иной цели: благодаря им, выступающим в роли декораций в театральной постановке (не следует забывать о том, что Г. Служитель еще и по профессии актер) читатель чувствует себя причастным тому действию, которое разворачивается на его глазах. Эффект узнавания, возникающий благодаря указанию на точные адреса, воспроизводимые в романе, помогает читателю обрести чувство реальности, поверить и довериться рассказчику. География пространства в романе (большое количество мест) позволяет коту-рассказчику свободно перемещаться во времени. Используя мотив дороги, Г. Служитель описывает не только разные географические пункты (что само по себе представляет интерес), но и людей, так или иначе с ними связанных. Жители мегаполиса, волей судьбы оказавшиеся в одном месте, представляют собой крайне разнообразное общество, придерживаются разных, порой диаметрально противоположных представлений о смысле жизни, ее цели, ценностях.

По сути, роман Г. Служителя «Дни Савелия» – это философский роман с элементами романа воспитания, облаченный в форму приключенческого романа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.
2. Водолазкин Е. Дни Григория // Служитель Г. М. Дни Савелия. Москва : Издательство АСТ, 2020. С. 7–9.
3. Дзайкос Э. Н., Зеленина В. С. Символические детали как маркеры трагизма судьбы в романе Григория Служителя «Дни Савелия» // Казанская наука. 2021. № 2. С. 14–16.
4. Глазкова М. М. Функциональность приёмов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия» // Нефилология. 2021. Т. 7. № 27. С. 467–474.
5. Багратион-Мухранели И. Л. GENIUS LOCI романа Г. Служителя «Дни Савелия» // Филология и культура. 2021. № 3 (65). С. 56–60.
6. Осипова О. И. Повествовательная полифония в романе Г. Служителя «Дни Савелия» // Научный диалог. 2021. № 11. С. 270–280.

7. Тишина Е. В., Рогова Е. Е. Повествовательные особенности в романе Г. Служителя «Дни Савелия» // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума. Под редакцией М. В. Шакуровой. Воронеж, 2020. С. 105–108.
8. Служитель Г. М. Дни Савелия. Москва : Издательство АСТ, 2020.

REFERENCES

1. Gudkov, L., Dubin, B. (2020). Literatura kak social'nyj institut = Literature as social institute. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (In Russ.)
2. Vodolazkin, E. (2020). Dni Grigorija = The days of Grigori. Sluzhitel' G.M. Dni Savelija. Moscow : Izdatel'stvo AST, 7–9. (In Russ.)
3. Dzajkos, Je. N., Zelenina, V.S. (2021). Simvolicheskie detali kak markery tragizma sud'by v romane Grigorija Sluzhitelja „Dni Savelija“ = Symbolic details as markers of the tragedy of fate in the novel by Grigorij Sluzhitel' „The days of Savelij“. Kazanskaja nauka, 2, 14–16. (In Russ.)
4. Glazkova, M. M. (2021). Functionality of comic techniques in Grigorij Sluzhitel's novel "The days of Savelij". Neofilologija. T. 7, 27, 467–474. (In Russ.)
5. Bagration-Muhraeli, I. L. (2021). GENIUS LOCI of the novel by G. Sluzhitel' "The days of Savelij". Filologija i kul'tura, 3 (65), 56–60. (In Russ.)
6. Osipova, O. I. (2021). Narrative polyphony in the novel by G. Sluzhitel' "The days of Savelij". Nauchnyj dialog, 11, 270–280. (In Russ.)
7. Tishina, E. V., Rogova, E. E. (2020). Narrative features in Grigorij Sluzhitel's novel "The days of Savelij". Problemy gumanitarnyh nauk i obrazovanija v sovremennoj Rossii. Materialy Vserossijskogo nauchno-praktičeskogo foruma. Pod redakciej M.V. Shakurovoj. Voronezh, 105–108. (In Russ.)
8. Sluzhitel', G. M. (2021). Dni Savelija = The days of Savelij. Moscow : Izdatel'stvo AST. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology), Senior Research Fellow of Linguistic Department,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья

УДК 821.112.2, 82-14

DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_133

Зима наступает: образы зимы и весны в немецкоязычной поэзии прошлого и настоящего

Е. В. Соколова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

e.v.sokolova@inion.ru

Аннотация. В статье рассматриваются образы и мотивы, связанные с восприятием зимы и весны немецкоязычными поэтами разных эпох. Среди ключевых зимних мотивов классической эпохи – «смерть», «зло», «безмолвие» (но также и «любовь», «дерево», «путь»); весенних – «радость», «пробуждение», «преображение» (важны также метафоры воды, звучания, цвета). В XX в. преобладание «зимних» по своей образности стихотворений над «весенними» в немецкоязычной «календарной лирике» постепенно возрастает, и к началу XXI в. уже несомненно доминирует. Статья выявляет и иллюстрирует описанную динамику.

Ключевые слова: немецкоязычная поэзия, образы и мотивы, календарная лирика, образ зимы, образ весны, зима в современной поэзии, Томас Бернхард

Для цитирования: Соколова Е. В. Зима наступает: образы зимы и весны в немецкоязычной поэзии прошлого и настоящего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 133–139. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_133

Original article

Winter's Advance: Images of Winter and Spring in German-language Poetry

Elizaveta V. Sokolova

Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e.v.sokolova@inion.ru

Abstract. The article discusses some significant metaphors and motifs expressing poetic perception of the winter and the spring in German-language lyrics of different times. "Death", "evil", "silence" are important "winter" motifs; "joy", "awakening", "transformation" (along with metaphors of water, sounds, colours) play the similar role in the classical lyrics about the spring. Some parallels are drawn with a few spring poems of Russian symbolists. Throughout the twentieth century the "winter" motifs grow more and more prominent in the German-language calendar lyrics, so that in the last two decades the classical image of Winter seems to have totally replaced the image of Spring.

Keywords: German-language poetry, images and motifs in poetry, calendar lyrics, image of winter, image of spring, winter in modern poetry, Thomas Bernhard

For citation: Sokolova, E. V. (2022). Winter's advance: images of winter and Spring in German-language poetry. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 133–139. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_133

ВВЕДЕНИЕ

Материал для настоящего исследования дают тематическая антология «Спасибо временам года. Четыре сезона в немецкой лирике» [Dank den Jahreszeiten, 1962], более поздние поэтические антологии универсального характера [Was sind das für Zeiten, 1988; Laute Verse, 2009], включая составленную знаменитым немецким критиком М. Райх-Раницки десяти томную [1000 Deutsche Gedichte und ihre Interpretationen, 1994] и его же антологию женской поэзии «Женщины пишут по-другому» [Frauen dichten anders, 1998]; а также сборники стихов австрийских поэтов Ильзе Тильш (р. 1948) [Tielsch, 1986] и Томаса Бернхарда (1931–1989) [Бернхард, 2021].

С опорой на выводы об исторической динамике образных представлений зимы и весны в немецкоязычной лирике, изложенные в статьях [Соколова, 2022a; Соколова, 2022b], в данной работе сопоставляются некоторые ключевые «весенние» и «зимние» образы и мотивы, выявляется их роль в поэтическом преломлении соответствующих календарных мифов в разные времена, проводятся некоторые параллели с русской поэзией. При этом оказывается, что образное содержание Зимы и Весны в немецкоязычной «календарной лирике»¹ до конца XIX в. радикально отличается от их поэтического наполнения в наши дни (конец XX – начало XXI в.).

ЗИМА И ЕЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРЕЛОМЛЕНИЯ

Как было показано на материале широкой тематической выборки немецкоязычной лирики (начиная с эпохи миннезанга и до 2010-х годов), изображение зимы в немецкой и австрийской поэзии (помимо очевидно зимних мотивов – «снег», «ветер», «мороз» и т. д.) тесно сопряжено с мотивами «зло», «ночь», «смерть», «неподвижность», «безмолвие», хотя нередко раскрывается также через другие, нейтральные или даже светлые мотивы (например, «любовь», «молчание», «дерево» или «путь»), а соотношения и способы их проведения в конкретных «зимних» стихотворениях заметно изменяются от века к веку [Соколова, 2022a].

Для «зимних» стихотворений эпохи миннезанга характерно, в первую очередь, представление о враждебности зимы всему живому, чем объясняется преобладание в них интонаций жалобы на неоправданную и чрезмерную жесткость этого времени года. Показательны в этом отношении

стихотворения Вальтера фон дер Фогельвейде «Злая зима» (*Der böse Winter*) [Dank den Jahreszeiten, 1962, с. 194–196], Генриха фон Фельдеке «Зимние невзгоды» (*Wintersnot*) [там же, с. 197] и др. И хотя в XVII–XVIII вв. интонация жалобы уже не доминирует безоговорочно – зима дарит свои особые радости (как, например, в стихотворении Андреаса Гриффиуса «Свадьба зимой» / *Hochzeit im Winter* [там же, с. 210]), – но и не исчезает полностью: любви не удается развернуться зимой в полной мере, поскольку последняя замораживает чувства, превращая их в лед – до лучших «весенних» времен.

В целом поэты-романтики не наделяют уже зиму безусловной враждебностью к жизни, в их представлениях она не столько несет смерть человеку, сколько требует от него готовности к ней, т. е. определенного возвышения души, «смерти без печали» (как у Йозефа фон Айхендорфа в «Зиме» (*Winter*) [там же, с. 177]). Вообще, у поэтов-романтиков метонимическое содержание образа зимы заметно расширяется, включая все больше условно положительных коннотаций, к ним относятся и красота, и особый порядок, и призыв к терпению в ожидании грядущей метаморфозы (например, через образ утратившего на время бывшее величие дерева – как у Йозефа фон Айхендорфа в «Зимней ночи» / *Winternacht* [там же, с. 179]), и развитие способности заглянуть «внутрь себя», чтобы выявить движение души, пока снаружи все замерло в неподвижности (как в стихотворении «Тихая улица» / *Stille Winterstrasse* [там же, с. 169] Йохима Рингельнатца). При этом «ожидание весны» неизменно остается одним из существенных измерений зимы в немецкоязычной лирике, начиная с эпохи миннезанга и, как минимум, до середины XX в. (об особенностях настоящего времени будет далее сказано специально).

АПОФЕОЗ ВЕСНЫ: НАДЕЖДА, РАДОСТЬ, НОВОЕ РОЖДЕНИЕ

Чего же поэты ищут, «ожидая весны»? Поэтическая традиция (не только немецкая) вслед за фольклором предписывает Весне рано или поздно одержать победу над «злой» зимой и, соответственно, связывает с ней архетип, во многом зиме противоположный. Ключевыми для него оказываются мотивы «радость», «пробуждение», «обновление», «преображение», «новое начало», особую роль играют метафоры воды, звучания и цвета. Описанное поэтическое преломление Весны в немецкой поэзии достигает расцвета в первой половине XIX в., и не в последнюю очередь, у поэтических гигантов своего времени – И.-В. Гёте и Ф. Гёльдерлина.

¹ Л. В. Флёрко предлагает распространить сложившееся понимание «календарной лирики» с фольклорного обрядового текста на литературный и использовать как обозначение поджанра [Флёрко, 2011, с. 131–132].

Среди лирических текстов И.-В. Гёте, включенных в двенадцатитомное собрание его сочинений [Goethe, 1981], весна воспеваётся в тринадцати стихотворениях, в то время как все другие времена года вместе взятые – вдвое меньше (6). Конечно, особые симпатии Гёте к весне не вызывают удивления, поскольку хорошо согласуются с его представлениями о Природе как о живом, творящем и осуществляющем вечное превращение начале, приносящем в творение «собственный всеобъемлющий смысл (Sinn)» [Лагутина, 2000, с. 88], который, к сожалению, мало кому понятен и заметен. И именно весна – время, когда Природа в очередной раз порождает пышное многообразие форм, – дает заинтересованному наблюдателю наилучшую возможность постичь ее «открытую тайну» [там же].

«Пасхальная прогулка» (*Osterspaziergang*), включенная в тематическую антологию «Времена года» [Dank den Jahreszeiten, 1962, с. 57] как «весеннее стихотворение» (хотя на самом деле представляет собой фрагмент «Фауста»), возможно, наиболее ярко и ёмко передает образное содержание Весны у Гёте (пусть и устами Фауста, поскольку это его монолог). По-русски текст существует в выразительном переводе Б. Пастернака¹. Помимо пасхальных смыслов и ассоциаций (воскресение, преображение, пробуждение, новое начало), особую роль в нем играет образность, связанная со стихией воды (растаявший лед, потоки, ручьи, река), которая наиболее зримо претерпевает весеннюю метаморфозу, из застывшего, неподвижного, состояния льда переходя в шумное, текучее состояние потока, прорывающего границы и захватывающего новые территории. Люди в этом фрагменте представлены, главным образом, в коллективном аспекте (многолюдье, толпа) и уподоблены водной стихии. А через взрывной рост их активности, стремление к освобождению и одновременно слиянию друг с другом, как и через усиление непосредственного взаимодействия их с водой (причалы, лодки, гребцы), показано, что люди весной переживают метаморфозу, аналогичную той, какую претерпевает вода, – во всяком случае как «коллективный субъект». Причем это стихийное превращение настолько мощно, что даже творческий «индивидуум» (Фауст) – а согласно Гёте, Природа «все основывает на индивидуальности (Individualität), но не обращает внимания на индивидуумы (Individuen)» [Лагутина, 2000, с. 89], – в иное время дистанцирующийся от толпы, чувствует и реализует свое неотъемлемое право раствориться в ее стихии (родственной стихии

воды), принимая участие в мистерии коллективного перерождения, приносимого весной.

Сходный по содержанию образ создает и Фридрих Гёльдерлин в стихотворении «К Весне» (*An der Frühling*) [Dank den Jahreszeiten, 1962, с. 43–44], одновременно сообщая ему новую эмоциональную интенсивность и словно суммируя опыт предыдущей поэтической традиции. Радость, сила, мощь, воля к движению, прогрессу, победе, божественное благословение (*heiliger Frühling*) – его Весна обладает всем необходимым, чтобы «разбить оковы» зимы и проложить дорогу «праздничной песни». Образ опирается также на водную метафорику: поток – мощный, стремительный, «брат» радости – именно в него прыгают ищущие преображения «юнцы»; другая составляющая весеннего движения – танец, «в радости тысячекой» [там же, с. 43]. А все вместе рождает волшебство: в руке у Весны, этого «небесного юноши» (в соответствии с грамматическим мужским родом существительного «весна» в нем. яз. – *der Frühling*), появляется «волшебная палочка», и теперь Солнце (Гелиос) на «сияющем жеребце» в окружении «небесных героев» сможет наконец прибыть к матери Земле, чтобы пребывать с ней в любви...

Описанное содержание образов Зимы и Весны хорошо согласуется как с традициями «календарной лирики» в целом [Флёрко, 2011], так и с их поэтическими представлениями в поэзии других народов, включая русскую. Конечно, в русской поэзии в разные исторические периоды отмечается преобладание различных конкретных черт: случается, что определенные стороны того или иного времени года, казавшиеся ранее определяющими, вдруг перестают привлекать внимание поэтов и постепенно как бы «стираются», становясь все менее заметными в лирике, в то время как скрытые ранее аспекты выступают на первый план, а то и превращаются в «визитную карточку». Так, отмечая особый интерес к календарным образам и мотивам у русских поэтов-символистов, исследователи подчеркивают особое предпочтение, которое они отдавали образу весны. По мнению Л. В. Флёрко, и А. Блок в «Стихах о Прекрасной Даме», и А. Белый в «Золоте в лазури», не используя в полной мере всех художественных возможностей годичного природного цикла в целом (как «архетипа» лирического цикла» [Дарвин, 1983, с. 43]), сосредоточивали внимание на разработке «сложнейшей системы интерпретаций отдельных его элементов» [Флёрко, 2011, с. 135] – в первую очередь, образа весны.

У Блока в «Стихах о Прекрасной Даме» весна символизирует «возрождение, преображение мира», с ее наступлением «связывается

¹ URL: <http://gete.velchel.ru/index.php?cnt=14&sub=3&part=1&page=2>

ожидаемое лирическим героем появление Героини, Прекрасной Дамы, Души Мира, способной восстановить нарушенную гармонию» [Флёрко, 2011, с. 136], и ее образ соединяется «с идеей мистического преображения мира» [там же]. Аналогичным образом у Белого в «Золоте в лазури» (1904) через «весеннюю» образность выражается «восторженное предчувствие грядущей Вечности и осознание собственного избранничества» [там же], утверждается божественная природа весны, присущее ей творческое начало и не отделяемая от него уникальность (избранничество).

Идеальный образ весны во многом перекликается с поэтическим представлением о чуде, достигшим кульминации в немецкой лирике примерно на сто лет раньше – у Гёте или Гёльдерлина. Позднее означенный поэтический культ весны пошёл на спад, на рубеже XIX–XX вв. уступив иным интонациям и мотивам, которые, нарастая на протяжении всего XX в., к концу столетия практически вытесняют классический образ Весны из немецкой лирической поэзии. Ему приходит на смену образ «вечной зимы»: «...кто до меня написал, / что весна – это зима, / зима – это весна...»¹ [Бернхард, 2021, с. 197].

ПОВОРОТ К ЗИМЕ?

Однако уже в самом начале 1900-х годов, когда русские поэты-символисты «возгоняют» образ весны в сферы высокой небесной радости, в немецкоязычную лирику о весне начинают проникать образы и мотивы, ранее считавшиеся «зимними» («тишина», «неподвижность», «смерть»).

Мотив тишины, в классической поэзии сопровождавший поэтическую репрезентацию зимы (покой, безмолвие, эффект оглушенности под непроницаемой снежной шапкой), вдруг становится значим в весенних стихотворениях, ранее отличавшихся как раз наполненностью звуками (пение птиц, звон капель, шум ручьев и т. д.). И хотя поначалу «тишина» – как, например, в написанном 6 апреля 1900 г. стихотворении Р. М. Рильке «В апреле» (*Aus einem April*) – не несет еще угрозы, не «умалчивает» о трагедии и свидетельствует, главным образом, о глубокой сосредоточенности восприятия лирического героя (в ожидании открытия), вторжение ее в весеннюю образность немецкоязычной лирики началось.

По мере углубления в XX в. «тишина» постепенно наполняется трагизмом и ужасом, и к середине столетия это уже знак присутствия смерти, знак катастрофы (две войны, холокост), того

ужасного, о чем (по разным причинам) говорить невозможно. Названные коннотации тишины и безмолвия ясно слышны в трагической послевоенной поэзии 1950–1960-х годов – у Пауля Целана (1920–1970), Ингеборг Бахман (1926–1973), Ильзе Айхингер (1921–2016) и многих других (см., напр. [Bielik-Robson, 2018; Gheri, 2011]). Но даже в «традиционных», на первый взгляд, стихах этого времени о весне молчание нередко связано с ощущением ужаса от столкновения с непостижимым. Так, у Вильгельма Лемана (1882–1968) в «Ветре оттепели» (*Tauwind*), причисленном Г. Кехеле к «весенним стихотворениям» [*Dank den Jahreszeiten*, 1962, с. 22], на фоне вполне идиллической картины просыпающейся природы «молчание / выпускает молчащее», создавая тем самым отчетливое ощущение неясной угрозы. Его нагнетанию способствует и странное для весны статичное состояние воды: в первой строфе стихотворения вода не течет, а лишь «собирается» (и стоит) в следах от колес [там же].

Действительно, в весенней немецкой поэзии XX в. водная стихия (прежде самая шумная) утрачивает звучность, а вместе с ней – живость и скорость. Так, в написанном в середине 1940-х годов стихотворении Манфреда Хаусмана (1898–1986) «Рейн» (*Rhein*), также включенном в раздел весенних стихотворений антологии [*Dank den Jahreszeiten*, 1962, с. 56], оба мотива – «тишина» и «вода» – обнаруживают уже непосредственную связь со смертью: «тишина» в этом стихотворении рождает зловещую «золотую пыль», которая постепенно поглощает «луга, тополя, город и дали»; только водный поток до поры до времени еще продолжает движение, но и он замедляется, словно «в задумчивости», а его «бледная вода / течет к смерти» [там же]. Складывается впечатление, что «живая вода» весенней мистерии преображения из стихотворений Гёте, Гёльдерлина, русских символистов к середине XX в., в основном, вытесняется «мертвой водой», а сама Весна как апофеоз радости, торжество жизни и неотвратимая победа ее над сковывающей зимой постепенно утрачивает очертания, растворяется – до такой степени, что в пространстве поэтического слова воцаряется та самая «зима поэзии» [Бернхард, 2021, с. 195], непревзойденным физиологом которой предстает, в частности, австриец Томас Бернхард (1931–1989), автор пронзительно безнадежного поэтического цикла «Стужа» (1961) и одноименного романа (Frost, 1963).

Его соотечественница и ровесница Ильзе Тильш (р. 1929) в принципе не отрицает «священную весну» прошлого, не отказывает ей в праве на существование. Однако сама она ощущает в

¹ Перевод с нем. В. В. Котелевской

этом времени года только контрастный фон для увядания плоти (например, в стихотворении «Так зелен мой сад...» / *So grün ist mein Garten* [Tielsch, 1986, с. 41]) или питательную среду для умножения смерти (весной «мы не раскапываем / покойников / но мы знаем: / они сберегут корни / скоро станут / почками дадут / листья развернут / и зацветут» [Tielsch, 1986, с. 51]), тогда как Томас Бернхард видит уже именно другую весну, которая, с точки зрения традиции, и не Весна вовсе, ибо имеет иную – мертвую – природу:

«Весной я вожу во искушение / святые ручьи, буйно-помешанных / в полях, / печаль изумленную яблонь в цвету. // Весной объясняюсь с судьями и спускаюсь / туда, где трава, плетью согнанная в рассветы, / срамит меня, хотя я отмыл беззаконие, трава / для трупный червей, для гибнущих сосен. // Весной планы Творца туманнее, чем в иную / пору, земле же его нестерпимо, / когда опрокидываю на нее песни, / песни обрушиваются снегопадом» [Бернхард, 2021, с. 250].

Наиболее заметен становится крен в сторону усиления «зимнего самоощущения» немецкоязычных поэтов в ущерб «весеннему» даже не в середине XX в. (когда его ощущали и пытались выразить большие поэты), а уже на границе 1980-х–1990-х годов, когда весну перестали ощущать не только великие, но и многочисленные «малые» поэты.

С данной точки зрения, показательное содержание антологий современной немецкой поэзии, составленных и изданных в 1990-е и 2000-е годы. Оно свидетельствует об ощутимых изменениях по сравнению даже с недавним прошлым. Если в представительном сборнике немецкой лирики 1980-х годов [Was sind das für Zeiten, 1988] времена года представлены еще примерно в тех же пропорциях, как это было в [Dank den Jahreszeiten, 1962] или в десяти томной антологии наиболее значимых стихотворений прошлого, составленной М. Райх-Раницки [1000 Deutsche Gedichte und ihre Interpretationen, 1994] (в обеих среди воспеваемых времен года несомненно лидирует весна), то в более поздних собраниях пропорция изменяется радикально. В антологиях современной поэзии преобладание стихотворений о зиме над другими представляется уже несомненным: вслед за «зимними» по количеству идут стихотворения «летние» (их меньше примерно вдвое); стихи об осени еще более редки, а стихов о весне в собрании [Laute verse, 2009], например, нет вовсе, а в антологии женской поэзии [Frauen dichten anders, 1998] на 6 стихов о зиме приходится только 2 условно «весенних» [Frauen

dichten anders, 1998, с. 281; 285], да и то написанных в начале XX в. Единственное же современное стихотворение, которое можно было бы связать с весной – «Мимозы» Фридерики Рот (р. 1948), – сосредоточено на поэтическом переживании ситуации, когда весна – не весна, поскольку в ней нет радости и надежды, напротив, она невыносимо тяжела и сопряжена с утратой жизненных сил [Frauen dichten anders, 1998, с. 795–796]: «...хляби небесные / тяжки и стали еще тяжелее / куст мимозы / пригнулся к земле / и рвет / из нее с мощью мимозно унылой / корень, лишая себя жизненной силы»¹. Все это – уныние, тяжесть, бессилие, – ранее сопрягалось с образом зимы, рождавшей состояния хотя и тяжелые, но временные, из которых мир непременно с наступлением весны выходил... А теперь, когда весны никто и не ждет, остается ли надежда на выход?

Похоже, что актуальный слой пространства немецкоязычной поэзии провалился в какую-то странную перманентную «зиму». Поэты ощущают это состояние как мучительную скованность, неподвижность – все застыло настолько, что любые перемены теперь только страшат и грозят гибелью, сломом («Я смерти не хочу в объятиях весны»² [Бернхард, 2021, с. 248]), и даже в весенний день изменить ничего не удастся:

Время спустилось / в этот весенний день, в толпу,
на базарную площадь, / в речи столетий моих,
к земным достижениям, //
время спустилось к людям,
проникло в их состояния,
от которых стынет нутро и на миг
замирает сердце...³

Не удивительно, что интерес к философу и литературному физиологу «стужи» Томасу Бернхарду, умершему более тридцати лет назад, в последние годы только растет (вновь привлекая внимание литературоведов, причем не только немецких): «Казус Бернхарда – это казус жизни, ставшей романом, образец словесной проработки личной травмы и ее общечеловеческой универсализации», констатирует В. В. Котелевская [Котелевская, 2018, с. 12], и все это в полной мере относится к его «зимнему самоощущению». Поскольку бернхардовская «стужа» не только снаружи – она повсюду внутри, – только оттуда, изнутри окоченевшей души, может начаться и весеннее пробуждение.

¹ Перевод наш. – Е. С.

² Перевод В. В. Котелевской [Бернхард, 2021, с. 248].

³ Перевод В. В. Котелевской [там же, с. 249].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подчеркнем в заключение, что если в антологии [Was sind das für Zeiten, 1988] ситуация с распределением и содержанием «зимнего» и «весеннего» в стихах в целом такая же, как в [Dank den Jahreszeiten, 1962], то в антологиях [1000 Deutsche Gedichte und ihre Interpretationen, 1994] и [Frauen dichten anders, 1998] она уже радикально иная: «зимнее» в прошлом содержание отчетливо доминирует, а «весенних» в традиционном смысле стихотворений нет вовсе. Причем указанная тенденция сохраняется и позднее – например, в [Laute Verse, 2009].

Сказанное позволяет заподозрить весьма серьезный крен в сторону усиления «зимнего

самоощущения» немецкоязычных поэтов (в ущерб «весеннему»), который, начавшись еще в середине XX в., вышел на новый уровень массовости на границе 1980-х–1990-х годов и сохраняется до сих пор (как минимум, до конца первого десятилетия XXI в.) Конечно, такая гипотеза, хотя и подталкивает к определенным выводам об изменениях в эмоциональном состоянии того «коллективного субъекта», от имени которого говорит немецкоязычная поэзия, нуждается еще в серьезной проверке, в том числе в рамках междисциплинарных подходов с привлечением инструментария лингвистики, социологии, психологии, цифровой антропологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dank den Jahreszeiten. Die Jahreszeiten in deutschen Gedicht / Hrsg. v. Kächele H. Berlin: Verlag der Nation, 1962. 3 Aufl.
2. Was sind das für Zeiten. Deutschsprachige Gedichte der achtziger Jahre / Hrsg. v. Bender H. München; Wien: Carl Hanser Verlag, 1988.
3. Laute Verse. Gedicht aus der Gegenwart / Hrsg. v. Geiger T. München: Deutscher taschenbuch verlag, 2009.
4. 1000 Deutsche Gedichte und ihre Interpretationen : 10 Bde / Hrsg. v. Reich-Ranicki M. Frankfurt a.M.: Insel Verlag, 1994.
5. Frauen dichten anders. 181 Gedichte mit Interpretationen / Hrsg. v. Reich-Ranicki M. Frankfurt a.M.: Insel Verlag, 1998.
6. Tielsch I. Zwischenbericht: Gedichte. Baden bei Wien: G. Grasl, 1986.
7. Бернхард Т. Опубликованные стихотворения / Пер. В. Котелевской. М.: libra, 2021.
8. Соколова Е. В. «Зима» в немецкой поэзии: круг мотивов в исторической перспективе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. 2022a. №1. С. 62–74. Doi.org/10.31249/lit/2022.01.04
9. Соколова Е. В. «Весна» в немецкой поэзии: надежда, радость, новое рождение? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. 2022b. № 2. С. 7–19. Doi.org/10.31249/lit/2022.02.01
10. Флёрко Л. В. К вопросу о календарных циклах в лирике // Вестник Московского университета. Сер. 9.: Филология. 2011. №6. С. 131–137.
11. Goethe I. W. Goethes Werke: in zwölf Bänden. Berlin: Aufbau Verlag, 1981.
12. Лагутина И. Н. Символическая реальность Гёте : поэтика художественной прозы. М.: Наследие, 2000.
13. Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово : Изд-во Кемеровского гос. университета, 1983.
14. Bielik-Robson A. Nach dem Bilde des Schweigens: Konturen einer nicht gefallenen Sprache in den Gedichten Paul Celans // Diálogos. Das Wort im Gespräch / Hrsg. v. Piszczatowski P. Göttingen : V&R Unipress GmbH, 2018. P. 151–181.
15. Gheri P. 'Lichteinfälle der Sprache': Sprachkonflikte in der Lyrik Ingeborg Bachmanns // (Be-)richten und erzählen. Literatur als Gewaltsfreier Diskurs? / Hrsg. v. Waldow S., Giacobazzi C., Bassler M., Kleinschmidt C. (Reihe : Ethik – Text – Kultur, Bd. 5). München : W. Fink, 2011. P. 197–210.
16. Котелевская В. В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018.

REFERENCES

1. Kächele, H. (Ed.) (1962). Dank den Jahreszeiten. Die Jahreszeiten in deutschen Gedicht = Thanks to the Seasons. The Seasons in German Poem. Berlin: Verlag der Nation. 3rd ed. (In Germ.)
2. Bender, H. (Ed.) (1988). Was sind das für Zeiten. Deutschsprachige Gedichte der achtziger Jahre = What are These Times. German Language Poems of the eighties. München; Wien: C. Hanser Verlag. (In Germ.)
3. Geiger, T. (Ed.) (2009). Laute Verse. Gedicht aus der Gegenwart = Loud Verses. Poem of the Present. München: Deutscher taschenbuch verlag. (In Germ.)
4. Reich-Ranicki, M. (Ed.) (1994). 1000 Deutsche Gedichte und ihre Interpretationen, in 10 Bde = 1000 German Poems and Their Interpretations, in 10 vols. Frankfurt a.M.: Insel Verlag. (In Germ.)

5. Reich-Ranicki, M. (Ed.) (1998). Frauen dichten anders. 181 Gedichte mit Interpretationen = Women Write Differently. 181 Poems with Interpretations. Frankfurt a.M.: Insel Verlag, 1998. (In Germ.)
6. Tielsch, I. (1986). Zwischenbericht: Gedichte = Interim Report : Poems. Baden bei Wien: G. Grasl. (In Germ.)
7. Bernkhard, T. (2021). Opublikovannyye stikhotvoreniya = Published poems. Moscow : libra. (In Russ.)
8. Sokolova, E. V. (2022a). "Winter" in German poetry: the scope of motifs in the historical perspective. Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, 1, 62–74. DOI: 10.31249/lit/2022.01.04. (In Russ.)
9. Sokolova, E. V. (2022b). "Spring" in German lyric poetry: joy, hope and revival? Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, 2, 62–74. DOI: 10.31249/lit/2022.02.01. (In Russ.)
10. Flerko, L. V. (2011). K voprosu o kalendarnykh tsiklakh v lirike = On the calendar cycles in lyrics. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, 6, 131–137. (In Russ.)
11. Goethe, I. W. (1981). Goethes Werke: in zwölf Bänden. Berlin, Aufbau Verlag. (In Germ.)
12. Lagutina, I. N. (2000). The symbolic reality of Goethe : poetics of fiction. Moscow: Nasledie. (In Russ.)
13. Darvin, M. N. (1983). Problema tsikla v izuchenii liriki = The cycle problem in the study of lyrics. Kemerovo : Kemerovo State University Press. (In Russ.)
14. Bielik-Robson, A. (2018). Nach dem Bilde des Schweigens: Konturen einer nicht gefallenen Sprache in den Gedichten Paul Celans = On the facets of silence: contours of a not fallen language in poems by Paul Celan. Diálogos. Das Wort im Gespräch. Göttingen : V&R Unipress, 151–181. (In Germ.)
15. Gheri, P. (2011). "Lichteinfälle der Sprache": Sprachkonflikte in der Lyrik Ingeborg Bachmanns = "Incidences of light": Language conflicts in the poetry of Ingeborg Bachmann. (Be-)richten und erzählen. Literatur als Gewaltsfreier Diskurs? München : W. Fink, 197–210. (In Germ.)
16. Kotelevskaya, V. V. (2018). Tomas Bernkhard i modernistskii metaroman = Thomas Bernhard and the modernist metanovel. Rostov-na-Donu; Taganrog : Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Елизавета Всеволодовна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом литературоведения
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Elizaveta Vsevolodovna

PhD in Philology, Leading Researcher,
Head of Literary Studies Department of the Institute of Scientific Information in Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья
 УДК 008, 304.2, 130.2, 17.0
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_140

Прецедентные тексты в философской системе Живой Этики: культурологические аспекты

О. А. Лавренова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
 olgalavr@mail.ru

Аннотация. Живая Этика – серия философских текстов, созданных Е. И. Рерих в 1920 – 1930-е гг. В современной культурологии культуру рассматривают как текст и как совокупность текстов. Новый текст, чтобы быть понятым, должен апеллировать к уже существующим и легко узнаваемым, такие тексты обозначаются как прецедентные. В Живой Этике используются прецедентные тексты мировой культуры через упоминание значимых понятий и имен, которые репрезентируют богатый спектр мировой истории культуры.

Ключевые слова: философская система Живая Этика, прецедентные тексты, Единый Сюжет, лингво-культурологический анализ

Для цитирования: Лавренова О. А. Прецедентные тексты в философской системе Живой Этики: культурологические аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 140–146. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_140

Original article

Precedent Texts in the Philosophical System Living Ethics: the Cultural Studies Aspects

Olga A. Lavrenova

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 olgalavr@mail.ru

Abstract. The Living Ethics is a series of philosophical texts created by Helena Roerich in the 1920s – 1930s. Culture is considered as a text and as a set of text modern cultural studies. The new text, in order to be understood, have to appeal to already existing and easily recognizable ones, such texts are designated as precedent. In the Living Ethics, precedent texts of world culture are used through the mention of significant concepts and names that represent a rich spectrum of world cultural history.

Keywords: the philosophical system “Living Ethics”, precedent texts, a Single Plot, linguistic and cultural analysis

For citation: Lavrenova, O. A. (2022). Precedent texts in the philosophical system Living Ethics: the cultural studies aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 140–146. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_140

ВВЕДЕНИЕ

Первая половина XX века была богата на высокие духовные поиски русских мыслителей, в том числе тех, кто волею судеб оказался за рубежом. Среди них – Н. К. Рерих, художник, мыслитель, путешественник, общественный деятель, и его жена Е. И. Рерих, оригинальный философ, чье творчество является неотъемлемой частью русского космизма, утверждающего сущностное единство человека и Вселенной.

В 1920–1930-е годы Еленой Ивановной Рерих была создана Живая Этика – серия философских текстов, возникшая в тесном соприкосновении с духовной традицией Востока, но в то же время во многом находящаяся в русле духовных исканий русских мыслителей Серебряного века. Эта философская система состоит из одиннадцати книг: «Листы Сада Мории. Зов» (1920–1924), «Листы Сада Мории. Озарение» (1924–1925), «Община» (1926), «Знаки Агни Йоги» (1927–1929), «Беспредельность» (в 2 частях) (1930), «Иерархия» (1930–1931), «Сердце» (1932), Мир Огненный» (в трех книгах) (1932–1935), «АУМ» (1936), «Братство» (1937), «Надземное» (1937–1938). Она являлась концептуальной базой творчества Н. К. Рериха, источником его живописных образов и основой его общественных проектов.

ТРАДИЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИВОЙ ЭТИКИ

В современной гуманитаристике оформилось новое направление – рериховедение, включающее в себя весь спектр изучения творчества семьи Рерихов (не только творчество старших Рерихов – Николая Константиновича и Елены Ивановны, но и их сыновей – известного востоковеда Юрия Николаевича и талантливого художника Святослава Николаевича). Личность Н. К. Рериха и его творчество были знаковым явлением начала XX века, поэтому о разных гранях его таланта писали еще его современники, в основном в контексте искусствоведческих штудий. Но научный подход к его наследию начал разрабатываться первым советским рериховедом Павлом Федоровичем Беликовым (1911–1982), который занимался в основном составлением библиографий и историографий Рерихов.

Е. И. Рерих и ее философское и эпистолярное наследие вошли в круг научных интересов значительно позже, в 80-е годы прошлого века. Книги Живой Этики были опубликованы без указания автора, и сама Елена Ивановна скромно считала себя лишь их составителем. Хотя Живая Этика привлекла внимание читателей со времени публикации первых книг, именно философское,

культурологическое, лингво-культурологическое изучение ее текстов началось во второй половине XX века. Собственно как философская система в контексте историко-философского дискурса Живая Этика начала изучаться ведущим рериховедом современности Л. В. Шапошниковой (1926–2015). Ей принадлежит определение Живой Этики как «философии космической реальности» и ряд работ по концепции энергетического мировоззрения, методологии познания Живой Этики и др. [Шапошникова, 2008].

Историко-научный контекст рассматривался в трудах отечественных философов А. В. Иванова, М. Ю. Шишина, И. В. Фотиевой, в статьях И. А. Герасимовой, И. Ю. Дьяченко, А. А. Лебедева, становился предметом обсуждения на научных конференциях.

Исследованию собственно Живой Этики как текста до сих пор посвящено не так много работ, например, статьи Т. О. Книжник, О. А. Лавреновой, А. Ю. Павлова [Павлов, 2004; Книжник, 2012; Лавренова, 2012; Лавренова, 2020]. Все они, так или иначе, затрагивают не только лексические и семантические особенности вышеуказанных книг, но и связь философской системы со средствами выражения мысли.

Одним из направлений текстологического изучения Живой Этики является изучение метафор. Метафоры здесь являются не столько особенностью языка, сколько дополнительной понятийно-образной системой, средством, позволяющим донести до читателя основные положения космической философии, облегчающим «эпистемологический доступ». В частности, наиболее яркая онтологическая метафора, имеющая несомненный парадигматический потенциал – метафора сознания. В западной философии со времен античности определение сознания базировалось в основном на двух великих метафорах: «*tabula rasa*» и «сосуд». Живая Этика привносит в онтологию сознания новую метафору расширяющейся до бесконечности сферы, способной охватить Вселенную [Лавренова, 2012].

ТЕКСТ В КУЛЬТУРЕ

В современной гуманитаристике после концептуальных трудов Барта, Рикера и Гирца культуру уже традиционно рассматривают как текст и как совокупность текстов [Иванова, 2008].

Среди многочисленных текстов в истории человечества есть ограниченное количество базовых, вечных произведений, на которых зиждется коллективное самосознание человечества. Это равно как религиозные книги, к ним относятся

Веды, Тора, Библия, Коран и др., так и труды великих мыслителей, так и труды великих мыслителей. К их числу относятся Платон, Парацельс, Джордано Бруно и др., которые выстроили систему ценностей и мировоззренческих представлений, унаследованную нами в XXI в. В значительной мере сила и долговременность влияния текста на культуру объясняется его сакральностью (от *lat. sacralis* – «священный»), предполагающей, что первоисточник лежит НАД человеческим бытием [Klein, 2006] и укоренен в трансценденции, с одной стороны, универсальной категории культуры, с другой – ее первоисточнике.

Живая Этика, созданная век назад и благополучно пережившая испытание временем, относится к великим текстам человечества, которые наполняют мир высокими идеями и ценностями, одухотворяют культуру, помогают сформировать новое мировоззрение. Классическая триада эволюции мировоззрений в истории человечества, по Огюсту Конту, – мифологическое, религиозное, научное, – по мысли исследователя творчества Рерихов и философа истории Л. В. Шапошниковой, должна быть дополнена качественно новой ступенью – мировоззрением космическим, которое отличается от позитивистского умудренной созерцательностью. Человек «вовнутряет» космос (определение известного поэта и философа К. Кедрова), ощущает себя причастным не только Земле, но и Вселенной. В формирование нового эволюционного этапа внесли свой вклад русские мыслители-космисты, в числе которых – Е. И. и Н. К. Рерихи.

Тексты в культуре имеют свою иерархию не только по степени значимости и долговременности воздействия, но также – по способу передачи информации, обмена ею с читателем и взаимобмена в ряду других текстов (дискретному и недискретному).

«Недискретные тексты», по мысли Ю. Лотмана, принадлежат к сфере мифологий (то есть несут в себе сакральные смыслы) и «дешифруются на основе механизма изо- и гомеоморфизма, причем огромную роль играют правила непосредственного отождествления, когда два различных, с точки зрения дискретной дешифровки, текста рассматриваются не как сходные в каком-либо отношении, а в качестве одного и того же текста» [Лотман, Минц, 2002, с. 728–729]. Соответственно, такие тексты могут рассматриваться как некое смысловое и сущностное единство, обладающее Единым Сюжетом [там же, с. 729]. Соответственно, можно говорить о развернутых семиотических системах разных духовных традиций как о недискретных текстах, восходящих к Единому Сюжету, первоисточнику, имеющему непосредственное

отношение к трансцендентным уровням Бытия, мирам более высоких, духовных измерений.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ

Новый текст часто апеллирует к уже существующим, особенно это относится к духовным книгам, которые не могут быть адекватно понятыми без чреды предшествующих. Тексты, на которые опираются создатели новых произведений, в современной гуманитаристике называются прецедентными. Это тексты «...имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников» [Караулов, 2010, с. 216]. Их основное качество – узнаваемость. В обыденной речи их иерархический уровень в системе культуры может быть различным от основополагающего до повседневного, но в духовно-философских системах используются преимущественно базовые тексты, в том числе в какой-то мере причастные к Единому Сюжету. Поиск «культурных матриц», структурирующих культуру, охватывает и эти ее аспекты [Edelmann, 2018].

Живая Этика использует прецедентные тексты и Востока, и Запада, причем в основном это тексты великих книг – Вед, Махабхараты, Упанишад, Трипитаки, Калачакра-Тантры, Библии. В сферу прецедентных текстов безусловно входят также античная философия и древнерусская духовная лексика.

Прецедентным текстам свойственен семиотический способ их использования, «когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо <...> отдельные его фрагменты. В этом случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения» [Караулов, 2010, с. 217]. И Живая Этика не исключение в этом правиле: то или иное узнаваемое слово (термин, имя, топоним) используется как «знак, отсылающий к тексту-источнику, представляющий его по принципу “часть вместо целого”» [Щибря, 2011, с. 57].

Использование прецедентных текстов разных культур в Живой Этике имеет тройное значение.

1. Прецедентные тексты предполагают широкий бэкграунд читателя, его высокую образованность, вдумчивое и уважительное понимание основ межкультурной коммуникации, основанной на принципах лучших культурных образцов.

2. Все эти тексты подразумеваются и используются как выразители и составные части Единого Сюжета, уходящего корнями в архаические мифологии.

3. На этих текстах строится новое миропонимание, включающее в себя и мифологическое, и научное, расширяющее сознание до размеров Вселенной – космическое.

Таким образом, прецедентные тексты помещаются в новый контекст, и иногда существенно меняется семантика взятых из них лексем.

Теперь рассмотрим некоторые конкретные примеры использования прецедентных текстов в Живой Этике (ни в коем случае не претендуя на исчерпывающее их перечисление).

ВЕДИЧЕСКАЯ И БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Одно из центральных понятий, используемых Живой Этикой – АУМ, сакральный первозвук, символизирующий первую божественную триаду творения в Ведах или три тела Будды, что тоже связано с троичностью структуры проявленного мира. Девятая книга этого философского учения носит название «АУМ». Здесь этот первозвук рассматривается как символ Силы Всеначальной, первоэнергии, Благодати [АУМ, 1996, §18], как молитва [там же, §25], звучание Беспредельности и музыка Сфер (здесь мы также наблюдаем соотнесение с античной традицией платонизма) [там же, §79].

Йога – один из путей духовного познания и философская школа в брахманистской традиции. Одна из книг Живой Этики носит название «Знаки Агни Йоги». Таким образом многовековая духовная традиция расширяется с помощью новой комбинации древних символов. Символ Огня, *санскр.* Агни, упоминается как аналог всеначальной космической энергии и ее проявления как психической энергии человека. В Живой Этике развивается стройная философия Божественного Огня как высшей и тончайшей энергии, с помощью этого древнего символа-понятия выстраивается новое мировоззрение, получившее в современном ре-риховедении название энергетического.

Одна из наиболее известных на Западе книг индийского эпоса Махабхарата – Бхагавад-Гита, в которой содержатся поучения Господа Кришны, аватара Бога-творца Вишну. В Живую Этику этот текст входит через упоминание топонима Курукшетра [там же, §196] – места, где состоялась битва между праведными Пандавами и демоническими Кауравами, своеобразный аналог битвы Света и тьмы на поле Армагеддона в библейском «Апокалипсисе». Здесь надо отметить, что этот термин / топоним [Знаки Агни Йоги, §121; §179; §263] также используется авторами Живой Этики. Таким образом, протягивается смысловая нить из мифологического времени в настоящее от состоявшейся битвы до битвы последних времен, которая

по всем признакам грядет в обозримом будущем. С буддийскими текстами Живую Этику связывают такие имена и понятия, как Будда Гаутама (Владыка Будда), Будда Майтрея, Шамбала, Девачан, Нирвана и др.

АНТИЧНОСТЬ

Античный период для современной западной философии знаменателен тем, что именно в античную эпоху Платоном в диалоге «Тимей» были заложены основы парадигматики как учения о Первообразе, высшем принципе мироустройства, не имеющем начала. Именно этот понятийный аспект античности реплицируется в Живой Этике, но не напрямую, согласно вышеупомянутым правилам использования прецедентных текстов, а опосредованно. «В тексте Живой Этики обнаружены как парадигматические понятия и соответствующие словообразовательные гнезда, так и представления о парадигмальности. В Живой Этике встречается понимание парадигмы как особой абсолютной реальности. Само слово «парадигма» не встречается в Агни Йоге. Однако присутствуют эквивалентные понятия, такие как «принцип», «единое», «высшее», «первоисточник», которые выражают понимание высшего принципа. Употребляемое же словосочетание «высший образ» является русским переводом греческого слова “парадигма” и семантически соответствует платоновскому термину «paradeigma» (первообраз, высший образ), характеризующему вечное, тождественное, неизменно существующее бытие» [Павлов, 2004, с. 59].

В Живой Этике упоминаются Аполлоний Тианский [Сердце, 2012, §588; Мир Огненный, 1995, кн. 1, §342; §367], Пифагор [Мир Огненный, 1995, кн. 1, §358; §658] и Платон, причем последний наиболее часто фигурирует как Мыслитель – в книге «Надземное». Отвечая на вопросы читателей Е. И. Рерих в личных письмах сообщает, что Мыслитель – это великий Платон (письмо от 16.11.1938), а десятилетием позднее дополняет, что это собирательный образ (письмо от 08.06.1948). Здесь возникает интересная лингвокультурологическая коллизия: отсылка к античной традиции как бы есть, но она неявная и лишь подразумевается, поэтому апокрифические дополнения к классическому корпусу прецедентных текстов выглядят и новыми, и узнаваемыми одновременно.

ХРИСТИАНСТВО

Образ Христа в Живой Этике – один из основополагающих, не только как Господь, но и как Путь [Знаки Агни Йоги, 1994, §467; Сердце, 2012, §550].

«И сердце поведет путем Христовым, как к ступени Преображения» [Сердце, 2012, §333]. Христос неоднократно упоминается как Спаситель: «Он собрал в себе весь Свет. Он наполнился отречением от самости и земной собственности. Он знал дворец духа и храм огненный» [Мир Огненный, 1995, кн. 1, §589].

В текст повествования вплетаются такие узнаваемые отсылки к описанному в Евангелиях Страстному Пути, такие как Голгофа, Терновый венец [там же, §140, §587] и др.

Также в книге «Надземное» не менее трети параграфов содержат описания деяний или мыслей Великого Путника. По некоторым высказываниям читатель, знакомый с христианским учением и преданием, догадывается, что упоминается именно Христос: «Именно толпы своими криками ввели Путника под особые страдания. Толпы, те же самые толпы, кричали о царстве, и они же торопили казнь» [Надземное, 1996–1997, §153]. В личных письмах Е. И. Рерих подтверждает: «Великий Путник – конечно, Христос» (письмо от 28.06.1948). Такое не прямое упоминание опять же позволяет авторам Живой Этики дополнять классический корпус текстов Евангелий апокрифическими повествованиями. Интересно, что во многом они оказываются созвучны еще не найденному в тот период своду апокрифических Евангелий из Наг-Хаммади.

Также среди прецедентных текстов есть и Ветхий Завет, его репрезентирует имя пророка Моисея, Лестница Иакова, упоминание падшего Ангела, Сатаны и др. [Сердце, 2012, §21, §210, §424; Мир Огненный, 1995, кн. 2, §186; Мир Огненный, 1995, кн. 3, §312].

Живая Этика отсылает читателя и к некоторым выдающимся личностям, святым и подвижникам христианской истории, и соответственно, к текстам Священного Предания. К христианским подвижникам относятся, например, Фома Кемпийский, написавший трактат «Подражание Христу», Св. Франциск Ассизский и Св. Тереза, русский Святой Сергей Радонежский и др. [Знаки Агни Йоги, 1994, §13; Мир Огненный, 1995, кн. 1, §157; кн. 2, §14].

Конечно, Живая Этика не ограничивается вышеупомянутыми прецедентными текстами. Используются имена и термины более поздних времен, в том числе научная лексика, соответствующая времени написания книг, а также метафоры, описывающие духовную Вселенную, построенные по аналогии с естественнонаучной картиной мира – вибрации, вихри, насыщение пространства и т. п. Даже актуальные на тот момент социальные теории и их авторы – Маркс и Ленин – упомянуты в книге «Община», ее Ургинском издании, которое было ориентировано на читателей в Советской Монголии и Советском Союзе.

Исследователь творчества Е. И. Рерих и публикатор ее эпистолярного наследия Т. О. Книжник пишет: «В системе познания Живой Этики язык – это не система условных знаков, а продукт мыслетворчества и духотворчества его носителя ... один из видов одухотворенной материи. В языке “запечатлена история мысли человечества”, говорится в Учении, а “словарь – история культуры”» [Книжник, 2012].

Размышляя над сверхсмыслом использования прецедентных текстов разных духовных традиций в Живой Этике, в ней самой находим подтверждение гипотезы об аксиоматичности для данного текста сущностного единства некоторых понятий разных религиозных и духовно-философских систем, а также гипотезы о Едином Сюжете как канвы для нового смыслообразования: «Неужели человечество не может понять, что знание идет из одного Источника? Потому деление на знание и невежество будет делением света и тьмы. Мы легко Тору заменяем гимнами Вед и заветы Будды соединяем со словами Христа, ибо не видим отличия в Учениях одного Источника» [Знаки Агни Йоги, 1994, §90]; «Легко доказать непрерывность того, что люди называют религией. В этой непрерывности ощущается один поток той же энергии. Называя ее психической энергией, говорим о той же Софии мира эллинов или Сарасвати индусов. Святой Дух христиан являет признаки психической энергии так же, как создающий Адонай Израиля и Митра, полный солнечной мощи. Конечно, никто не сомневается, что Огонь Зороастра есть Огонь Пространства...» [там же, §416].

В данном случае мы наблюдаем еще одну закономерность бытия культуры, когда древние священные и базовые тексты, вплетаясь в новое духовно-философское учение, становятся частью механизма системы наследования культуры. Они связаны с памятью культуры и являются частью ее «мнемонической программы» [Иванова, 2008, с. 77], «они реплицируются через поколения с высокой точностью, воплощаются в действия нового поколения...» [Hartberg, Wilson, 2017], и не только в действия, но и в новые тексты, и становятся составными частями нового мировоззрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытожить эти размышления, которые в принципе не являются чем-то законченным, но остаются лишь подступом к изучению текста Живой Этики, можно следующим образом. Данное философское учение, созданное как синтез западного и восточного мировоззрений, объединяет культурные

накопления этих мировоззрений, этих ментальностей. В частности, используются базовые прецедентные тексты, которые представляют собой существенную часть механизма наследования культур Востока и Запада, а также смысловую составляющую соответствующих картин мира, уходящих корнями в глубокую древность. Живая Этика использует эти тексты как своеобразный

«словарь», который помогает строить новую лексико-культурологическую картину мира. В ней все великие религиозные и мифологические тексты объединены Единым Сюжетом. С точки зрения логики самого текста Живой Этики их использование обосновано для построения нового эволюционного витка развития философской мысли – нового, космического мировоззрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шапошникова Л. В. Философия космической реальности. Тверь, 2008.
2. Книжник Т. О. Проблема понимания текста с позиций энергетического мировоззрения // Живая Этика как творческий импульс космической эволюции: материалы Международной научно-общественной конференции, 2011. М.: МЦР, 2012. С. 302–333.
3. Лавренова О. А. Метафоры в Живой Этике как форма выражения философских идей космической эволюции // Живая Этика как творческий импульс космической эволюции. Материалы Международной научно-общественной конференции. М.: МЦР, 2012. С. 394–403.
4. Лавренова О. А. Философско-этическое учение Живая Этика: текст в культуре // Вестник культурологии. 2020. №3. С. 150–164. DOI:10.31249/hoc/2020.03.10
5. Павлов А. В. Феномен парадигматической лексики в Живой Этике // Интеллектуальный потенциал молодых ученых России: Труды Сибирского института знаниеведения. Барнаул, 2004. Вып. 3. С. 57–61.
6. Иванова Л. С. Текст как универсальная форма существования культуры и как объект семиотических исследований // Научные труды. 2008. № 6. С. 71–78.
7. Klein W. W. Sacred Texts: Hermeneutics. Encyclopedia of Language & Linguistics, 2006. P. 723–729. DOI: 10.1016/b0-08-044854-2/00786-0
8. Лотман Ю. М., Минц З. Г. Литература и мифология // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПб., 2002. С. 727–743.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
10. Edelmann A., Mohr J. W. Formal studies of culture: Issues, challenges, and current trends // Poetics. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2018.05.003>
11. Щибря О. Ю. Прецедентный текст как уникальная единица концептосферы текста // Культурная жизнь Юга России. 2011. №3 (41). С. 56–58.
12. АУМ. М.: МЦР, 1996.
13. Знаки Агни Йоги. М.: МЦР, 1994.
14. Сердце. М.: МЦР, Мастер Банк, 2012.
15. Мир Огненный: в 3 кн. М.: МЦР, Мастер Банк, 1995.
16. Надземное: в 2 кн. М.: МЦР, 1996–1997.
17. Hartberg Y. M., Wilson D. S. Sacred text as cultural genome: an inheritance mechanism and method for studying cultural evolution // Religion, Brain & Behavior. 2017. №7:3. P. 178–190. DOI: 10.1080/2153599X.2016.1195766

REFERENCES

1. Shaposhnikova, L. V. (2008). *Filosofiya kosmicheskoy real'nosti* = Philosophy of cosmic reality. Tver. (In Russ.)
2. Knizhnik, T. O. (2012). *Problema ponimaniya teksta s pozicij energeticheskogo mirovozzreniya* = The problem of understanding the text from the standpoint of the energetic worldview. Living Ethics as a creative impulse of cosmic evolution: Materials of International Scientific Societies. conf. 2011. Moscow: ICR. 302–333. (In Russ.)
3. Lavrenova, O. A. (2012). *Metafori v Zhivoj Etike kak forma vyrazheniya filosofskih idej kosmicheskoy evolyucii* = Metaphors in Living Ethics as a form of expression of philosophical ideas of cosmic evolution. Living Ethics as a creative impulse of cosmic evolution. Materials of the International Scientific and Public Conference. 2011. Moscow: ICR. 394–403. (In Russ.)
4. Lavrenova, O. A. (2020). *Filosofsko-eticheskoe uchenie ZHivaya Etika: tekst v kul'ture* = Philosophical and ethical teaching Living Ethics: text in culture. Bulletin of Cultural Studies, 3, 150–164. DOI:10.31249/hoc/2020.03.10
5. Pavlov, A. V. (2004). The phenomenon of paradigmatic vocabulary in Living Ethics. Intellectual potential of young scientists of Russia: Tr. Sib. in-ta znaniavedeniya. Barnaul, Issue 3, 57–61. (In Russ.)
6. Ivanova, L. S. (2008). Text as a universal form of cultural existence and as an object of semiotic research. Scientific works, 6, 71–78. (In Russ.)
7. Klein, W. W. (2006). Sacred Texts: Hermeneutics. Encyclopedia of Language & Linguistics, 723–729. doi:10.1016/b0-08-044854-2/00786-0

8. Lotman, Yu. M., Mints, Z.G. (2002). Literatura i mifologiya = Literature and mythology. History and typology of Russian culture. SPb.: Iskustvo-SPb, 727–743. (In Russ.)
9. Karaulov, Yu. N. (2010). Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian language and linguistic personality. Moscow: LKI. (In Russ.)
10. Edelmann, A., Mohr, J. W. (2018). Formal studies of culture: Issues, challenges, and current trends. In Poetics. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2018.05.003>
11. Shchibrya, O.Y. (2011). Precedentnyj tekst kak unikal'naya edinica konceptosfery teksta = Precedent text as a unique unit of the conceptual sphere of the text. Cultural life of the South of Russia, 3 (41), 56–58. (In Russ.)
12. AUM (1996). M.: ICR. (In Russ.)
13. Znaki Agni Yogi = Signs of Agni Yoga (1994). M.: ICR. (In Russ.)
14. Serdtse = Heart. (2012). M.: ICR, Master Bank. (In Russ.)
15. Mir Ognennyi = Fiery World. (1995). 3 books, Moscow: ICR, Master Bank. (In Russ.)
16. Nadzemnoe = Supermunday (1996–1997). 2 books M.: ICR. (In Russ.)
17. Hartberg, Y. M., Wilson, D. S. (2017). Sacred text as culturalgenome: an inheritance mechanism and method for studying cultural evolution. Religion, Brain & Behavior, 7:3, 178–190. DOI: 10.1080/2153599X.2016.1195766

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавренова Ольга Александровна

кандидат географических наук, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lavrenova Olga Aleksandrovna

PhD (Geography), DSc (Philosophy), Leading Researcher,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрана после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

Научная статья

УДК 008.316, 168.522

DOI 10.52070/2542-2197_2022_5_860_147

Французское общество в XXI веке: контурь культурно-ценностного раскола

Н. Ю. Лапина

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
lapina_n@mail.ru

Аннотация. Во Франции проживает самая большая мусульманская община в Западной Европе. В настоящее время в стране сложилось «параллельное общество», члены которого живут в соответствии с мусульманскими религиозными правилами и представлениями о культурно-бытовых нормах поведения. Долгое время вопросы культурного и религиозного сепаратизма оставались за пределами публичной дискуссии. Ситуация изменилась в начале 2000-х годов в связи с политизацией ислама, ставшей ответом на глобализацию, неудачи модернизации мусульманских обществ, сложности социальной адаптации мусульман в тех странах, где они составляют меньшинство. Эта проблема затрагивает многие страны мира и очень остро стоит во Франции. Объектом изучения является мусульманская диаспора Франции, ее отношения с властями и теми, кого принято называть коренными французами.

Ключевые слова: мусульманская община, ислам, Франция, Э. Макрон, сепаратизм, терроризм, образование, Закон о соблюдении республиканских принципов, система ценностей, культура

Для цитирования: Лапина Н. Ю. Французское общество в XXI веке: контурь культурно-ценностного раскола // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 147–153. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_147

Original article

French Society in the XXI Century: Contours of the Cultural and Value Split

Natalia Yu. Lapina

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lapina_n@mail.ru

Abstract. France is home to the largest Muslim community in Western Europe. Currently, a “parallel society” has developed in the country, whose members live in accordance with the Muslim religious rules and ideas about cultural norms of behavior. For a long time, the issues of cultural and religious separatism remained outside the public discussion. The situation changed in the early 2000s due to the politicization of Islam, which became a response to globalization, the failures of modernization of Muslim societies, the difficulties of social adaptation of Muslims in those countries where they are a minority. This problem affects many countries of the world and is very acute in France. The object of study is the Muslim diaspora of France, its relations with the authorities and those who are commonly called indigenous French.

Keywords: Muslim community, Islam, France, E. Macron, separatism, terrorism, education, the law on compliance with republican principles, value systems, culture

For citation: Lapina, N. Yu. (2022). French society in the XXI century: contours of the cultural and value split. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(860), 147–153. 10.52070/2542-2197_2022_5_860_147

ВВЕДЕНИЕ

В современных обществах существует множество размежеваний, носящих социально-экономический, социально-пространственный, политический характер. Немаловажными являются и социокультурные различия, тесно связанные с упомянутыми типами различий и ведущие к формированию разделенных сообществ. Для исследования социальных разломов политической наукой предложен концепт разделенных обществ. «Теоретическая фундированность и согласованность представлений о ключевых факторах и типах социальных размежеваний и политических противостояний становится условием *sine qua non* существования национально-страновых сообществ, разделенных по разным основаниям – от ценностного выбора и культурных предпочтений до включенности в форматы общения цифрового общества и цифровой экономики, либо же исключенности из них», – пишут российские ученые [Семененко, Лапкин, Пантин, 2021, с. 55]. Изучаются различные типы социальных расколов, предпринимаются попытки их систематизации. Вместе с тем в российской науке тема разделенных обществ пока не получила должного освещения.

Социальные и социокультурные размежевания во французском обществе относятся к разным эпохам: одни представляют социальные разломы индустриальной эпохи, трансформировавшиеся с вступлением Франции в глобальную экономику; другие отражают социальные процессы нового глобализованного информационного общества; третьи возрождают культурно-ценностные разломы доиндустриальной эпохи. К последним относится культурно-ценностной раскол, возникший на религиозной почве и ставший следствием массового притока во Францию выходцев из мусульманских стран. В результате в географическом соседстве оказались народы, имеющие разную историю, систему ценностей, принадлежащие к различным религиям и культурам.

В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в современном французском обществе в связи с численным ростом мусульманской общины и возросшей ролью «исламского фактора» в общественно-политической жизни страны.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА В ЖИЗНИ ФРАНЦИИ: КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Франция исторически является страной массовой иммиграции. Алжирская война и деколонизация

привели к тому, что со второй половины XX в. в страну устремился поток иммигрантов преимущественно из мусульманских стран Северной и Черной Африки. С включением Франции в глобальную экономику, которую нередко отождествляют с кочевым образом жизни, в страну стали прибывать миллионы новых мигрантов. Миграционный кризис 2015–2016 гг. еще больше усложнил ситуацию, поскольку во Францию хлынул поток беженцев из стран Азии, преимущественно людей без образования, не знающих французского языка и не интересующихся культурой страны, которая их приняла.

Из-за отсутствия этнической статистики вопрос о численности французских граждан-выходцев из мусульманских стран, остается открытым. К 2019 г., по данным французского Института статистики и экономических исследований, численность иммигрантов составила 6,7 млн человек (9,9 % населения страны), из них 2,5 млн. получили французское гражданство. Французский социолог Ж. Фурке прогнозирует, что численность французов с мусульманскими корнями в ближайшие десятилетия составит от 20 до 25 % населения страны [Fourquet, 2019, с. 140].

Выходцы из иммиграции впервые вышли на французскую общественно-политическую сцену в 1983 г. Рабочие, участники массовых забастовок в автомобильной промышленности, наряду с социально-экономическими выдвинули требование уважения к исламской традиции (празднование Рамадана). Тогда же новое поколение иммигрантов начало борьбу за признание своего языка и культуры (требование создания радиовещания на арабском языке). Осенью 1983 г. по всей Франции прошел «Марш за равенство против расизма», участники которого высказались за предоставление иммигрантам гражданских прав. А в 1989 г. во Франции впервые вспыхнул публичный скандал с участием мусульман: три школьницы пришли на занятия в хиджабе, за что были исключены из колледжа.

Власти Франции были в растерянности. Пока политики спорили относительно решения проблемы, ученые попытались приоткрыть завесу над новым общественным явлением. В 1987 г. в свет вышла книга «Исламские пригороды. Рождение религии во Франции» [Kepel, 1987]. Ее автор политолог и известный арабист Ж. Кепель провел интервью с иммигрантами в неблагополучных кварталах и общежитиях, посещал мечети, общался с верующими и проповедниками. Он пришел к выводу: «потребность в исламе» стала мотивированным умонастроением, мотивированной коллективной волей людей, которые осознали, что остались

во Франции навсегда и уже никогда не вернутся на историческую родину. При этом автор отрицает факт политизации ислама и утверждает, что попытки радикализировать мусульманское сообщество не пользуются поддержкой у французских мусульман [Kerel, 1987].

Реальность оказалась более сложной. С начала XXI в. мусульманский мир пришел в движение. В политический процесс вовлекались ресурсы «отнюдь не этнической и даже не национальной природы», происходила «политизация противостояния цивилизаций и культур путем апелляции к жизненно значимым для человека религиозным ценностям» [Семененко, Лапкин, Пантин, 2016, с. 79]. Политизация ислама стала ответом на глобализацию, неудачи модернизации мусульманских обществ, сложности социальной адаптации мусульман в тех странах, где они составляют меньшинство. Джихадисты Бен Ладена, а затем запрещенное в РФ Исламское государство начали атаку на западные страны. Цель идеологов радикального ислама состояла в том, чтобы дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в европейских странах, привлечь на свою сторону жителей неблагополучных кварталов и спровоцировать гражданскую войну.

Большую роль в исламизации предместий больших городов, где преимущественно проживают выходцы из иммиграции, сыграли исламские фундаменталистские организации. Среди них особое место принадлежит Ассоциации «братьев мусульман» (далее «Братья»), цель которой состоит в «реисламизации» арабо-мусульманского населения Франции. В отличие от джихадистов, сторонников радикальных идей и насильственных методов, и салафитов, традиционалистов, которые ориентированы на возвращение к образу жизни предков и «культурный разрыв» с западной цивилизацией, «Братья» занимаются воспитанием, следят за умонастроениями мусульманского сообщества, подвергая остракизму тех его представителей, которые выступают за открытость.

Пропаганда исламистов принесла свои плоды. Опрос, проведенный Французским институтом общественного мнения (Institut français d'opinion publique, IFOP), свидетельствует, что за последние 30 лет французские мусульмане стали более религиозными, их поведение в быту стало больше соответствовать мусульманским традициям и культурным ценностям. Если в 1989 г. о регулярном посещении пятничной молитвы заявляли 16 % опрошенных, то в 2019 г. их доля возросла до 38 %. Увеличилось число мусульман, соблюдающих посты, не принимающих алкоголь и предпочитающих халяльную пищу [Les musulmans en France,

2019]. Как пишет Ж.Фурке, в современном французском обществе всё больше напоминающем архипелаг, отдельные островки которого не связаны друг с другом, становится всё меньше смешанных браков между мусульманами и коренными французами; мусульмане предпочитают селиться в зонах компактного проживания исламских диаспор [Fourquet, 2019]. Коренные французы, этнически смешанные семьи и иммигранты из европейских стран покидают «сложные» кварталы (во Франции их называют *quartiers sensibles* «кварталы, требующие повышенного внимания»).

Исследователи подчеркивают, что мусульманская община неоднородна. Часть ее выступает за «просвещенный» или «французский» ислам, предполагающий сосуществование мусульманской религии с республиканскими принципами. Некоторые выходцы из мусульманской общины сделали ставку на полную интеграцию во французское общество, что предполагает признание его культурных и политических ценностей. Они преуспели в жизни, получили образование, некоторые добились высот в политике. Родившаяся в многодетной семье иммигрантов Р. Дати в 2007 г. стала первой женщиной-министром из иммигрантской среды (министр юстиции и хранитель печати в 2007–2009 гг.). В правительствах президента Ф. Олланда (2012–2017 гг.) также были министры, родившиеся в иммигрантских семьях (Ф. Амара, Н. Валло-Белькасем). Министр внутренних дел Ж. Дарманэн – внук алжирского иммигранта. В политическом классе есть и другие выходцы из иммиграции.

В то время как одни мусульмане рассматривают религию в качестве частного дела, в среде молодежи, проживающей в этнических анклавах, которые превратились в социальные «гетто», происходит процесс реисламизации.

НОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЕ

О росте радикальных исламистских настроений в школе в политкорректном французском обществе долгое время предпочитали молчать. Вышедший в 2004 году доклад генерального инспектора образования Франции Ж.-П. Обена, свидетельствовавший о формировании внутри французской светской школы «параллельного мусульманского сообщества», не привел к принятию серьезных мер со стороны правительства [Андреева, 2021, с. 142]. Эта тема получила освещение лишь после террористических актов 2015 г.: убийства журналистов

сатирического журнала *Charlie Hebdo* и расстрела публики в концертном зале «Батаклан».

Именно тогда известные французские социологи, специалисты по вопросам молодежи А. Мюксель и О. Галлан, приступили к проведению социологического исследования французской молодежи на предмет ее религиозности и склонности к радикализму. В 2018 г. ими было опубликовано исследование «Радикальное искушение. Опрос лицеистов» [La tentation radicale, 2018]. Среди опрошенных были представители мусульманского сообщества, а также молодые люди других вероисповеданий. Авторы исследования исходили из того, что радикализм представляет собой сложное явление, в котором интенсивная религиозная практика (регулярное посещение мечети, следование нормам религиозной жизни, соблюдение постов и праздников) сочетается с высказываниями, направленными на разрыв с политическими, социальными и культурными нормами французского общества. Результаты социологического исследования свидетельствовали, что молодые мусульмане в среднем более привязаны к религии, чем молодые французы, представляющие другие конфессии; треть из них (35 %) утверждала, что ислам – это «единственная истинная религия». Религиозность молодых мусульман, по мнению ученых, является символическим ресурсом, который они используют в общении со старшими и сверстниками, это специфический способ самоутверждения в обществе [La tentation radicale, 2018]. Она не соотносилась исследователями с социально-экономическими факторами, а была порождена фрустрацией, чувством несправедливости, ощущением того, что иммигрантское происхождение суживает социальные перспективы и делает молодых мусульман подозрительными в глазах полиции.

Выводы, сформулированные А. Мюксель и О. Галланом о том, что во Франции усиливается разрыв между мусульманской и немусульманской молодежью, подтверждаются и другими исследованиями. Опрос Французского института изучения общественного мнения (IFOP), проведенный в 2020 г., свидетельствовал, что большинство мусульман в возрасте от 14 до 29 лет (57 %) считали религиозные и культурные нормы шариата выше законов Республики [Pétreault, 2020].

Все это создает большие проблемы для образовательного процесса. Многие учащиеся-мусульмане не готовы на уроках истории изучать вопросы христианства и Холокоста, на уроках литературы отказываются от чтения текстов Вольтера и Руссо, а на уроках биологии не желают слушать объяснения, касающиеся размножения

живых существ. Они не посещают уроки физического воспитания, отказываются плавать в одном бассейне с немусульманами. Французские учителя, преподающие в «сложных» кварталах, подвергаются психологическому давлению и угрозам. Нередко в целях поддержания относительного «спокойствия» директора школ идут на поводу у родителей и учеников-мусульман. К этому следует добавить, что многие дети получают образование на дому (в 2020 г. их численность составила 50 тыс. человек), другие посещают коранические школы, где преподавание ведется на арабском языке. На протяжении последних десятилетий во Франции не только сформировалось «параллельное общество», живущее по своим особым законам, но, как пишет Л. А. Андреева, и «параллельная система образования», которая укрепляет религиозное чувство молодых людей и прививает им неевропейские нормы поведения [Андреева, 2021, с.143].

НЕИЗВЕСТНОЕ ПОРОЖДАЕТ СТРАХ

На протяжении последних десятилетий во французском обществе нарастали тревоги и страхи, связанные с численным ростом мусульманской общины и тем, что она все более активно заявляла о себе. Мусульманский мир из невидимого превратился в видимый. В городах Франции построены тысячи мечетей, открыты мусульманские кладбища, функционируют сотни культурных, просветительских мусульманских ассоциаций и организаций. Страх перед новым общественным явлением стал одной из причин политического усиления праворадикального Национального фронта (с 2018 г. «Национальное объединение»), а также появления на политической арене таких фигур, как Эрик Земмур.

Опросы, проведенные Центром изучения французской политической жизни (CEVIPOF), свидетельствуют о том, что недоверие к Другому превратилось в норму современной жизни: лишь 33 % французов считали, что можно доверять другим людям (2020). По уровню недоверия Франция – один из лидеров в Западной Европе [Baromètre de la confiance politique, 2020]. Подавляющее большинство французов (65 %) высказываются за закрытие национальных границ для мигрантов. В иерархии тревог французов проблемы, связанные с иммиграцией, занимают третье место после покупательной способности и экологии, о чем осенью 2021 г. заявляли 29 % опрошенных. Социологами давно установлена связь между проблемой иммиграции и политической принадлежностью тех или иных категорий граждан: более чувствительны

к иммиграционной теме представители правых и крайне правых взглядов. Еще более остро, чем проблема миграции, во французском обществе ощущается страх перед исламом: 63 % респондентов полагают, что «ислам представляет угрозу для республики». Новым является то, что в настоящее время эту точку зрения высказывают не только люди правых взглядов, но и левые. Осенью 2021 г. этого мнения придерживались 46 % социалистов [Enquête électorale française, 2022].

ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ: ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА К БОРЬБЕ С СЕПАРАТИЗМОМ

На протяжении истории французскими властями были апробированы различные варианты политики в отношении мигрантов. Начиная со времен Третьей республики, власти проводили в отношении инокультурных этносов политику ассимиляции, которая должна была, в конечном счете, превратить иностранцев в настоящих французов.

С 1980-х годов с приходом социалистов к власти во Франции начала развиваться противоположная унитаризму тенденция признания культурного многообразия населения Франции. В 1980–1990-е гг. оформился курс на принятие «различий» (diversité). Не заявляя об этом официально, власти стали проводить политику мультикультурализма. Однако в 2012 г. президент Франции Н. Саркози публично заявил о провале мультикультурализма.

В 2004 г. во Франции был принят закон, запрещавший ношение религиозной символики в публичных местах, в 2010 г. – закон против ношения мусульманского женского головного убора, закрывающего лицо (никаб). При этом находившиеся у власти политики были сосредоточены на внешних атрибутах мусульманской религии и, ведя борьбу с хиджабом или никабом, лишь усиливали напряженность внутри французского общества. Нельзя не согласиться с А.В. Гордоном, полагающим, что «борьба с изоляцией общины оборачивается усилением последней. В сущности, нет ничего парадоксального в том, что именно такая политика и усугубляет культурный сепаратизм меньшинств» [Гордон, 2019, с. 34]. На практике политика запретов внешней атрибутики привела к тому, что многие девочки-мусульманки перешли в частные школы, где преподавание ведется в исламских традициях. Тем временем центральные вопросы, связанные с реформой образования, созданием условий для социализации молодежи из неблагополучных кварталов, установлением

государственного контроля над деятельностью мусульманских общественных организаций, по сути не предпринимались.

В вопросах, связанных с иммиграцией, французские власти долгое время оставались нерешительными. Во-первых, политики опасались открытых конфликтов с мусульманской диаспорой. Во-вторых, существовали чисто политические резоны, поскольку в иммигрантах часть политиков видела своих избирателей. Именно так дело обстояло с Ф. Олландом, который свою избирательную кампанию ориентировал на меньшинства, в том числе на выходцев из иммиграции. Это не мешало президенту говорить в частных беседах о существующем в стране расколе.

Поворотным моментом в политике властей стало убийство Самюэля Пати, учителя истории и географии в городке Конфлан-Сен-Онорин недалеко от Парижа (октябрь 2020 г.). Франция была потрясена этим событием. В ситуации повышенной напряженности президент Э. Макрон заявил об объявлении войны «политическому» исламу. В начале октября 2020 г. глава государства выступил с речью, посвященной борьбе с исламским сепаратизмом.

Летом 2021 г. во Франции был принят Закон о соблюдении республиканских принципов. В законе затронут широкий комплекс вопросов, связанных с культурной сферой, т. е. с образованием, деятельностью общественных организаций, а также со здравоохранением. С начала 2021 г. учебного года введено обязательное образование для детей с трех лет, при этом домашнее образование стало возможным исключительно по состоянию здоровья, при частой смене места жительства и для детей, профессионально занимающихся спортом. Вдвое сократилась численность учащихся в классах в «сложных» кварталах.

Законом введены некоторые социокультурные инновации: запрещено требовать осмотра женщин-мусульманок исключительно врачами-женщинами, как того нередко требовали родственники-мужчины. Власть предложила решительно действовать в отношении врачей, выдающих справки о девственности, в противном случае их ждет штраф в размере 15 тыс. евро.

Более прозрачным стало спонсирование мечетей, закрыть их в случае нарушений становится проще. В законе поставлен вопрос о реорганизации мусульманского культа на территории Франции, о формировании светской мусульманской идентичности и «просвещенного ислама», а также вопрос об освобождении французского ислама от внешних влияний, поскольку многие имамы прибывают во Францию из Саудовской Аравии, Египта и даже не знают французского языка. Планируется наладить во Франции обучение собственных

имамов. Этим должен заниматься Французский совет мусульманского культа. Именно такая практика особо важна, поскольку на сегодняшний день во Франции действуют как имамы, принявшие принципы «просвещенного ислама», так и проповедники, приехавшие из-за рубежа и не соблюдающие республиканских принципов. В статье 12 закона сформулированы требования к ассоциациям и фондам: в случае получения дотаций от государства они обязаны подписать договор о соблюдении республиканских принципов и в случае его нарушения лишаются финансирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеграционный потенциал французского общества в последние десятилетия резко сократился. На сегодняшний день во Франции сложились два параллельных общества, наделенных глубокими религиозными и ценностными различиями. Одно общество – европейское, в основе его культуры республиканские принципы светскости, а религиозность – частное дело гражданина. Это общество в последние десятилетия все больше дрейфует в сторону либеральных ценностей и признания индивидуальных свобод. Другое общество – мусульманское, требующее изменения законов Французской республики, признания мусульманских религиозных норм и традиционных правил жизни. Несовместимость двух подходов к пониманию социокультурно значимых ценностей очевидна. Противостояние двух параллельных обществ усиливается еще и тем, что их представители живут в разных пространствах и практически не общаются друг с другом; социальных и этнических смешений становится все меньше.

Радикализация одних неизбежно порождает радикализацию других. Самоидентификация мусульман на религиозной основе возрастала по мере начавшейся во Франции борьбы государства с исламской угрозой. В свою очередь, религиозность мусульман порождает страхи и неприятие ислама и мусульман в целом в среде коренных французов. Еще совсем недавно терпимое французское общество радикализируется, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения. Осенью 2021 г. тревожные настроения были

характерны для 38 % французов, чувство гнева испытывали 16 %, о протестных настроениях заявляли 14 % опрошенных. Тревогу чаще испытывали сторонники праворадикального «Национального объединения», гнев и протестные настроения – представители крайне левых партий и движений (сторонники Ж.-Л. Меланшона, зеленые, троцкисты, коммунисты) [Enquête électorale française, 2022].

Культурно-ценностной раскол возникает во Франции не впервые. В XVI в. Франция пережила религиозные войны, которые завершились только в XVIII в. Сегодня вновь заговорили о том, что Франция находится на пороге «религиозной войны», а один из кандидатов на президентский пост Э. Земмур создал политическое движение «Реконкиста» (Отвоевание), цель которого – выдворить из страны нелегалов и преступников с двойным гражданством, приостановить приток иммигрантов. Схожие требования отстаивает и лидер «Национального объединения» М. Ле Пен.

Перед лицом культурно-ценностного раскола власти сделали ставку на восстановление республиканских принципов, что, на взгляд Э. Макрона, должно положить конец исламистскому сепаратизму. В свою очередь, представители левых взглядов убеждены, что Франция должна оставаться открытой для иммиграции. И что борьба с социально-экономическим неравенством, безработицей, неустроенностью могут помочь молодым людям из неблагополучных кварталов интегрироваться в социум.

Результаты президентских выборов 2022 г. показали, что культурно-ценностной раскол общества имеет прямую политическую проекцию. В первом туре выборов за президента Франции Э. Макрона проголосовали 27,8 % избирателей; за лидера Национального объединения М. Ле Пен – 23,1 %; за левого радикала Ж.-Л. Меланшона – 21,9 %. Франция политически разделена на три блока: в центре находятся президент Э. Макрон (во втором туре он получил 58,5 % голосов избирателей) и его партия; слева и справа от центра – радикальные популистские партии, отстаивающие противоположные взгляды на проблему иммиграции. Очевидно, что при такой расстановке политических сил проводить последовательную и слаженную политику по отношению к иммиграции и мусульманскому сообществу властям будет непросто.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. М. 2021. №5. С. 54–75.
2. Fourquet J. L'archipel français: Naissance d'une nation multiple et divisée. Paris : Le Seuil, 2019.
3. Kepel G. Les banlieues de l'Islam: Naissance d'une religion en France. Paris: Le Seuil, 1987.

4. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. 2016. № 6. С. 69–94.
5. Les musulmans en France, 30 ans après l'affaire des foulards de Creil // Le Point. 23.09.2019. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-musulmans-en-france-30-ans-apres-laffaire-des-foulards-de-creil/>
6. Андреева Л. А. Радикальный исламизм в школах Франции и Германии // Современная Европа. 2021. № 3. С. 139–148.
7. La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens / Sous la dir. de O. Galland, A. Muxel. Paris: PUF, 2018.
8. Pétreault Cl. Pour 57% des jeunes musulmans, la charia plus importante que la République // Le Point. 05.11.2020. URL: https://www.lepoint.fr/politique/pour-57-des-jeunes-musulmans-la-charia-plus-importante-que-la-republique-05-11-2020-2399511_20.php
9. Baromètre de la confiance politique. 2020. Vague 11, févr. URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Barome%CC%80tre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf>
10. Enquête électorale française. 2022 : Vague 2. URL : [https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/Rapport%20Ipsos_CVIPOF%20LEMONDE%20FJJ%20_SituationPolitique%20\(1\).pdf](https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/Rapport%20Ipsos_CVIPOF%20LEMONDE%20FJJ%20_SituationPolitique%20(1).pdf)
11. Гордон А. В. Ислам во Франции: Опыт интеграции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2019. № 3. С. 5–53.

REFERENCES

1. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2021). Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: criteria for assessment and classification. Polis, 5, 54–75. (In Russ.)
2. Fourquet, J. (2019). L'archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée. Paris: Le Seuil.
3. Kepel, G. (1987). Les banlieues de l'Islam. Naissance d'une religion en France. Paris: Le Seuil.
4. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2016). Classifying ethnic conflicts: challenges for political theory and methodology. Polis, 6, 69–94. (In Russ.)
5. Les musulmans en France, 30 ans après l'affaire des foulards de Creil (2019). Le Point. 23.09.2019. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-musulmans-en-france-30-ans-apres-laffaire-des-foulards-de-creil/>
6. Andreeva, L. A. (2021). Radical Islamism in the schools of France and Germany. Modern Europe. Moscow, 3, 139–148. (In Russ.)
7. Galland, O., Muxel, A. (2018). La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens. Paris: PUF.
8. Pétreault, Cl. (2020). Pour 57% des jeunes musulmans, la charia plus importante que la République. Le Point. 05.11.2020. https://www.lepoint.fr/politique/pour-57-des-jeunes-musulmans-la-charia-plus-importante-que-la-republique-05-11-2020-2399511_20.php
9. Baromètre de la confiance politique (2020). Vague 11. <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Barome%CC%80tre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf>
10. Enquête électorale française (2022). Vague 2. [https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/Rapport%20Ipsos_CVIPOF%20LEMONDE%20FJJ%20_SituationPolitique%20\(1\).pdf](https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/Rapport%20Ipsos_CVIPOF%20LEMONDE%20FJJ%20_SituationPolitique%20(1).pdf) (accessed 30 oct. 2021).
11. Gordon, A. V. (2019). Islam in France: The experience of integration. Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African studies, 3, 5–53. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лапина Наталия Юрьевна

доктор политических наук, главный научный сотрудник

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lapina Natalia Yurievna

Doctor of Political Sciences, Principal Researcher,

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 13.05.2022

The article was submitted 04.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 13.05.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 5 (860)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 5 (860)**

Ответственные за выпуск:

М. В. Томская, кандидат филологических наук, доцент
М. Б. Раренко, кандидат филологических наук
Н. Н. Трошина, кандидат филологических наук

Editors:

M. V. Tomskeya, PhD (Philology), Associate Professor
M. B. Rarenko, PhD (Philology)
N. N. Troshina, PhD (Philology)

Редактор В. А. Геронимус

Editor V. A. Geronimus

Верстка: А. Алымов, Ю. Л. Герасимова

Layout: A. Alymov, Yu. L. Guerassimova

Разработка макета: А. Алымов

Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 13.09.2022

Signed for print: 13.09.2022

Усл. печ. л. 19,3. Формат 60х90/8

Conventional printed sheets: 19,3. Layout format 60x90/8

Заказ № 22/22

Order 22/22

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

© FSBEI HE MSLU, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».